

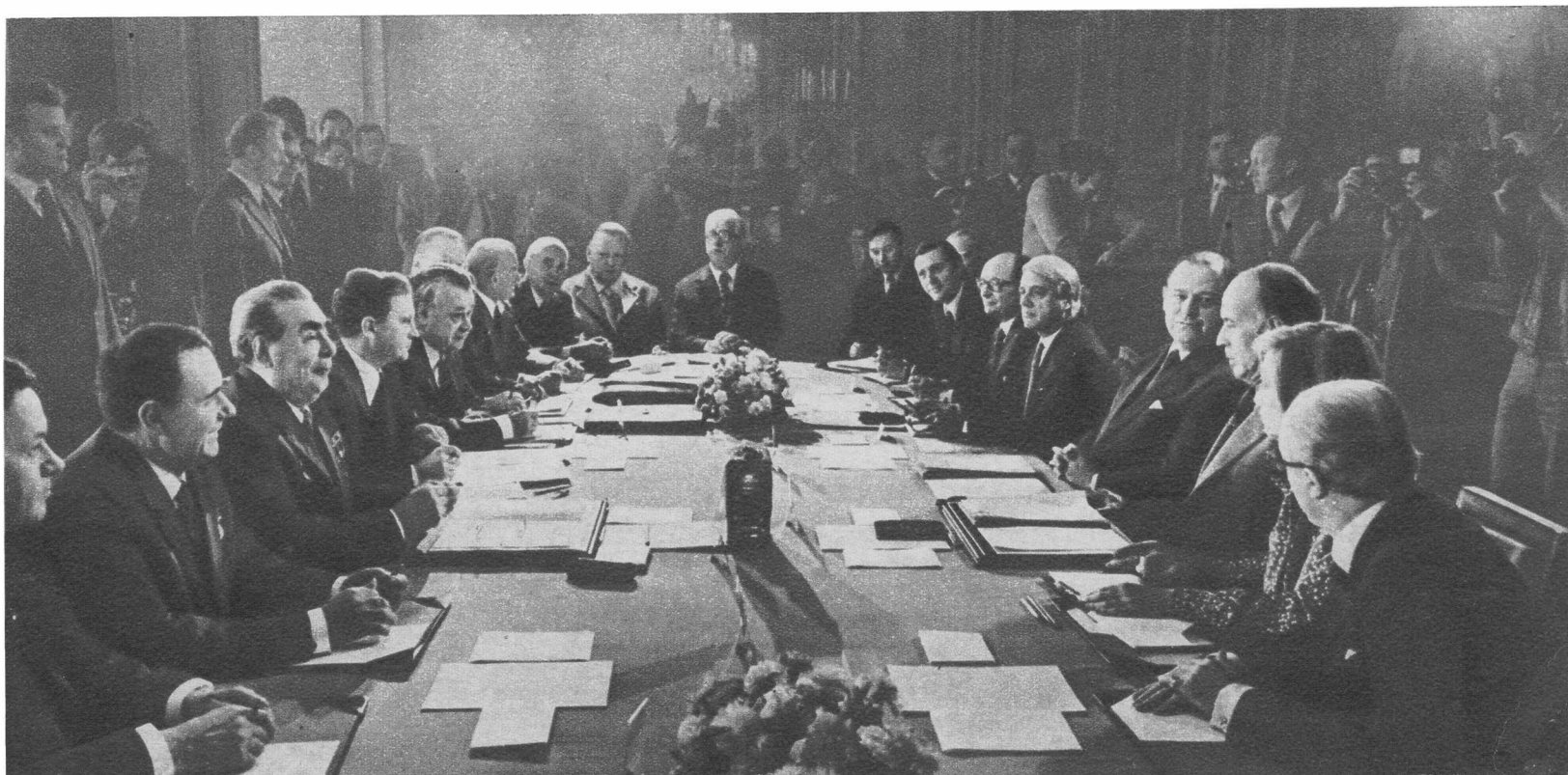
...РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТОГО ВИЗИТА БУДУТ СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СССР И ФРАНЦИЕЙ И ЯВЛЯТСЯ ВКЛАДОМ В ДЕЛО УЛУЧШЕНИЯ ОБСТАНОВКИ В ЕВРОПЕ И НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В ЦЕЛОМ.

ИЗ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ.

ПУСТЬ КРЕПН

Во время
подписания
документов.

Фото
А. Пахомова

По приглашению Президента Французской Республики В. Жискара д'Эстэна Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного

Совета СССР Л. И. Брежнев находился с 20 по 22 июня 1977 года с официальным визитом во Франции.

В беседах, состоявшихся в Рамбуйе, участвовали:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, министр гражданской авиации СССР Б. П. Бугаев, посол СССР во Франции С. В. Червоненко, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС

ЕТ ДРУЖБА

Во время
переговоров.

Фото
спец. корр. ТАСС
В. Мусаэльяна
и В. Соболева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 27 (2608)

2 ИЮЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонёк». 1977

В. В. Загладин, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, член коллегии МИД СССР Ю. В. Дубинин;

с французской стороны — премьер-министр, министр экономики и финансов Р. Барр, министр иностранных дел Л. де Гиренго, министр-делегат по вопросам экономики и финансов Р. Булен, министр внешней торговли А. Росси, генеральный секретарь канцелярии президента Ж. Франсуа-Понсе, посол Франции в СССР Б. де Лесс, помощник по особым поручениям при президенте Ж.-Ф. Лека, советник канцелярии президента Ж.-П. Дюте, советник канцелярии президента Г. Робен, директор управления внешних экономических связей министерства экономики и финансов Б. Ларрера де Морель, директор департамента по экономическим и финансовым вопросам МИД А. Фроман-Мерис, заведующий европейским отделом МИД Ж. Андреани.

Беседы проходили в атмосфере большой сердечности, соответствующей дружественным отношениям и историческим связям, которые

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев во время возложения венка к могиле Неизвестного солдата.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев здоровается с ветеранами авиаполка «Нормандия — Неман» после возложения венка к могиле Неизвестного солдата.

существуют между двумя странами, и формирующейся ходом более чем десятилетнего сотрудничества. Они дали возможность провести полезный и углубленный обмен мнениями по важнейшим международным проблемам, а также по вопросам советско-французских отношений.

21 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в советском посольстве во Франции членов групп франко-советской дружбы Национального собрания и сената, а также президентского совета общества «Франция — СССР». Между Л. И. Брежневым, французскими парламентариями и руководителями общества «Франция — СССР» состоялась теплая, дружественная беседа.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев посетил парижскую мэрию. Его тепло приветствовал мэр Парижа Ж. Ширак. Между Л. И. Брежневым и мэром Парижа состоялась краткая беседа.

Во второй половине дня Л. И. Брежнев возложил венок к могиле Неизвестного солдата.

22 июня во дворце Рамбуйе в торжественной обстановке состоялось подписание советско-французских документов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Французской Республики В. Жиска д'Эстэн подписали: Советско-французскую декларацию; Совместное заявление Советского Союза и Франции о разрядке международной напряженности; Советско-французскую декларацию о нераспространении ядерного оружия.

Были подписаны также: Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Французской Республики о сотрудничестве в области транспорта и Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Французской Республики о сотрудничестве в области химии. Их подписали: за правительство Союза Совет-

Встреча на Внуковском аэродроме.

ских Социалистических Республик член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, за правительство Французской Республики министр иностранных дел Франции Л. де Гиренго.

В тот же день был подписан Протокол к программе углубления советско-французского сотрудничества в области экономики и промышленности на десятилетний период. Его подписали по уполномочию своих правительств министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр внешней торговли Франции А. Росси.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев 22 июня возвратился из Франции в Москву.

Вместе с Л. И. Брежневым возвратились член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, министр внешней торговли Н. С. Патоличев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел А. Г. Ковалев.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР, товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, члены ЦК КПСС А. П. Вадер, В. В. Кузнецов, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, А. П. Шитиков, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС М. П. Георгадзе, С. К. Цвигун, Г. К. Цинев, член Центральной ревизионной комиссии КПСС Ю. М. Чурбанов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Голиков, начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР В. И. Васильев, другие официальные лица.

В числе встречавших был временный поверенный в делах Франции в СССР Ж. Дюпон.

Проводы на аэродроме Орли.

Фото спец. корр. ТАСС
В. Мусазьяна и В. Соболева

Фото А. Гостева

УСПЕХ ПОЛИТИКИ МИРА

Владимир КАТИН

Три дня на Елисейских полях развевались государственные флаги СССР и Франции. Три дня — с 20 по 22 июня — французская столица принимала высокого гостя — Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

— Это были приятные, памятные и политически насыщенные дни, — сказал Л. И. Брежнев в день отъезда из Франции. — Мы высоко ценим значение переговоров, состоявшихся у нас в эти дни с Президентом Французской Республики и членами правительства Франции. Обоюдными усилиями проделана большая и серьезная работа.

Со своей стороны, Президент Французской Республики В. Жиска д'Эстен также высоко отозвался о беседах и переговорах с главой Советского государства. В частности, он отметил, что результаты сотрудничества двух стран «соответствуют нашим ожиданиям, служат делу разрядки в Европе и во всем мире».

Конкретные итоги визита Л. И. Брежнева во Францию — это Советско-французская декларация, Совместное советско-французское заявление о разрядке международной напряженности, Советско-французская декларация о нераспространении ядерного оружия, а также целый ряд соглашений в области транспорта, экономики, промышленности. Особенность всех этих документов состоит в том, что, во-первых, они затрагивают не только сферу двустороннего сотрудничества, но имеют более широкое — мировое звучание; во-вторых, они охватывают не только самые актуальные проблемы современности, но фактически распространяются на будущее в его историческом понимании. Показательно, например, что в совместном заявлении о разрядке международной напряженности сделана попытка найти общий ответ на вопрос о содержании политики разрядки, о том, в каких направлениях она должна развиваться. Такая постановка вопроса проникнута заботой о будущем всего человечества, причем на многие годы вперед. Удалось также определить линии сотрудничества в деле уменьшения опасности распространения по планете ядерного оружия.

В правительственных и политических кругах, в самых широких слоях общественности Франции считают, что достижение столь крупных и конкретных договоренностей делает сотрудничество и взаимодействие двух государств более прочным и перспективным. Оценивая итоги этого события, премьер-министр Франции Р. Барр говорит: «Я очень доволен обстановкой, в которой прошел визит Л. И. Брежнева, и результатами, которых добились главы наших государств. По моему мнению, следует сделать два основных вывода: с одной стороны, Франция и Советский Союз подчеркнули свою приверженность политике разрядки, согласия и сотрудничества, с другой — они проявили конкретную решимость продолжать работать для дела мира, уменьшения международной напряженности и процветания во всем мире».

Газета «Юманите» пишет: «Л. И. Брежнев может с полным основанием считать, что его визит во Францию был полезным. Подписанные документы имеют положительный характер. Они вновь подтверждают совместную волю СССР и Франции продолжать сотрудничество и способствовать укреплению разрядки».

По мнению видного политического деятеля Франции К. Эстье, с которым мне удалось побеседовать сразу же после завершения переговоров, визит Л. И. Брежнева во Францию представляет собой бесспорный успех во всех отношениях.

Председатель партии «Объединение в поддержку республики», мэр Парижа Ж. Ширак, комментируя итоги встречи на высшем уровне, подчеркивает, что его радует характер и содержание только что состоявшихся переговоров, особенно по поводу разрядки напряженности. «Это — шаг в правильном направлении. Соглашение между Францией и Советским Союзом, — добавил он, — постоянный фактор нашей дипломатии».

В одном из парижских пригородов, в Курнёве, у ворот механического завода «Рато» беседуя с потомственным рабочим, коммунистом Ж. П. Пиженом. «Я полностью одобряю итоги визита Леонида Брежнева в нашу страну, потому что этот визит содействует расширению сотрудничества, укреплению связей между народами наших стран, которые объединяет славное боевое прошлое. Я убежден, что мою точку зрения разделяет вся трудовая Франция». Со многими французами разных взглядов и убеждений мне довелось встречаться в эти незабываемые дни в Париже, и все они сходились в одном: нынешний визит советского руководителя открыл новые просторы для дальнейшего развития добрых и взаимовыгодных связей. «Прогрессивная общественность Франции знает и высоко ценит Л. И. Брежнева как крупного государственного деятеля, который самоотверженно и неутомимо борется за дело мира и международного сотрудничества в интересах народов всех стран», — взволнованно говорит известный общественный деятель, член президентского совета общества «Франция — СССР» Р. Маркье.

Таким образом, есть все основания испытывать глубокое удовлетворение результатами этой новой советско-французской встречи в верхах. Ведь были не только подведены итоги развития отношений за последний период, но только освещены международные проблемы, но также намечены новые области сотрудничества, дан импульс для решения еще не урегулированных вопросов. Дело теперь за тем, чтобы воплотить достигнутые договоренности в жизнь.

Париж, по телефону.

Полицейские расправляются с участником демонстрации.

Фото АР—ТАСС

ЗА ПОЛНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

До начала нынешнего века Панама была составной частью Колумбии, но в ноябре 1903 года в этой далекой провинции вспыхнул мятеж против правительства Боготы. С помощью Вашингтона повстанцам удалось без труда создать независимое государство. Спустя две недели после провозглашения независимости новые власти были вынуждены подписать с Соединенными Штатами договор об условиях строительства и эксплуатации водного пути. В соответствии с этим договором Панама навечно предоставила США право использовать, оккупировать и контролировать полосу своей территории длиной в 65 километров и шириной в 8 километров по обе стороны канала. Для судоходства канал был открыт в 1914 году. На полосе земли вдоль Панамского канала живут около 50 тысяч американцев. В зоне действуют американские законы. Фактически это 51-й штат США со своим губернатором, назначаемым Вашингтоном, своей полицией и армией. С 1915 по 1970 год доход США от эксплуатации канала составил примерно 2 миллиарда 33 миллиона долларов. Оккупация зоны канала дядей Сэмом служила причиной многочисленных выступлений панамцев в защиту своих национальных интересов. В январе 1964 года возмущение панамцев достигло предела. Толпы безоружных студентов пытались проникнуть в зону канала. Американские «зеленые береты» открыли по ним огонь: 20 студентов пали, сраженные пулями оккупантов. Только после этого Соединенные Штаты согласились начать переговоры. Правительство генерала Омара Торрихоса твердо проводит курс на восстановление национального суверенитета над зоной канала. Народ страны решительно поддерживает позицию своего правительства.

На снимке: демонстранты опускают американский флаг в зоне канала с тем, чтобы поднять на его месте национальный флаг Панамы.

Фото ЮПИ—ТАСС

За решеткой — молодежь.

Фото Камера Пресс — ТАСС

ТАИЛАНД

БОРЬБА НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ

В октябре минувшего года гражданское правительство Таиланда было свергнуто военной хунтой. В день переворота реакция учинила кровавую расправу над прогрессивной молодежью. Затем начались повальные аресты. Тюрьмы были переполнены. Однако военному режиму не удалось искоренить демократические настроения в широких общественных кругах. Нарастающий размах в стране приобретает вооруженная освободительная борьба. Бангкокские газеты сообщали, что многие патриоты, которых преследует военный режим, ушли в подполье, влились в партизанские отряды, базирующиеся в джунглях. Партизанские отряды действуют в северных, северо-восточных и южных районах страны. Непрекращающиеся попытки властей Бангкока разгромить партизанское движение свидетельствуют о том, что военный режим весьма обеспокоен широким размахом национально-освободительной борьбы и видит в активности партизанских отрядов серьезную опасность для существующего режима.

США

ОСТРОВ ПРИБЫЛЕЙ

Начиная с 1952 года Пуэрто-Рико стало «свободно присоединившимся государством». В действительности это означает только одно: экономическое ограбление Пуэрто-Рико Соединенными Штатами, а также безграничную эксплуатацию трудящихся острова иностранными монополиями. Страна, которую Соединенные Штаты рассматривают как «военный трофей», полученный от Испании в начале века, и с которой с тех пор обращаются как с колонией, систематически несет огромный экономический ущерб. В финансовых газетах США зачастую можно видеть такие рекламные объявления для привлечения американских фирм в Пуэрто-Рико: «Стопроцентное освобождение от налогов. В США это гарантирует вам один только район: Пуэрто-Рико. Нет налогов ни на прибыли компаний, ни на собственность. Нет ни местных, ни муниципальных сборов». Или: «Сто тысяч рабочих, готовых немедленно поступить на работу с зарплатой ниже средней американской». Ввиду огромной безработицы и бедственного положения многие пуэрториканцы покидают остров и уезжают в США в надежде там найти работу. Часть из них пополняет ряды сельскохозяйственных рабочих, ночуя с фермы на ферму, другие селятся в городах, в кварталах нищеты. Здесь они становятся жертвами обычной сегрегации: за одинаковую работу они получают зарплату, которая на 25 процентов ниже средней американской при одинаковой квалификации. Пуэрториканцы в географическом отношении образуют две нации: одна находится на острове (3 миллиона), другая — на американском континенте (2 миллиона), а в политическом отношении — одну нацию бесчеловечно эксплуатируемых. Пуэрториканцы никогда не смирились с колониальной зависимостью своей страны от США. Борьба перекинулась и в сами Соединенные Штаты. Так, недавно более тысячи пуэрториканцев, проживающих в Чикаго, потребовали предоставить независимость острову. Против демонстрантов были брошены крупные силы полиции, специально оснащенные для «подавления беспорядков». Два человека убиты и около 60 ранены — таков итог кровавой расправы полиции над участниками мирной демонстрации.

ИТАЛИЯ

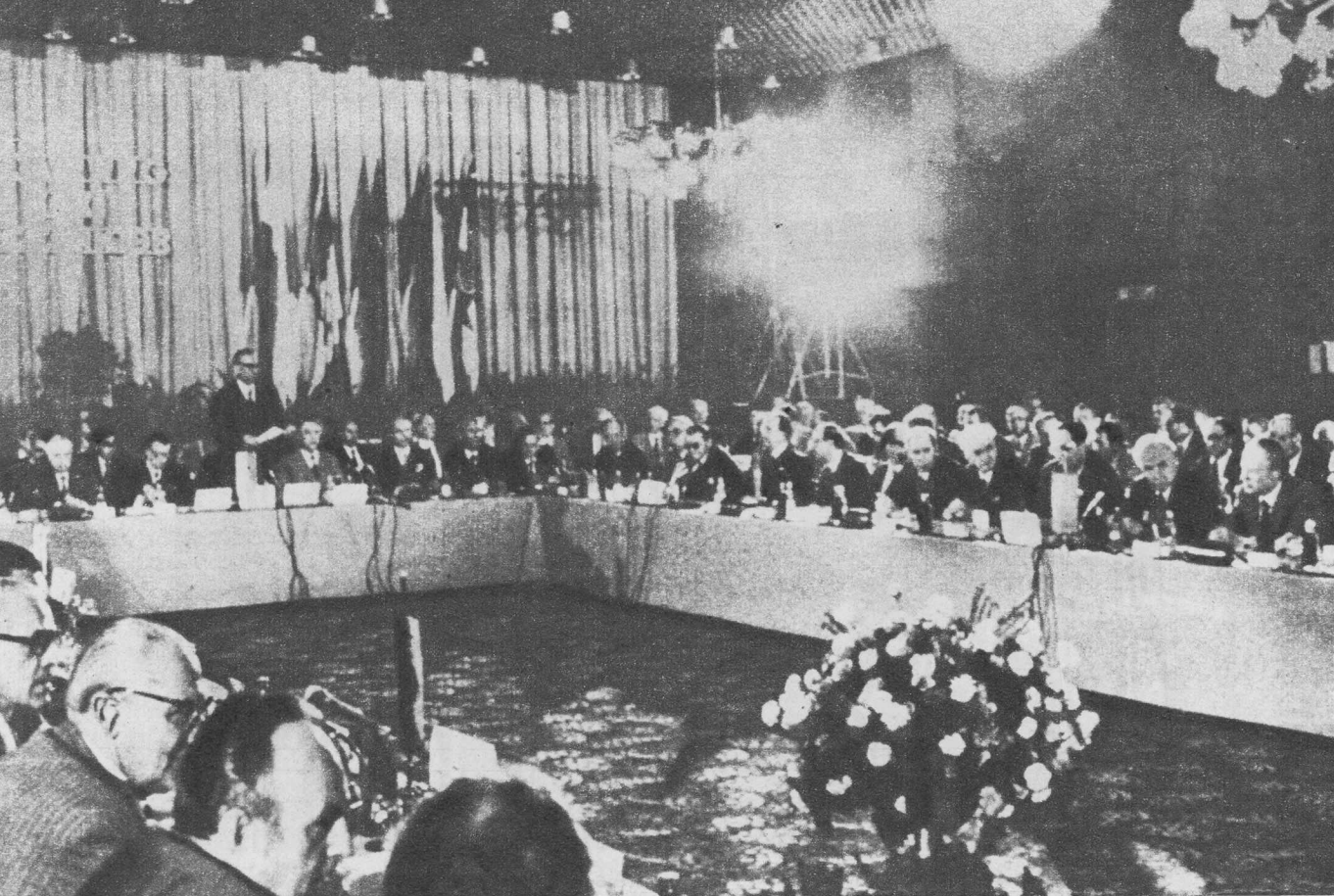
НА ДЕНЬГИ ЦРУ

По сообщению итальянских газет, Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов организует, финансирует и направляет террористические группы, которые развязали в последние месяцы в Италии партизанскую «уличную войну» и открыто похваляются тем, что «приступили к тотальной вооруженной кровопролитной борьбе против государства». Американское ведомство шпионажа и провокаций обвиняется в том, что щедро отпускало деньги, снабжало оружием и давало «оперативные советы» группам наиболее оголтелых хулиганов, прикрывающихся псевдореволюционными лозунгами. Эти группы — главные виновники актов вандализма и насилия на улицах итальянских городов. Левацкие группки идут в ногу с неофашистскими организациями, такими, как «новый порядок», «национальный авангард» и другие. Покушения на жизнь политических деятелей, избиения, беспорядки на улицах, похищения людей, захват имущества, грабежи, убийства представителей судебных властей и полицейских — все это звенья пресловутой «стратегии напряженности», с помощью которой осуществляются попытки до предела обострить обстановку в стране и подготовить почву для фашистского переворота. Как бы ни именовали себя террористы, какими бы революционными фразами ни прикрывались, в демократических кругах страны считают, что их действия носят явно провокационный характер и направлены на то, чтобы вызвать ответную реакцию справа, которая, по расчетам их вдохновителей, в конечном счете должна обернуться против левых сил — компартии, профсоюзов.

На снимке: одна из жертв насилия.

Фото ЮПИ—ТАСС

Варшава. XXXI заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

Телефото ЦАФ — ТАСС.

БРАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С 21 по 23 июня 1977 года в Варшаве состоялось очередное, XXXI заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи, которое проходило на уровне глав правительств стран — членов СЭВ.

В торжественной обстановке был заслушан доклад председателя сессии, Председателя Совета Министров Польской Народной

Республики П. Ярошевича «60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и братское сотрудничество стран — членов СЭВ».

В докладе и выступлениях глав делегаций было подчеркнуто непреходящее значение Великого Октября — главного события XX века, положившего начало новой эпохе в истории человечества — эпохе перехода от капитализма

к социализму, борьбы народов за полное освобождение от всех форм эксплуатации и угнетения, за прочный мир.

Был обсужден широкий круг вопросов, связанных с дальнейшим расширением и углублением сотрудничества на основе Комплексной программы социалистической экономической интеграции между странами — членами Сове-

та Экономической Взаимопомощи.

На заседании выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Он отметил, что советский народ вносит активный вклад в дело всемерного укрепления мировой социалистической системы. «Это важнейшее направление нашей деятельности», — сказал А. Н. Косыгин, — закреплено в проекте новой Конституции СССР, где подчеркивается, что Советский Союз, как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества, развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном разделении труда».

Участники сессии подчеркнули, что заключение соглашения между СЭВ и странами — членами СЭВ, с одной стороны, и ЕЭС и странами — членами ЕЭС, с другой стороны, могло бы внести положительный вклад в дело развития торгово-экономического сотрудничества между странами — членами обеих организаций и тем самым способствовало бы материализации разрядки и укреплению мира в Европе в духе положений Заключительного акта хельсинкского совещания.

Сессия выразила уверенность, что братское, всестороннее, постоянно развивающееся и углубляющееся экономическое и научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ и впредь будет служить важным фактором, активно способствующим успешному решению социально-экономических задач, поставленных их коммунистическими и рабочими партиями, укреплению сплоченности братского содружества стран — членов СЭВ, росту его международного авторитета и влияния.

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ

В центре внимания проходившего в Москве пленума правления Союза писателей СССР был проект Конституции СССР, коллективно выработанный Коммунистической партией, ее Централь-

ным Комитетом, Политбюро, при личном участии и под руководством Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

С докладом выступил первый секретарь правления СП СССР

Г. М. Марков. От имени всех писателей нашей страны он выразил глубокое удовлетворение в связи с единодушным избранием товарища Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верхов-

ного Совета СССР. В этом решении выражена воля всех советских людей, искренняя признательность и безграничное доверие народа к Леониду Ильичу Брежневу — продолжателю ленинского дела, последовательно марксистско-ленинцу, выдающемуся деятелю нашей партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения.

Докладчик и выступавшие говорили о том, что проект Конституции воплощает исторические завоевания нашей Родины за истекшие шестьдесят лет.

Писателей, как и всех деятелей советской культуры, радует, что в проекте подчеркивается роль творческих союзов как надежных помощников партии в деле коммунистического воспитания трудящихся.

На пленуме намечены меры по активному участию союзов писателей союзных и автономных республик, писательских организаций краев и областей в обсуждении проекта Основного Закона страны.

Участники пленума заслушали и обсудили также доклад секретаря правления СП СССР С. В. Михалкова «Подростки: проблема воспитания и литература».

Во время работы пленума

Фото Н. Кочнева

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ТОВ. ЧЕРЕВКОВА К. П.
ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

За многолетнюю плодотворную работу в советской печати и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить собственного корреспондента журнала «Огонек» тов. ЧЕРЕВКОВА Константина Петровича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
23 июня 1977 г.

НА СУББОТНИКЕ— МОЛОДЕЖЬ

«Комсомолец! Дашь две нормы!» С таким призывом вышли 25 июня на строительство животноводческого комплекса комсомольцы колхоза имени Дзержинского, Жмеринского района, Винницкой области.

Фото А. Гордиевича (ТАСС)

26 июня — День советской молодежи. В нынешнем году юность Страны Советов отмечала свой праздник под знаком активной борьбы за осуществление решений XXV съезда КПСС, широкой подготовки к празднованию 60-й годовщины Великого Октября.

С горячим одобрением встретила советская молодежь избрание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР, решения состоявшегося в мае этого года Пленума ЦК КПСС, проект новой Конституции СССР.

На заботу партии о благо народа молодежь отвечает самоотверженным трудом. 25 июня, в канун своего праздника, юноши и девушки вышли на Всесоюзный комсомольско-молодежный субботник. Средства, заработанные в этот день, поступят в фонд XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоится в Гаване в будущем году. Плечом к плечу с советскими дружились трудящиеся на субботнике юноши и девушки из братских социалистических стран.

Вместе с молодежью приняли участие в субботнике и многие кадровые рабочие, ветераны партии и комсомола, герои труда, наставники молодежи.

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, состоялся массовый митинг. Его участники с большим подъемом приняли письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АДМИРАЛ НАХИМОВ

В созвездии славных имен, составляющих гордость русской нации, адмирал Павел Степанович Нахимов, безусловно, звезда первой величины. Еще при его жизни в народе ходили легенды об этом удивительном человеке, герое Наварина, Синопа, Севастополя.

Биография П. С. Нахимова удивительно проста. Родился он 23 июня (5 июля) 1802 года в имении Городок, села Волочек (ныне село Нахимовское), Вяземского уезда, Смоленской губернии, в семье отставного офицера. Учился в Морском кадетском корпусе. Затем служба на флоте, участие в плаваниях, учениях, сражениях. Он так и не создал семьи. Да и дома у него, по существу, не было. Их заменяли корабль и товарищи по службе, в том числе и простые матросы, которых Павел Степанович любил как родных сыновей.

Из пятидесяти трех лет своей жизни сорок он отдал морю и флоту. Двадцать семь лет — командованию кораблями и соединениями.

Павел Степанович был воспитанником адмирала Михаила Петровича Лазарева — знаменитого мореплавателя, совершившего три кругосветных плавания, первооткрывателя Антарктиды, выдающегося военного деятеля.

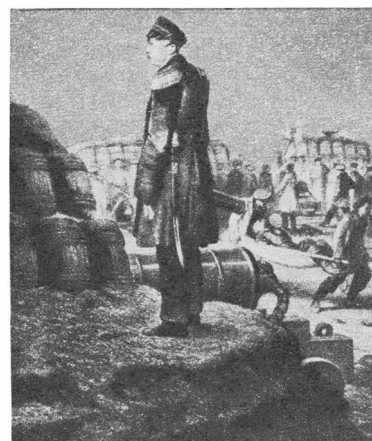
Венцом флотоводческого таланта Нахимова явилось, конечно, Синопское сражение 18/30 ноября 1853 года, когда «в действиях Нахимова обнаружилось то редкое соединение твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которое составляет исключительную принадлежность великих военачальников». Эту характеристику русского военного историка генерала Зайончковского, «согласованную с морскими специалистами», привел Е. В. Тарле в своей книге «Нахимов».

Державший свой флаг на 84-пушечном корабле «Императрица Мария» П. С. Нахимов (его эскадра состояла из 6 линейных кораблей и 2 фрегатов) полностью уничтожил вражескую эскадру из 16 вымпелов (спасся только один корабль), не потеряв при этом ни одного корабля.

Синопское сражение явилось апофеозом парусного флота. Начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов в одном из своих писем говорил, что имя Нахимова приобрело всеобщую популярность, и заканчивал письмо словами: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику!»

Тот, кто бывал в городе-герое Севастополе, знает, как бережно сохраняют там память о Павле Степановиче, вместе с Корниловым возглавившем первую оборону города в 1854—1855 годах. После смерти Корнилова Нахимов стал во главе обороны, продолжая в то же время командовать эскадрой.

Здесь, на Малаховом кургане, произведенный в адмиралы за отличие в обороне города, Нахимов и был смертельно ранен (до этого он не раз бывал контужен и очень

страдал, хотя тщательно скрывал это)...

28 июня 1855 года, Павел Степанович, как обычно, на своей маленькой серой лошади объезжал русские боевые порядки. Канонада шла довольно интенсивная. Вражеские ядра, бомбы, пули сопровождали его на всем пути. Находившийся в великодушном настроении адмирал даже шутил, обращаясь к сопровождавшим: «Видите-с, нас приветствуют!» Во время осмотра осадных работ неприятеля обстрел усилился. Нахимов стали уговаривать поостеречься. Но он возразил: «Не всякая пуля в лоб-с!»

...Штуцерная пуля попала адмиралу в висок. Через два дня, не приходя в сознание, он умер. Никто не хотел верить, что Севастополь остался без своего любимого «морского Суворова», как называл Нахимова один из защитников города, писатель П. В. Алабин. Но это было так. Не только Севастополь, вся Россия оплакивала гибель адмирала-героя.

Прошло более ста двадцати лет. И мы по-прежнему чтим светлую память нашего знаменитого предка. Свыше четырехсот моряков носили и носят на груди орден и около тысячи — медаль, учрежденные в честь флотоводца.

Многие юноши получили путевку на флот в Нахимовском училище. Черноморское высшее военное-морское училище имени Нахимова ежегодно направляет на корабли своих выпускников.

В сегодняшних деяниях советских военных моряков мы видим достойное продолжение тех героических морских традиций, формированию и развитию которых отдал без остатка свою яркую жизнь Павел Степанович Нахимов.

В. РЕДАНСКИЙ,
капитан I ранга

Сергей СМЕРНОВ

ЛИЧНЫЙ МАНИФЕСТ

В моих анкетных данных говорится,
Что существует улица и дом,
Где я живу под звездами столицы
И занимаюсь избранным трудом.

Несу свои гражданские нагрузки,
Ценю семейно созданный уют.
Мои стихи, звучащие по-русски,
Читают и охотно издают.

Казалось бы, живи себе спокойно,
Не помни зла, здоровье береги.
Но есть еще на белом свете войны
И есть еще заклятые враги.

И это значит — будь активен лично.
Все миролюбивы — вот твоя родня.
И мне и нам отнюдь не безразлично,
Каков баланс сегодняшнего дня.

В движение к миру крепнут наши узы,
Они желанны сердцу и уму.
Я — гражданин Советского Союза!
И нет меня без верности ему!

КОНКУРС ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

НЕРАЗРЫВНЫЕ СВЯЗИ

Было это осенью 1944 года. Близился конец войны. Я, девятилетний мальчик, жил тогда с братом, отцом и матерью в селе Меленцы. 2 октября вечером кто-то постучал в окно нашего дома. Все переглянулись.

— Не бойтесь, мы русские. Это были бойцы Советской Армии, наши освободители. Никто в доме, конечно, не говорил по-русски. Мой папа только показал рукой: «Проходите». Обычай сербский — гостям лучшее место. Но, к нашему удивлению, они никак не хотели лечь в спальню, а расположились на кухне. Было их четверо. На следующий день, прощаясь, один из них подарил мне ложку. Может, эта ложка обозначала желание бойца, чтобы все люди на свете были сыты, или, если он не вернется с войны, чтобы вспоминали его, а если останется в живых, чтобы мы встретились. Вот когда появилась у меня симпатия к русским.

Уже давно окончилась война. Я не знаю, что случилось с этим солдатом. Но в деревне, где теперь

я работаю учителем русского языка, стоит памятник. На нем надпись: «В знак благодарности и вечной памяти братьям русским, павшим за освобождение Стаичева. 3.X.1944 года. Давидов Михаил Васильевич и шесть неизвестных товарищей». Каждый год в День Советской Армии мои ученики приносят сюда живые цветы. Мы вспоминаем прошлое и повторяем: «Никто не забыт — ничто не забыто!»

Я был мальчишкой, когда старший брат дал мне толстый русский учебник. Я и теперь словно вижу эту книгу. Там еще была песня «Широка страна моя родная». Позже я выучил ее наизусть.

Моим учителем русского языка был Владимир Йокич. На первом уроке, помню, мы выучили слова: «мама», «папа», «брат», «родина», «Ленин» — и стихок:

Я учусь по-русски,
 Уже знаю то,
 Что значит «товарищ»,
 А что — «хорошо».

Пришел домой радостный, счастливый. Это было в 1947 году. После окончания гимназии я поступил в педагогический институт в городе Нови-Сад изучать русский язык. Потом работал учителем в Сербии, Боснии и очень обрадовался, когда узнал, что 29 июня 1972 года поеду на учебу в Москву! Ехали мы поездом из Белграда. В группе было около ста учителей русского языка, работавших в восьмилетних и средних школах.

В первый вечер в Москве меня спросили: «Борянов, вы русский?» Я ответил: «Нет, только чувствую себя русским».

Глубочайшее впечатление произвел на меня Мавролей Ленина. Мы познакомились с достопримечательностями Москвы и Ленин-

града, любовались красотой этих мест. Особенно нам понравились экскурсии в знаменитые Горки Ленинские и в дом-музей Чайковского в Клину.

Очень памятно также посещение Пискаревского кладбища в Ленинграде. Как потрясающе звучит на этом святом месте героическая симфония Дмитрия Шостаковича! Занимались мы в Московском ордена Трудового Красного знамени государственном педагогическом институте имени Ленина. Наш педагог Людмила Васильевна Коваленко относилась к нам очень дружелюбно, внимательно. Ее уроки фонетики были всегда интересны. Мы сами назначили ее нашим «классным руководителем». Уроки лексик и стилистики вела Татьяна Гавриловна. Веселая, добродушная, она помогала нам во всем.

Жили мы в общежитии на улице Космонавтов. В одной комнате были Сава, Василь, Мома и я. В свободные часы наша подруга Милица играла на рояле, а мы пели. Очень нравилась песня «Хотят ли русские войны».

Однажды вблизи ВДНХ я хотел отдать в ремонт сломанные очки. И у киоска разговорился с одним человеком. Мы познакомились, поговорили. Часто бывали вместе. Теперь мой друг живет в новом районе Москвы. Он прислал мне книги: рассказы Сергея Воронина и повесть Анатолия Иванова «Жизнь на грешной земле». Некоторые рассказы С. Воронина я уже перевел на сербскохорватский язык.

Наша учеба в Москве закончилась 30 июля 1972 года. В ту ночь никто на этаже не спал. Радовались, плясали, пели русские и югославские песни. Мы от души благодарили педагогов: было много цветов и... слез.

Мой друг Сава тоже живет в

Зренянине, мы встречаемся, вспоминаем о днях, когда вместе учились. Он окончил университет, работает учителем. Всегда он угощает меня квасом. Это мой любимый напиток.

С Василем переписываемся. Он работает в восьмилетней школе. Мома Джорджевич — преподаватель русского языка в школе для взрослых в городе Неготин.

В 1975 году Московское радио и ЦК ВЛКСМ проводили конкурс в связи с 30-летием Победы над фашизмом. Лучшее из Югославии ответили Юлияна Георгиева из Македонии, Вилем Жупанек из Словении и я. Тогда была еще одна незабываемая встреча с советской землей и людьми.

...Мой дедушка Илья воевал в первую мировую войну. Он был солдатом австрийской армии и, как многие из сербов, перешел к русским. Тогда жил в окрестностях Екатеринослава (ныне Днепрпетровск). Ему теперь 89 лет, и он часто мне рассказывает о прошлом.

У меня есть сын Владимир. Он пятниклассник, учится на «отлично» и особенно любит уроки русского языка. Недавно он получил фотоальбом Москвы и пособия для изучения русского языка по радио.

Мне 42 года. Очень люблю свою профессию. Быть воспитателем — это ответственное и почетное дело. Я подписчик журналов «Огонек», «Советский Союз» и «Русский язык в школе». С волнением прочел роман Юрия Бондарева «Берег», который мне так понравился, что я решил его перевести.

Связи с советским народом и его культурой все больше и больше крепнут. Эти связи неразрывны, дружеские, вечные.

Бранислав БОРЯНОВ,
 учитель

Зренянин, СФРЮ.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Не скрою, что разволновалась, прочитав объявление об этом конкурсе. У меня тоже советский диплом, я получила его в одном из лучших вузов мира — Ленинградском политехническом институте имени М. И. Калинина. И, конечно, никогда в жизни не забуду того дня — 18 октября 1954 года.

Но я хочу начать свою «исповедь» несколько раньше. По какому-то совпадению дата будет опять восемнадцатое, только месяц сентябрь, а год — 1949-й. Вы уже догадываетесь, наверное, что это год моего приезда в Советский Союз, а день, точнее, это была ночь, — когда наш поезд переехал мост над Прутом и мы, около двухсот человек, оказались на советской земле. Все стояли у окон и пели: «Москва, Москва, поет о тебе вся страна...»

Навсегда в памяти у меня сохранились огни Москвы. Помню первые слова, которые произнесла на русской земле. Меня спросили, знаю ли я русский язык. «Буду научит», — ответила я. Как видите,

познания у меня в русском после школы были неважные. Когда через пять лет я написала диплом на 150 страничках (правда, с формулами), там не было ни одной ошибки. И по сей день я прекрасно помню русский язык, никогда не переставала читать русские книги, они половина моей библиотеки.

Я сказала, что окончила один из лучших институтов в мире. Сейчас хочу добавить: в одном из красивейших городов мира. Мне очень-очень повезло, что училась в Ленинграде.

В конце июня 1974 года праздновали двадцатилетие окончания института. Стояли белые ночи, и мы, вновь встретившиеся друзья, без конца ходили по Ленинграду, по любимым местам.

На первом курсе у нас в группе учились поляки, чехи, румыны, венгры, корейцы. Нелегко было преподавателям. С величайшим терпением они объясняли, рисовали, искали нужное слово в словаре...

Русский нам преподавала Клавдия Георгиевна Гавра. Будучи современной революции, она много рассказывала нам о тех годах, о студенческих собраниях, о встрече студентов нашего института с Лениным, о Маяковском, которого она видела. Говорила нам о

только что прочитанной книжке, об интересной статье. Она старалась следить за всеми новостями, и в этом не было бы ничего удивительного, если бы не то, что после перенесенной блокады она почти потеряла зрение и читала с толстенными очками, подносила книжку к одному глазу и передвигала ее. Я была самой младшей в группе, и Клавдия Георгиевна относилась ко мне поистине с материнской заботливостью.

Одно из ярких воспоминаний студенческой жизни — поездка в Разлив и Зеленогорск. Это было весной 1950 года, я еще училась на первом курсе. Нас было около девяти человек, представлены были все социалистические страны. Никогда не забуду, с каким волнением ходили мы по историческим местам, связанным с именем вождя революции.

После первого курса мы разошлись по факультетам. Я училась на гидротехническом, специальность — гидроэнергетика, у профессора Александра Александровича Морозова, а мы были первым выпуском. Сказать, что мы любили Александра Александровича, будет мало. Мы обожали его. Никогда никто не отсутствовал на его лекциях.

В день защиты диплома я была ни жива ни мертва от страха. Пока другие защищались, я зашла в буфет, так как с утра ничего не ела. За соседним столиком завтракал профессор Морозов. «Бойтесь?» «Нет, Александр Александрович, я просто мертва от страха, а мертвым нечего бояться», — ответила я. Он улыбнулся и сказал, что ничего страшного не будет. И потом, во время защиты, я все время чувствовала на себе его ободряющий взгляд. Защитилась я на «отлично».

Мы глубоко признательны за прекрасную подготовку, которую нам дали. То же самое говорили о своих преподавателях мои соотечественники, которые учились на других факультетах. Все они достойно поддержали потом честь своего института. Николай Наплатанов теперь профессор, директор института кибернетики, заведует кафедрой автоматики в высшем машинно-электротехническом институте. Благой Петков — профессор, руководит кафедрой автомобилей в том же институте. Цвятко Лилон (он тоже профессор) был одним из создателей института механизации и электрификации сельского хозяйства в Русе, где

и сейчас работает. Профессор Иван Потоков — ректор инженерно-строительного института в Софии. Шели Бенатова — главный специалист в министерстве энергетики, Спиридон Илиев — советник министра энергетики, Йордан Георгиев Мечкарски и Александр Алексиев — заместители главного инженера софийского НИИ «Энергопроект». Костадин Ферарадов — генеральный директор «Гидростроя» Болгарии. Константин Станчев — директор капитального строительства организации «Водное хозяйство».

Я работаю в «Энергопроекте» Софии главным инженером по гидросилому оборудованию гидроэлектростанций и насосных станций. Очень часто приходится ездить по объектам. Иногда бывает трудно, надо спорить со строителями, решать возникшие на месте проблемы. Но зато какое счастье, когда услышишь свирепый рев воды, помчавшейся по трубопроводу, и увидишь, как сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начинает крутиться турбина! Я работаю уже двадцать три года, участвовала в проектировании многих гидростанций.

Крупнейший мой объект — болгаро-румынский гидротехнический комплекс «Никопол — Турну-Мэгуреле». Я занимаюсь гидросиловым оборудованием. Наш проект разрабатывается на основании советских агрегатов, и мы получали очень ценную консультацию в «Гидропроекте» в Москве и на заводах ЛМЗ и «Электросила» в Ленинграде.

Советских людей, с которыми поддерживаю связь, не перечислить. Но обязательно хочу сказать о большом нашем друге, который всегда и во всем помогал нам, — это Михаил Федорович Складнев, директор Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники в Ленинграде. В этом институте испытывалась техника для наших объектов, его сотрудники и наши специалисты разрабатывали совместные темы, ленинградцы приезжают к нам для консультаций, мы ездим туда, наши специалисты кончали там аспирантуру. Сам же Михаил Федорович, несмотря на многочисленные обязанности, всегда находил время для болгарских друзей.

Невена ПОПКИРОВА,
 инженер

София.

Болгарские студенты Ленинградского политехнического. Единственная женщина на снимке — это я

Эдуард Мане. 1832—1883. ПОРТРЕТ МЕРИ ЛОРАН. ОСЕНЬ. 1882.

Музей в Нанси.

Эдуард Мане. ПОРТРЕТ СТЕФАНА МАЛЛАРМЕ. 1876.

Музей импрессионизма. Париж.

Озерная синь

Виктор БОКОВ

●
Когда весна водою талою
Ударит из-под колеса,
Когда глаза твои усталые
Опять вспорхнут под небеса.

Тогда они озерной синью
Наполнятся и чистотой,
Тогда начнут на всю Россию
Смотреть с великой добротой.

Тогда начнут вселять надежду,
Манить к себе, располагать,
И излучать тепло и нежность,
И, главное, ни в чем не лгаты!

БЕРЕЗА

Роща белая к солнцу тянется
Ослепительной прямою.
Сколько света березам
Достанется,
Столько будет и нам с тобой!

Вот одна из них наклонилась
На твоё и моё плечо.
Говорит нам: «А я умылась
Теплым дождиком! Хорошо!»

И опять молчит белоствольная,
Жмется ветками к нам двоим.
Так доверчиво и раскованно
Под березонькой мы стоим.

А березонька наклоняется,
Нежно, нежно весь день поет.
И в любви с тобой объясняется,
А слова у меня берет!

ХОЧУ СПРОСИТЬ

Хочу тебя спросить —
О чем ты плачешь?
Какую от меня
Ты тайну прячешь?

Былое не вернешь
И не исправишь.
Ты и сама о том
Отлично знаешь.

Я прошлое твоё
Взвалю на плечи.
Прошу тебя: — Не плачь!
Мне будет легче.

Твои, мой шаг —
Маршрут единый.
Давай вдвоем вершить
Полет наш лебединый!

ТРАВЫ

Стояли травы, пили росы мая,
Цвели, терпели засуху и зной.
Беспечно жили, не припоминая,
Что я к ним прошлый год
Ходил с косой.

Краснела на лугу моя рубаша,
А я косил и что-то напевал.

От моего умелого замаха
Никто не оживал и не вставал.

Ах, глупые! Так скоро вы забыли,
Что есть коса, что в ней
Пощады нет.
Вы верили в пространства
Голубые
И выходили к людям на кювет.

А я опять вас, да под самый
корень,
Да высушил, да выметал стога,
Которые чуть выше колоколен
И месяцу под самые рога.

Мне травы ранят сердце
увяданьем,
От запаха душа в приливе сил.
Вот почему я плачем и рыданьем
Оплачу гибель тех, кого скосил!

ВСПОМИНАЯ ЛЕТО

По лугам прошлась коса
В сто расстегнутых рубашек.
И упала вся краса
Клеверов и белых кашек.

Луг, как рекрут, весь обрит,
Бьет осу осенний шершень.
А душа опять скорбит,
Тихо плачет об ушедшем.

Прошлое мое, ты где,
С богатырской хваткой силы?
Только ветер по воде
Гонит желтый лист осины.

Да ревет над лесом «Ту» —
Ближе, ближе, резче.
Да ворона на лету
Что-то каркает зловеще!

ЛЕЧАЩЕМУ ДОКТОРУ

Мы ходим к докторам,
стучимся вежливо,
Садимся в кресло, чтоб
скорей вздохнуть.
А доктора-то, что они, железные?
А им-то помогает кто-нибудь?

Вот вы сидите, рядом,
Марь Васильевна,
Находите, что слаб
сердечный тон.
А у самой-то под глазами синее
И на плечах усталости вагон.

Давно ли вы-то были в санатории
И подставляли плечико волне?
Так это нужно, милая! Тем более
Что надо разобраться вам во мне.

Истолковать пониженные тонусы,
Причины всех неврозоз угадать,
Чтоб на вопросы все ответить
полностью
И за мое здоровье отвечать.

Вот вы идете узким
коридорчиком,
С не очень-то сияющим лицом,
Стучат ступни о пол не легким
дождиком,
А падающим на землю свинцом.

Я не местком,
не профорганизация.
Я личность. Я поэт. Я друг людей.

Послушайте меня
вы обязательно
И мой совет исполните скорей.
Садитесь в поезд.
Поезжайте на море,
У моря круглосуточный прием.
Воспрянете немедленно,
краса моя,
И обретете молодость при нем!

МЕЛОДИЯ В МИНОРЕ

В моей мелодии минор,
Который все сильней с годами.
За речкой лес глухонемой,
Река, придавленная льдами.

Такая тишь. В ушах звенит
Тугая тетива пространства.
Под темной елью лось стоит,
Большой, таинственный,
прекрасный.

Я вижу, что и он другой,
Чем был в июне. Как печально:
Зверь, в сущности, немолодой,
Один в лесу рассвет встречает.

Синичка выронила: — Пинь!
И прынул великан ушами
И в снежную лесную стын
Пошел широкими шагами.

Куда ты? Ничего в ответ.
И нет его в одно мгновение.
И пролилась на свежий след
Мелодия исчезновенья!

СОН

Андрияну Николаеву

Наверно, космонавты спят иначе,
Чем я вот в Переделкине,
на даче!

Забрался на копну, в траве утоп,
Был ясный месяц серебром
подкован,
Мне ноздри щекотал степной
укроп,
Я замирал от запаха такого.

А в это время, обойдя звезду,
Вокруг Земли летали двое
смелых,
Прокладывая чудо-борозду
В неведомых, таинственных
пределах.

Им объявили: отдых! Можно спать.
Они легли и сразу замолчали.
Наутро я проснулся ровно в пять,
А космонавты ровно в восемь
встали.

Не спали только звезды
в эту ночь
В своей эмалированной посуде!
Не спится звездам —
чем тогда помочь?
Ничем! Так было,
и пускай так будет!

Памяти матери

Радости не прячу,
Горя не таю.

Верю я в удачу
И судьбу свою.
Над моею зыбкой,
Голову клоня,
Пела мать с улыбкой,
Верила в меня.

Пела, пеленала,
Словно кочанок,
Глаз не отрывала:
— Подрастай, сынок!

Вырос я у тына,
Около прясла.
Что ж ты, мать, от сына
Навсегда ушла?

Гулко волны моря
Бьются в мол и мель,
Но не смыть им горя,
Не вернуть потерь!

●
День клеит новые афиши,
В театры манит москвичей.
И чья-то слава тише, тише,
А чья-то слава все звончей.

Нисходят и восходят звезды,
Для них не вечна высота.
И неизменен только воздух,
И постоянна пустота.

Все в мире этом было, будет,
Быльем былинным порастет.
Жизнь каждого бесстрастно
рубит
И списывает в свой расход.

А ты чего, Иван Иванович,
Дожив до зрелой седины,
Мне байки рассказываешь на ночь,
Когда трагедии нужны!

●
Белые фартуки школьниц,
Как заповедь чистого снега.
Юность!
Ты в жизнь устремляешься
Прямо с разбега.

Прямо из школы
От формул, от парты, от знаний
Вся ты взрываешься
В поисках
Смелых дерзаний.

Вся ты из жажды
Больших, небывалых свершений,
Если задача поставлена,
Ищешь решений.

Здравствуй,
Младое,
Знакомое,
Умное,
Юное
Племя!

Действуй!
Вот поле,
Вот пашня,
Вот сеялка,
Время!

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Петер ШТИЛИХА

Этот материал, написанный словацким поэтом Петером ШТИЛИХА, мы перепечатаем из еженедельного приложения к газете «Смена» [Братислава].

В

конце ноября 1944 года в деревне Станча еще удерживались части отступавших гитлеровцев. Фашисты знали о быстром наступлении советских войск и в панике метались по деревне. Они убеждали словаков уходить на запад и рассказывали небылицы о «зверствах» русских. Но никто на уговоры не поддавался. А 1 декабря 1944 года, когда был освобожден Требишов, часа в три дня в нашу деревню вошли первые советские солдаты-разведчики. Гитлеровцы укрылись на другом краю и, отступая, засыпали нас орудийными снарядами. Крытые соломой избы вспыхивали одна за другой, как факелы. Среди суматохи и стрельбы в подвал дома, где мы укрылись всей семьей, прибежала соседка с радостным криком: «Русские пришли!» Еще не веря, мы выбрались наверх — мама, отец, я, соседи. И верно: по улице шли советские солдаты.

Вскоре они заглянули в наш дом. Мы встретились как родные и пригласили солдат в дом, в столовую. Оглядевшись, они заметили в углу рояль, на котором давно уже никто не играл. «Товарищи, рояль!» — воскликнул один из них. Все сложили оружие на пол и обступили разведчика, севшего за рояль. Тот прошелся по клавишам, и вдруг из-под его пальцев вырвалась мелодия фронтовой песни:

На позиции девушка
проводжала бойца,
Темной ночью простилася
на ступеньках крыльца...

Мы пели вместе с ними, ведь это была известная фронтовая песня. Потом зазвучала другая:

Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
что началась война...

Собственно, уже тогда мы начали понимать, как глубоко, как

кровно связаны наши судьбы. Пели солдаты, усталые, испытывавшие на своих плечах все лишения войны. Сколько потребовалось жертв, чтобы с этой песней к нам пришла свобода!

...Сколько помню себя, в доме нашем всегда много пели. Бывало, все собирались за столом и пели до позднего вечера. Это была своего рода семейная традиция: все были влюблены в народные песни, в старинные русские песни и романсы, а мы, дети, при-

нулся, держа в руках старую тетрадь — записки нашего деда Андрея, и прочитал: «Вот и конец этой ужасной войне. Время, пока здесь были немцы, словно вычеркнуто из жизни. Отступая, фашисты заставляли нас идти вместе с ними. Но мы остались, и это было наше счастье. Русская армия принесла нам мир. В нашем доме поселился генерал-майор Брежнев со своим штабом».

— Солдаты ушли, и в доме разместился полевой госпиталь,—

рил отцу, и тот повесил ее в своем кабинете. Потом я часто заставлял его за одним занятием: отец внимательно изучает карту и отмечает красными кружочками продвижение фронта.

Около полудня на дворе остановился генеральский джип, как сейчас помню, с белым треугольником справа на переднем стекле. Из него вышел мужчина лет сорока, широкоплечий, среднего роста, с черными, как смоль, густыми бровями, в полушубке и высо-

Дом
в деревне
Станча
в Восточной
Словакии,
в котором
находился
политотдел
18-й армии.

Фото
Магды
Хабуровой

носили из школы все новые русские и советские песни. Но больше всех знала мама. У нее было красивое сопрано, у отца — густой, звучный бас, и иногда мы заслушивались их до ночи.

Незабываемы те вечера в нашей столовой, где в буфете всегда стояла та ваза...

Помню, примерно в середине пятидесятых годов, едва научившись читать по-русски, я по слогам впервые прочитал надпись на вазе: «На долгие годы память за горячее гостеприимство дарит Стефану Андреевичу генерал Л. И. Брежнев. 17 декабря 1944».

— А как это было, отец? Расскажи, тут ведь написано: «Стефану Андреевичу»...

Отец словно ждал этого вопроса, он вышел, а через минуту вер-

вспоминал отец. — Сюда привозили раненых советских солдат. Дня через четыре один из врачей, с погонями майора, сообщил, что госпиталь переезжает. Мы помогали переносить раненых. В деревне чувствовалось оживление, шли какие-то приготовления. Мы не догадывались, кто они, как вдруг однажды утром — уже не помню точно, пятого или шестого декабря — на дворе остановился военный автомобиль. Из него вышел советский офицер, представился: «Капитан Иван Кравчук, из Киева». Мы еще не знали, что это помощник генерал-майора Брежнева. Он сказал только, что здесь будет размещаться политотдел. Мы провели его в дом, где он с несколькими солдатами установил телефоны, развесил карты на стенах. Одну из карт капитан пода-

кой серой каракулевой шапке. Он широко улыбнулся: «Здравствуйте!» — и представился просто: «Брежнев». Осмотрел «квартиру» и сказал: «Хорошо!»

...А война продолжалась. Начальник политотдела 18-й армии генерал-майор Брежнев работал день и ночь. Нам казалось, что время для него не существовало. Иногда он заходил лишь на час-другой, но только собиравшись немного вздремнуть, как начинали трезвонить телефоны, и мы снова слышали его энергичный, звучный голос. Часто приходили другие офицеры и заседали глубоко за полночь. Но при этом Брежнев всегда находил время поинтересоваться, как мы живем, как здоровье, не надо ли нам чем помочь. Он был так поглощен работой, что забывал о еде. Мама всег-

да держала для него наготове что-нибудь горячее, но часто все так и оставалось нетронутым.

Помню, как удивился он, когда мы заговорили с ним по-русски. Я объяснил ему, что окончил русскую гимназию в Мукачево. Русский язык сразу же нас сблизил, и когда у генерал-майора Брежнева выдавалась свободная минута, он звал нас, чтобы просто «побеседовать по душам», как он называл. Мы знали много русских и советских песен, не говоря уже об украинских, часто пели под гитару, и Леонид Ильич с удовольствием присоединялся к нам. Нас покорили удивительная сердечность, человеческое обаяние этого человека, и в то же время нельзя было не видеть, каким огромным авторитетом он пользовался. Каких только небезлиц не распространяли в Чехословакии фашисты, чтобы посеять у населения вражду к русским! Но вот мы узнали советских солдат, офицеров и полюбили их. Прежде всего за то, что, несмотря на все военные испытания, они сохранили в себе прекрасную человеческую черту — сердечность. И воплощением лучших качеств советского солдата, советского человека были для нас советский генерал-майор Брежнев и его помощник капитан Кравчук, которые жили в нашем доме.

...В нашей семье вспоминают такой случай. Наш дед был уже тогда в годах, часто болел. В Ужгороде у него жили мать и брат, еще один брат — в Мукачево. Мы ничего о них не знали, и дед боялся, что больше их уже не увидит. Как-то в разговоре он рассказал об этом Кравчуку. Тот сейчас же направился в кабинет Брежнева и через минуту вышел сияющий: «Все в порядке, Андрей Андреевич, можно ехать!» Старик даже растерялся от неожиданности, не верил своим ушам. Дядя уже стоял наготове.

Когда дед вернулся, Брежнев вышел его встретить:

— Ну как, хорошо съездили?

— Все хорошо, товарищ генерал. Спасибо вам, — ответил растроганный дед, выбираясь из машины.

Ох, и любил же он потом вспоминать, как ехал в генеральской машине!

Но настал час разлуки. Л. И. Брежнев уехал из нашего дома 17 декабря 1944 года. На дворе стояли автомашины, мы помогали солдатам грузить вещи. Товарищ Брежнев зашел в столовую, остановился у стола, на котором горой лежали бумаги, обвел глазами комнату. На окне стояла ваза. Он с минуту посмотрел на нее, потом забрал с подоконника, взял ручку, что-то написал.

— Вот, Стефан Андреевич, на память. — И он протянул вазу отцу.

Отец взял подарок, и они попрощались так же просто и сердечно, как и встретились. Он пожимал каждому руку и повторял: «Спасибо! Спасибо!» Расставание было таким же неожиданным, как и встреча тогда, в начале декабря. Леонид Ильич сообщил о своем отъезде за полчаса. Он был солдат и шел выполнять свой долг.

А в нашем доме осталась ваза и благодарная память об этом человеке. Мы бережно храним ее, как и воспоминание о его сердечной и искренней дружбе.

Братислава.

ОБСУЖДАЕМ
ПРОЕКТ
КОНСТИТУЦИИ
СССР

НАШ ПУТЬ

Вот уже в четвертый раз я, как и многие мои товарищи, ветераны партии, участвую в обсуждении новой Конституции СССР. Молодые люди иногда спрашивают меня: чем вызвана необходимость так часто менять Основной Закон государства? Ведь известно, что во многих странах сохраняются конституции, принятые сто лет назад. Я отвечаю им: социализм коренным образом изменил характер общественного развития, за исторически небольшой срок — всего за шесть десятилетий — первая в мире Страна Советов преодолела путь, равный целой эпохе. Ни одно государство за всю предшествующую историю человечества никогда не знало таких бурных темпов развития, не добивалось такого быстрого прогресса в экономике, социальной сфере, политике. Именно эта особенность развития нашего общества требует соответствующих изменений в законодательстве. И нам радостно отметить, что все эти изменения правильно отражают действительность, те великие перемены в нашей жизни, о которых говорил Леонид Ильич Брежнев на майском Пленуме ЦК КПСС.

Мне, как и другим старым большевикам, выпало счастье быть свидетелем и участником исторических свершений нашего народа за шестьдесят лет — от рождения государства диктатуры пролетариата до превращения его в общенародное государство, от почти полностью разрушенной, многоукладной и отсталой экономики до высокоразвитого единого народнохозяйственного комплекса, от национальной розни и вражды до формирования и расцвета новой исторической общности людей — советского народа. Этот путь в четкой, лаконичной и яркой форме отражен в проекте новой Конституции.

Особенно большие успехи достигнуты нами в последнее десятилетие. Они — результат осуществления ленинского, научно обоснованного политического курса партии, плодотворной и целеустремленной работы Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с выдающимся партийным и государственным деятелем, неутомимым борцом за благо и счастье народа, за торжество коммунизма Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Людям старшего поколения особенно дорого, что проект новой Конституции сохраняет и приумножает ленинские традиции. В нем сохранена преемственность идей и принципов предшествующих советских конституций, идей и принципов, сформулированных Владимиром Ильичем Лениным.

Проект новой Конституции имеет не только государственно-правовое, но и огромное политическое и идеологическое значение. Он является важным пропагандистским документом, который помогает учить и воспитывать молодежь, показывая ей, что дает человеку труда социализм, какие широчайшие возможности всестороннего развития личности открывает наш общественный строй.

И мы, ветераны партии, коммунисты города Ленина, счастливы тем, что вносим свой вклад в благородное дело пропаганды великих достижений социализма, воспитания молодого поколения на славных революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. Беседа с молодежью о проекте новой Конституции, я вспомнил, как в далеком 1918 году мы, тогда молодые коммунисты, разъясняли первую Советскую Конституцию. Тогда мы вели эту работу в очень тяжелых условиях: нам неведомо было радио, и мы понятия не имели, что такое телевидение, даже газеты выходили не всегда регулярно, а подавляющее большинство трудящихся были неграмотны или полуграмотны.

Тут будет уместно вспомнить историю создания проекта первой Советской Конституции. Подготовка Основного Закона РСФСР 1918 года сви-

детельствовала о том, какое колоссальное значение придавали наша партия и ее вождь Владимир Ильич Ленин проблемам демократизма советской государственности.

С весны 1918 года Конституционная комиссия ВЦИК разрабатывала проект. Затем была создана специальная комиссия ЦК РКП(б) под руководством В. И. Ленина для рассмотрения этого проекта, а также проекта, представленного Наркоматом юстиции. Было предложено включить в Конституцию РСФСР Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, написанную В. И. Лениным и утвержденную в январе 1918 года III Всероссийским съездом Советов. Кроме того, комиссия сочла необходимым особо выделить и более детально сформулировать в Конституции некоторые уже провозглашенные в Декларации положения, закрепляющие освобождение трудящихся республик от всех видов социального и национального гнета. В проект Общих положений Основного Закона по предложению Владимира Ильича был включен раздел о правах и свободах трудящихся. А на полях текста статьи 12 проекта Конституции, представленного Наркомюстом, где не совсем четко формулировалось положение о правах национальностей, В. И. Ленин сделал пометку, что статью необходимо разработать с обязательной гарантией равноправия и прав меньшинств. Это пожелание было выполнено, и в Конституции были закреплены равные права всех граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности.

Дополнения, которые внесла комиссия ЦК РКП(б), значительно усилили пролетарский демократизм первой Советской Конституции. Она была принята в июле 1918 года V Всероссийским съездом Советов...

Вот эту Конституцию мы пропагандировали в молодой Советской Республике, разъясняли ее людям, совсем недавно освободившимся от гнета царизма, только еще начинавшим осознавать себя гражданами социалистического Отечества и, как я уже говорил, зачастую неграмотным.

Сегодня наш народ — самый образованный народ в мире. В нашем распоряжении мощные средства массовой информации, у нас тысячи, десятки тысяч высококвалифицированных лекторов, докладчиков, политинформаторов, агитаторов. И мы, ветераны, занимаем достойное место в этом отряде, продолжаем вносить свой вклад в общее дело. Мы чувствуем, что наш опыт, наши знания нужны людям и высоко ими ценятся. Это придает нам силы, энергию, укрепляет в нас желание сделать как можно больше для родной Коммунистической партии, для нашего великого народа.

От имени ветеранов партии я хочу выразить особое удовлетворение тем, что в проекте новой Конституции СССР закреплена роль КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества, как ядра его политической системы, всех государственных и общественных организаций. Мы считаем высокосимволическим и политически важным тот факт, что новая Конституция Страны Советов будет принята в год 60-летия Великого Октября. Она, несомненно, вызовет новый творческий, трудовой подъем у всех трудящихся, будет способствовать претворению в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

Мы, старые большевики, как и все советские люди, горячо одобряем и поддерживаем проект Основного Закона нашего государства, мудрую внутреннюю и внешнюю политику родной партии. Мы уверены, что всенародное обсуждение проекта Конституции СССР явится большим праздником советской социалистической демократии, новым свидетельством сплоченности советского народа вокруг партии, ее ленинского Центрального Комитета.

М. В. РОСЛЯКОВ,
член партии с 1918 года

Ленинград.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

...Навязчиво лезли в голову строчки Багрицкого:

Уже, окунувшийся
В масло по локоть,
Рычаг начинает
Акать и окать...

Может быть, вспомнились пузатые паровозные цилиндры, о которых писал поэт? Они давно брошены в мартен. А цилиндры нынешних бензодвигателей и дизелей, неизмеримо меньшие по размерам, несут такие нагрузки, что скачущий в них поршень поет шмелем. Его «аканья» и «оканья» сливаются в одну басовую бесконечную ноту.

Но стихи упрямо вертелись на языке. Их четкий ритм пульсировал в подвесках конвейера, который пронесил по цеху тысячи или десятки тысяч сверкающих цилиндров. Специалисты называют их моторными гильзами.

Такая гильза и летающий в ней поршень — неутомимое сердце двигателя. Тысячи ударов в минуту на протяжении часов, дней, лет. Таксомотору или грузовику, трактору-трактору или экскаватору всю силу дают их четыре, шесть или восемь цилиндров...

Целые гроздья этих чугунных сердец плывут по безлюдному цеху. Можно подумать, что где-то рядом их штампуют, как наперстки.

В проходе меж станками появилась женщина в белой косыночке. Окинув взглядом станки, пояснила нам:

— Это участок чистовой обработки — хонингования. Прежде чем прийти сюда, каждая гильза прошла расточку, обточку, шлифовку. В общем, семнадцать операций. Да и наш участок на ее пути не последний.

Да! Если эти гроздья гильз помножить на количество операций, то получится... астрономия. Звездное небо! Спрашиваю, кто выполняет все это.

— Если вы спрашиваете про чистое хонингование, — это делаю я. Вот слежу за автоматами. Их тут шесть.

— А вы одна?

— Нет, с подругой. Но она пошла в ОТК... Какое-то время я одна управляю.

Не верилось! Тот ли это завод имени Ивана Лепсе?

Еще несколько лет назад это был один из самых неблагополучных заводов в Киеве. Тяжелейшее литейное производство с преобладанием ручного труда. Обработывающие цехи задыхались от керосина и скопления стружки, детали меж цехами и участками

возили в тачках — навалом. Люди бежали отсюда.

Чтобы не особенно укорять прошлым (ведь лучшие, кадровые рабочие и инженеры, составляющие костяк коллектива сейчас, работали на заводе и в ту пору), приведу лишь один пример. Для смачивания и охлаждения режущего инструмента использовался... керосин. И вот безвозвратные потери его — испарение, утечка, вынос влаги на деталях — составляли в год тысячу двести тонн! В цехах за неделю изнашивалась обувь, над станками висел вязкий туман. А у ворот сутками простаивали автомашины из разных областей страны. Особенно много их скапливалось ранней весной — всем нужны были запчасти к тракторам и комбайнам. Но не все получали их своевременно.

И вот прошло несколько лет. Для завода с многотысячным коллективом совсем небольшой срок. Внешне многое осталось неизменным — те же цеха, та же территория и продукция та же. Но завод вдруг из хронически отстающего стал не просто успевающим, а образцовым, стал, пожалуй, лучшим в отрасли.

Объем производства за минувшую пятилетку возрос вдвое, рост производительности труда в два с половиной раза превысил плановые показатели, в 2,6 раза повысилась прибыль.

Что же происходило на заводе с чисто человеческой точки зрения?

Вот как рассказывает об этом Вера Даниловна Гаврилюк, та работница в белой косыночке, которую мы встретили в цехе.

ДЕТАЛЬ НЕЖНАЯ, ТОНКОСТЕННАЯ

— Хотя и говорят так про людей, которые лодырничают, но для нас самая хорошая работа, когда приносишь большую пользу, началась именно с длинных рукавов, — говорит Вера Даниловна.

У нее простое, открытое лицо, спокойный взгляд уверенного в себе человека. На заводе — уже семнадцать лет. Всякие времена пережила она в этом цехе.

— Раньше я, можно сказать, в самом станке сидела. Каждую гильзу во время обработки несколько раз замеряешь: останавливаешь станок, опускаешь тяжелый измерительный инструмент. И так больше тысячи раз за смену. Руки в керосине, так что на работу мы надевали платяные рукава.

Другое неудобство — браку много шло, — продолжает она. — Ведь гильза — деталь нежная, тонкостенная. Это с виду только кусок трубы. Ее чуть стукнешь, зажмешь не так — уже деформация. Даже не верится, что раньше их на тачках между участками возили. И зажимы на станках были гидравлические. Они очень грубые, чуть пережмешь — и нарушил геометрию гильзы. А ведь каждую из них много раз надо было зажимать, обрабатывать и перевозить от станка к станку. В три смены работали, а не успевали.

А потом в цехе стало свободнее... — продолжает она. — Исчезли тележки, появились конвейеры. Пока их строили и налаживали — так еще теснее было, но после вроде бы даже посветлело. Нам, станочникам, это не принесло облегчения, но ритм какой-то обозначился, брак уменьшился. А легче стало, когда вместо корундовых брусков нам выдали алмазные. Настроили станок и не то что час или два — месяц без замены работаешь.

С этими брусками целая история вышла. Раньше алмазным инструментом чугун не обрабатывали. Для алмаза это слишком мягкий материал, все равно что кусок мыла для напильника. Он налипает на алмазный брусок, «засаливает» его. Ученые Института сверхтвердых материалов АН УССР синтезировали соответствующие алмазы и создали для них пористую связку. В результате им удалось сделать брусочки, которые прекрасно обрабатывают чугун. Они-то и были внедрены на заводе имени Лепсе. Их внедрение позволило улучшить качество обработки гильз, что, в свою очередь, повысило надежность двигателей.

Но ничто не вечно, даже алмазы: сработались опытные партии, и кинулись машиностроители к ученым. А те уже закрыли эту тему, как законченную, и всю документацию на изготовление брусков передали производственникам. Машиностроители отправились по указанному адресу, а там только налаживают производство.

В общем, скандал, потому что со старой технологией было решительно покончено, возврат к ней остановил бы все производство. Пришлось с помощью самых высоких инстанций убеждать ученых поработать немного в роли инструментальщиков, пока не будет налажен серийный выпуск созданных ими брусков.

Внедрение алмазного инструмента позволило в масштабах завода повысить и производительность труда, и культуру производства, и улучшить качество изделий. Но Вера Даниловна на своем рабочем месте особенных перемен не чувствовала. Как были руки по плечи в керосине, так сгибалась она над каждой гильзой, так и оставалось все по-прежнему.

— Для нас все пошло по-новому с тех пор, когда в цех зачастил Валерий Филиппович Злобин, — вспоминает она. — Правда, еще раньше слесари один станок демонтировали и увезли к себе в мастерскую. Но мы не обратили на это внимания. Людей всегда не хватало, какие-то станки простаивали, хотя, правда, работали мы в три смены. Потом станок, уже переоборудованный, на место поставили. Кто мог подумать, что это — событие? Но когда директор завода чуть ли не каждый день стал появляться в цехе, все обратили внимание. Соберутся возле этого станка директор Злобин, парторг Кочерга, Симандля — это конструктор, и, конечно, Рыбенко — бригадир слесарей, и все что-то проверяют, обсуждают, спорят...

— А потом станок этот стал работать, — продолжает Вера Даниловна. — Сам. Автоматично! Постановления партии и правительства по вопросам сельского хозяйства, которые принимались в минувшей пятилетке, каждый раз самым непосредственным образом были обращены к коллективу завода имени Лепсе. Ведь он стал головным предприятием объединения «Киевтранктордеталь», которое возглавил В. Ф. Злобин. Росли объемы работ, повышались требования к качеству труда каждого. Чтобы не латать на ходу прорехи, поспешая за новыми требованиями, надо было вырваться на самые передовые позиции технического прогресса. Как это сделать, если текущий, ежедневный план не оставляет времени, чтобы, как говорят на Украине, «в гору глянуть»?

Надо было найти в себе силы, подняться над буднями и, решая текущие дела, увидеть перспективу на много лет вперед.

— С тех пор у нас в цехе каждый месяц стали два-три новых станка появляться... — говорит Вера Даниловна Гаврилюк. — Ну, не то чтобы совсем новые, а наши, переделанные под автоматику. Я уже за ними только слежу. Конечно, и мой опыт и то, что я станок до винтика знаю, — все это помогает. Стали наши женщины-станочницы длинные рукава носить. Перестали люди уходить из цеха. Кроме тех, конечно, которых переводили на другие работы. Ночную смену ликвидировали — огромное облегчение. И наконец, исчез керосин. Теперь вместо него СОЖ — смазывающая и охлаждающая жидкость.

— А в зарплате вы не потеряли? — спросил я.

— Ну что вы! Я ведь теперь за смену раза в четыре больше обрабатываю гильз и получаю не сто пятьдесят, как раньше, а двести и больше рублей в месяц. Мы ведь и качество гильз улучшили... Посмотрите, вон они плывут по цеху, ну прямо красавицы!

КЛЕЙМО НОМЕР ШЕСТНАДЦАТЬ

Он мне запомнился своей аккуратностью, четкостью во всем.

— У нас тогда вошло в силу творческое сотрудничество. Конструкторы — к нам, а мы, слесари, к ним по первому зову. Он только придумал, а я уже в металле увидел. Он — поправку, а я — уточнение... Работали мы с Мелешко и Серветником — это конструкторы из ОКБ. Решили автоматизировать станки для проточки гильз. Первый изготовили — не пошел. Перекашивает гильзу. Давай переделывать. Затащили станок в мастерскую и колдуем возле него все вместе. Иногда за день столько вариантов проверишь, что обычным путем тянулось бы это год-два: то акт, то заявку, то поправку к заявке. А коллективными усилиями мы быстро довели всю автоматику. Теперь уж если я свое личное клеймо — номер шестнадцатый — ставлю, значит, все, ворота нет!

Последнее Василий Тихонович Рыбенко сказал таким тоном, что можно было подумать двояко. И то, что клейменная им продукция

«Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства».

Из проекта Конституции СССР.

МАСШТА

не возвращается на доделку, и то, что само обладание таким клеймом вынуждает выполнять свою работу безукоризненно.

— А потом мы все тридцать семь станков автоматизировали. Теперь на проточке один человек шесть станков обслуживает. И работать легче, нежели раньше на одном.

Когда завод отставал, так горько было, — сокрушается он. — Едешь в трамвае... а у нас тут промышленный район... услышишь, что разговор о Лепсе идет, отворачиваешься. Вроде ты и не с этого завода. На партийных активах или собраниях, бывало, пригнешь голову, чтобы тебя президиум не видел. Хоть караул кричи! План подстегают, а людей не хватает. И склоняли нас — кто как мог.

Рыбченко руководит бригадой слесарей в цехе механизации и автоматизации нестандартного оборудования. Он раньше других рабочих ощутил перемены, которые позже стали видны всем.

— Первое, что мы почувствовали, когда главного инженера Злобина назначили директором, — нас перестали дергать по мелочам. Знаете, там авария, тут надо помочь, что-то починить-поправить... Эту работу никогда не переделаешь, сколько цеха будут стоять — она не переведется! А тут наступило спокойствие в лучшем смысле этого слова: если дают работу, то на несколько месяцев. Времени и сил отдаешь, конечно, больше, но зато и работа видна — новый конвейер или автоматизация целого участка.

Василий Тихонович так подытоживает свою мысль:

— Вроде бы перестали мы сегодняшний день догонять. Закончишь работу и знаешь, что на несколько лет вперед убежал. И вот наши конструкторы создали хонинговальный автомат. Первый в стране. У нас не станко-строительное предприятие. За основу берем обычный станок и уже на него навешиваем всю автоматику, новые зажимы, захваты, датчики, измерительные и командные приборы. Когда первый станок отлаживали, то возле него каждый день собирались, как на техническое совещание. Запустим, посмотрим, обсудим — и снова что-то подгоняем, переделываем, чтобы еще надежнее. А как сдали, то уже в другом месяце еще два таких станка изготовили, а в следующем — три.

Василий Тихонович оживает, когда вспоминает этот свой более чем трехлетний труд.

— Нормировщики и экономисты подсчитали, что наша бригада по всем нормам больше трех станков в месяц физически не сможет сделать. А мы делали по четыре и сами их запускали. В гильзовом цехе работники сами нас поторапливали. И стали мы по пять станков в месяц изготавливать. Агитировать нас нечего. У меня самого жена в гильзовом на черновой расточке работала. Вижу, после смены моя Валентина Филипповна сует в таз с водой распухшие руки... А тут ходи да только посматривай. И просит нас директор — с программой туго было, — чтобы мы готовые станки к концу месяца успевали запустить, вписать их в месячную программу. А мы встречный подаем — будем монтировать их в цехе по субботам, чтобы вообще не мешать производству. Юбилейный, сотый, станок изготовили бесплатно, в нерабочее время. Это был наш подарок Двадцать пятому съезду партии, — закончил свой рассказ Василий Тихонович Рыбченко, делегат XXV съезда Компартии Украины.

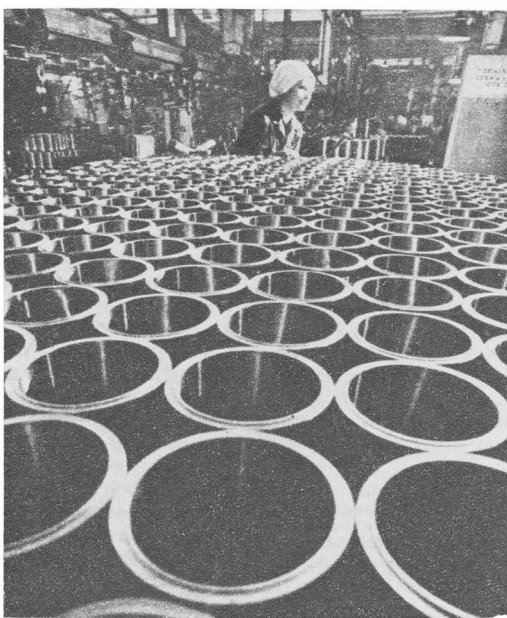
ЧЕМ ЖИВЕТ ОМИР!

В штате Небраска есть полигон, на котором вот уже больше полувека ежегодно испытываются образцы сельскохозяйственной техники, выпускаемой не только в США, но и в других

Генеральный директор объединения «Киев-трактородеталь» В. Ф. Злобин беседует с работниками ОКБ А. А. Фурсой и А. М. Брылевым.

Готовая продукция.

странах мира. Полигон там тяжелейший, и многие образцы, как говорят, сходят с дистанции, даже не завершив испытаний. Зато машины, отличившиеся тут, получают сертификат, и на мировом рынке им обеспечены спрос и хорошие цены.

Блестящие результаты показал на полигоне в Небраске наш трактор МТЗ-80 — «Беларусь». Гильзы и поршни к его двигателю были изготовлены на заводе имени Лепсе. Здесь знали одну неизвестную для других особенность: в двигателе, который на 40-градусной жаре в течение многих часов работал с максимальной нагрузкой, стояли сырые гильзы.

Их на заводе тогда только осваивали. Сырая — значит не закаленная, изготовленная по более короткой технологии, минуя несколько операций. А необходимая прочность тут достигается за счет легирующих добавок, которые вносятся в чугун еще во время плавки. Правда, на обработку сырой гильзы больше расходуется режущего инструмента.

— Мы тогда только закончили автоматизацию закалочного участка, — вспоминает Леонид Антонович Казберч, «начальник ОМИР», как написано на двери его крошечного кабинета. — К нам на экскурсии приходили и, поверьте, любовались этими автоматами. Но с освоением сырой гильзы участок стал не нужен.

— Небось, жалко было закрывать? Своими же руками создавали?

— Не жалко. Ведь уступали-то мы более прогрессивной технологии.

Леонид Антонович — талантливый и самолюбивый конструктор. Это благодаря его заботам ОМИР — отдел механизации и реконструкции — перешагнул порог простого инженерного конструирования и поставил все дело на научную основу, развернул серьезную исследовательскую работу. Здесь, в отделе, рождались проекты автоматических линий, участков, транспортных связок. Сейчас в объединении действуют 66 автоматических линий, и 52 из них спроектированы и изготовлены на месте.

— Вот мне сегодня приказ директора принесли, — говорит Казберч. — Его можно рассматривать с двух позиций: и как очередной обыденный эпизод в жизни завода и как образец решения основных задач десятой пятилетки.

Я взял в руки страничку приказа. В нем говорилось, что на заводе давно идет освоение отливки гильз в металлические формы и заключен договор на совместные разработки с заводом «Харцверке» в ГДР. В связи с этим приказывалось установить три экспериментальных карусельных машины. Но что интересно, для каждой оговаривалась своя необычная технология. За каждый эксперимент отвечали разные люди.

— В этом вся соль, — говорит Леонид Антонович. — Директор подталкивает нас идти к одной цели несколькими дорогами.

— А с чего практически начинается внедрение новшеств? — спросил я моего собеседника.

— По-разному... У меня должность такая, что директор при случае обязательно спросит, какие идеи мне спать мешают. А бывает, на оперативке начальник цеха пожалуется на нехватку рабочих. Валерий Филиппович тут же ему: а ваши, мол, предложения по автоматизации? Нет? Значит, вы еще широко живете. Но если что-то дельное ему предложишь — всегда поддержит, поможет увидеть это масштабно и уже через неделю спросит при встрече: как, мол, чертежи, продвигаются? А если и они готовы, где задания цехам?

Смотришь, уже и готовые узлы начинают поступать. Вот так мы своими силами за один год производим на полтора миллиона рублей совершеннейшего оборудования, именно такого, которое мы нигде не купим. К нам за чертежами со всей страны и даже из-за рубежа обращаются.

Вместе с Леонидом Антоновичем мы ходили по цехам. И в каждом из них что-то строится, переоборудуется. Такое впечатление, что производство только осваивается и эксплуатационники наступают на пятки строителям.

— Это мы сами себе на пятки наступаем, — с улыбкой говорит Леонид Антонович. — Ведь на десятую пятилетку задание нашему коллективу значительно увеличилось, а рабочих на заводе не прибавится. Зато производительность труда тех, кто сейчас работает, возрастает на семьдесят процентов.

Казберч улыбнулся каким-то своим мыслям и сказал:

— Можете поверить, что и в будущем пятилетии нам не позволят сидеть сложа руки. Об этом думать надо уже сейчас и не пугаться масштабы замыслов.

БНОСТЬ ЗАМЫСЛА

РЕПОРТАЖ
С БОРТА
САМОЛЕТА-
ЛИДЕРА

ВПЕРЕДИ ИДУЩИЙ

Валерий КАДЖАЯ

Прозрачный осенний день. Во Внукове солнечно, небо голубое, без единого облачка. Ждем командира корабля. Он в АДП — аэродромно-диспетчерском пункте — получает задание на полет. Старт запланирован на пятнадцать ноль-ноль. Вот командир появляется на поле, и мы быстрым шагом идем к строю ТУ-104, стоящих в шеренге, словно гвардейцы на смотре. Удивительная все-таки машина. В наше время двадцать лет для самолета — это целая эпоха, а этот все не стареет, радуя глаз своим изяществом. ТУ-104 по-прежнему остается одним из самых скоростных и надежных воздушных лайнеров.

Впервые поднимаюсь я в пассажирский самолет не по трапу, а по лесенке, спущенной прямо из люка, что под пилотской кабиной. Этот ТУ с бортовым номером 42400 — единственный из всего парка своих многочисленных собратьев, летающих на линиях Аэрофлота, который не возит ни грузов, ни пассажиров. Он лидер — «идущий впереди». Впереди чего же он идет?

Каждая машина имеет определенный ресурс, или, попросту говоря, свой век, потом ее надо списывать. Надо ли объяснять, как важно точно знать ресурс самолета. Когда двадцать лет назад началось серийное производство ТУ-104, ресурс его, подтвержденный расчетами и испытаниями, был установлен в две с половиной тысячи полетов.

Раньше других к заданному рубежу пришел самолет-лидер, потому что по налету часов, количеству взлетов и посадок он значительно опережает остальные «рабочие» машины, перевозящие пассажиров, и первым пересекает границу ресурса. Вот почему лидер всегда летает с пустыми креслами, а для веса загружен мешками с песком. Салоны его какие-то необжитые, один из них вместо кресел заставлен аппаратурой. Во всем же остальном — обычный ТУ-104. Занимаю место у иллюминатора во втором ряду. Рядом со мной — Петр Федорович Курков, старший научный сотрудник ГосНИИ гражданской авиации. Сорок лет работает он в Аэрофлоте инженером-испытателем. Через его руки прошли в свое время Сталь-3, АНТ-9, ЛИ-2, ИЛ-14 и многие другие машины. Последние двадцать лет его основной подопечный — ТУ-104. За работы по продлению ресурса этого самолета он был награжден медалью ВДНХ.

...Погода по всей трассе такая же отличная, как и в Москве. Ровно гудят двигатели, не мешая нашей спокойной беседе. Летим в Одессу, потому что лидер базировался именно там, а в Москву «приезжал» на профилактику.

Я спрашиваю Петра Федоровича, какова доля риска в полете на лидере. Курков объясняет, что

машина на особом контроле, проверяют ее постоянно, а раз в два года еще и тщательно обследуют в заводских условиях: дотошно ищут, нет ли где трещинки, не появились ли в каком-либо узле признаки усталости. На этот раз, помимо осмотра и текущего ремонта, центроплан лидера оснастили датчиками. Центроплан жестко соединяет крылья самолета и труднодоступен для простого осмотра, теперь же следить за ним будет электроника.

— Значит, в нашем полете нет ничего особенного? — спрашиваю я несколько разочарованно.

— Так это же отлично! — отвечает Курков. — Задача лидера — просто летать, все время летать, а мы должны наблюдать за его здоровьем. Он своего рода эталон. Непосвященным кажется, что самолет от начала и до конца эксплуатируется таким, каким он вышел из заводского цеха, но это не так: знаете, сколько усовершенствований внесли в ТУ?

И Петр Федорович поведал об эпизоде столь же драматическом, сколь и героическом, происшедшем при внедрении лайнера. Поздней осенью 1956 года командиры экипажей ТУ-104 под руководством пилота-инструктора Б. Бугаева — ныне маршала авиации, министра гражданской авиации СССР — отрабатывали слепую посадку ночью. Садиться строго по приборам. Даже кабина была зашторена. В ней в тот раз находились Б. Бугаев, П. Девятков, И. Орловец, П. Курков и бортмеханик А. Васильковский, а в салоне — учебный экипаж и специалисты ГосНИИ.

Самолет на посадку вел Девятков. Уже в глиссаде, когда выпустили закрылки, машина вдруг стала крениться влево. «Зачем даешь ногу?» — успел спросить Бу-

гаев, на что Девятков нервно ответил: «Да я не даю!» Эти две профессиональные фразы означали, что Девятков на педаль руля поворота не нажимал, а самолет пошел в левый крен самовольно.

Перепуганный диспетчер кричит с земли по радиосвязи не своим голосом: «Что происходит? Что с вами!». Он видит: огромная машина уже почти переворачивается на спину. И тут Бугаев проявил исключительное хладнокровие и мастерство. Сразу взял управление на себя. Одна за другой следуют команды. Девятков принимает их с полуслова и действует молниеносно. «Шасси, закрылки — убирать!» Дали полный газ, рванули штурвалы на себя и повели самолет вверх, подальше от земли, до которой уже оставалось не более пятидесяти метров!

Только набрали высоту, как машину стало кренить в правую сторону. «Проверить закрылки!» Курков и Васильковский бросились в салон, один вправо, другой влево. Механик кричит: «Закрылки убраны!» Курков же, со своей стороны, видит, что левые закрылки остались выпущенными. Доложили командиру. Бугаев безошибочно сориентировался и приказал вновь выпускать закрылки. А самолет уже принял крен под шестьдесят градусов. Штурвалы вывернуты до отказа. Закрылки пошли на выпуск. Как только машина стала слушаться рулей управления, правые закрылки подравняли под левые, самолет принял нормальное положение и благополучно приземлился.

За мужество, за четкие, хладнокровные действия Борис Павлович Бугаев и Петр Иванович Девятков были награждены орденами Красного Знамени, а Иван Васильевич Орловец — орденом Красной Звезды. Их подвиг приравняли

к боевому. Ведь промедли командир хоть секунду, ошибись члены экипажа в выполнении хоть одной команды — и не избежать катастрофы.

Благодаря самоотверженности командира корабля и всего экипажа удалось сохранить жизнь пилотам, находившимся на борту и подготовленным для работы на самолетах ТУ-104. Удалось спасти машину и, найдя причину этого ЧП, сделать безопасными дальнейшие полеты на всех остальных ТУ. Пролетевший самолет сразу же «карестовали», сообщили об этом А. Н. Туполеву. Наутро Андрей Николаевич и все ведущие специалисты КБ и Аэрофлота прибыли во Внуково. Выяснилось, что разрушилась система трансмиссии левых закрылков. Они заклинились, выйдя лишь наполовину. В течение нескольких дней на всех ТУ-104 дюралевые трубы трансмиссий заменили на стальные, имеющие гораздо больший запас прочности.

— В общем, не самые приятные минуты пережили вы тогда на этом самолете, — говорю я Куркову.

— Нет, не на этом, — отвечает он. — Тогда лидером был другой.

— Как другой? А этот?

— Наш стал лидером позже. — И Петр Федорович рассказывает, что вначале «впередидущим» летал самолет с № 42318 на борту. В этом качестве он продержался лет десять, и лишь после того, как на крыльях появились трещины, его передали в научно-исследовательский институт. Все-таки парк этих машин нижнюю обшивку крыльев заменили на более эластичный материал, удвоив ресурс плоскостей. А спящий лидер стали подвергать нагрузкам в лабораторных условиях, и он «налетал» — уже на земле — десятки тысяч часов! А в воздухе его заменил тот самый № 42400, на котором мы сейчас летим. До этого он исправно возил пассажиров, был таким же работягой, как и все прочие ТУ, и налет часов имел такой же, как у всех. Став лидером, «четырёхсотый» быстро оторвался от собратьев, летая днем и ночью, совершая в сутки до десяти полетов.

Так, шаг за шагом, испытывая одни узлы и заменяя другие, постоянно проверяя с помощью лидера конструкцию на прочность, туполевцы и работники Аэрофлота уверенно продвигали жизнь реактивного первенца, ни на йоту не поступаясь самым главным — безопасностью пассажиров.

В 1960 году была поставлена новая задача. Рубеж был успешно взят за десять лет, а в конце минувшей пятилетки ресурс достиг уже 15 тысяч полетов!

Здесь следует особо отметить, что самолеты-лидеры на все типы машин имеет только Аэрофлот. Остальные авиакомпании мира не могут (или не хотят) позволить себе такую роскошь, ведь содержание их обходится чрезвычайно дорого. Подобная «экономика» иногда оборачивается трагедией. Известна печальная история английских «Комет». Их выпустили на регулярные линии, и примерно через год последовали катастрофы. Оказалось, что фюзеляжи разрушались из-за недостатка усталостной прочности. Будь у «Комет» свой лидер, на-

прасные жертвы удалось бы избежать.

Лидер «ТУ-104», например, опережает головную группу на две с половиной тысячи полетов, то есть почти на три года эксплуатации! Я интересуюсь, сколько же налетал наш «четырёхсотый».

— Надо посмотреть бортовой журнал, — говорит Петр Федорович.

Проходим в пилотскую кабину. Командир сообщает, что сейчас мы совершим 17411-й полет. Для сравнения: ни один пассажирский ТУ-104 не имеет на своем счету более 14800 полетов.

— А вот и Одесса, — показывает Хохлов.

Маленькие точки на горизонте быстро растут, превращаясь в домики, кварталы, город. Самолет меняет курс и заходит на посадку. Стремительно приближается посадочная полоса.

— Сто метров! Высота принятия решения, — докладывает штурман Александр Филиппчук.

За этой фразой-формулой кроется многое. На стометровой высоте командир корабля еще имеет время решать — садиться или уходить на второй круг. Мы на бреющем проносимся над полосой и снова устремляемся в небо: лидер начинает выполнять испытательный полет «по зубцам».

Три тысячи, четыре с половиной, пять тысяч метров. Хохлов переводит самолет в горизонтальный полет, но уже через десять минут начинается снижение. Снова аэродром, снова проскакиваем над полосой и опять поднимаемся на пять тысяч метров.

Если вычертить траекторию этого полета на бумаге, получится зубчатая диаграмма. Отсюда и название. Благодаря «зубцам» один час полета на лидере соответствует 2,5 часа обычного рейсового, или, как говорят специалисты, эквивалентный коэффициент нагрузки равен 2,5.

Неожиданно командир резко толкает штурвал вправо-вперед, самолет «клюет» носом, а у меня екает сердце. Но этот маневр тоже входит в задание: создается дополнительная нагрузка на машину.

Сегодняшний полет проходит идеально — повезло с погодой. Но те, кто летает часто, хорошо знакомы с такой неприятной штукой, как болтанка. Считается, что на 1,5—2 часа рейсового полета приходится в среднем 10—15 минут болтанки. Она также изнашивает самолет. И вот раз в месяц лидер в дополнительных полетах «набирает» ту самую болтанку. По «наводке» синоптиков он заходит в неблагоприятную зону и «трясется» там по небесным ухабам.

Закончив программу, идем, наконец, на посадку. Самолет подруливает к стоянке. Замолкают двигатели, и мы по той же лесенке спускаемся на бетон. Рядом стоит еще один ТУ-104 с бортовым номером 42404. Ответственный дежурный авиапредприятия, встретивший нас, сообщает, что этот самолет списали.

— Уже? — восклицает Курков. — Когда?

— Недели две назад... Пятнадцать тысяч полетов, Петр Федорович, ресурс исчерпан.

— А ведь совсем здоровая машина! — говорит, обращаясь ко мне Курков. — Могла бы и дальше летать. Но ничего не поделаешь, ресурс ведь дается с запасом. Для полной гарантии...

ПОЛЕ — МАГАЗИН — ДОМ

О ПРЕДМЕТАХ НУЖНЫХ И НЕЖНЫХ

Речь пойдет о предметах нужных и нежных, витаминных и всеми любимыми — о зелени и овощах. К примеру, лук. Он вырос на грядке, его выдернули, связали в пучки и — в город, на рынок. Пахучий, упругий, сочный, перо к перу...

А что если грядка площадью в десять, двадцать или в двадцать четыре гектара, как это, скажем, в Крцанисском совхозе около Тбилиси? Двадцать четыре тысячи квадратных метров лукового поля, которое зеленеет в одно время, да еще выдерживается, дабы лук вымахал повыше и дал побольше весу зеленой массы. И — давай скорей-скорей убирать: тоннами, десятками, сотнями тонн. Где уж тут очищать от земли луковые головки, связывать пучки перо к перу!..

А дальше? Дальше за лук брались другие руки из заготовительных контор потребсоюза, из баз Министерства торговли. Лук перевозили, сгружали и загружали, взвешивали и писали накладные. И дни шли: четыре, пять, шесть дней! Можно себе представить, во что превращалось нежное луковое перо после того, как его столько морочили и катили вправо-влево. Да почему только луковое? И чесночное тоже. А разве помидоры или ранняя капуста могут такое терпеть? Терпели! Горожане тяжело вздыхали, заглядывая в магазины плодовоовощторга, и шел на рынок. «Дары природы» на прилавках магазинов выглядели жалко.

Тбилисец и сейчас ходит на колхозный рынок. Рынок с его «штучным товаром» и многообразием ассортимента должен быть. Достигнуть такого многообразия массовому производству пока еще трудно. Нет и полного качественного тождества магазина с рынком. Но сдвиг достигнут, и не заметить его невозможно. Третью весну в тбилисских овощных магазинах продается много разных и вполне приличных овощей, картофеля, зелени. Их покупают охотно. И это сразу же сказалось на семейном бюджете горожан. Посудите сами: за последние два года продажа овощей и картофеля на рынках Тбилиси сократилась почти вдвое, а

в магазинах плодовоовощторга увеличилась в два с половиной раза. Откуда взялся этот рост? Ясно, что «взялся» он на полях государственных хозяйств, где урожаи овощей намного увеличились. Те же самые земли стали давать помидоров в 2,2 раза больше, ранней капусты и свеклы — в полтора раза, лука репчатого — в 6,5, чеснока — в 7, зелени — в 6, картофеля раннего — в 6 раз больше.

Красноречивая статистика. Но и раньше ведь были цифры? Земля дышала, гудели тракторы, рабочие совхоза сажали рассаду, сеяли, снимали урожаи, администрация отчитывалась. А там — перевозки, базы, склады, утки, утки, утки, утки...

В январе 1975 года в системе Министерства сельского хозяйства Грузии образовалось аграрно-промышленно-торговое объединение (АПТО). Появился новый организм, в котором все подчинено одному общему делу: хорошо вырастить и хорошо продать.

Около полусотни совхозов бывшего треста овощно-молочных хозяйств определили свое лицо. Произшла та самая специализация, на которую нацеливает земледельцев аграрная политика нашей партии. Одни взяли на себя заботу о капусте, другие — о помидорах и огурцах или о моркови. Три больших совхоза в непосредственной близости от столицы республики занялись не очень выгодным для них, но зато благородным делом — снабжать город мелкой зеленью. Машины приезжают в совхозы прямо из магазинов плодовоовощторга, тоже вошедших в объединение. И — прямо в бригады, на поле. Через час-другой чистый, аккуратный лук, увязанный в пучки, уже попадает на прилавки. Не будет такого — магазин не возьмет.

И, представьте себе, уже никто не старается вырастить лук в чело-веческий рост. И не может! В зеленых хозяйствах введен ступенчатый посев. Лук, например, сеют шесть раз в году. Только на одном участке появляются ростки, как соседний приступает к севу: его урожай будет снимать вслед за сбором на первом. До глубокой зимы движется зеленый и овощной конвейер. Лишь одно Крцанисское хозяйство стало давать городу до тысячи тонн зелени в год, почти в десять раз увеличив ступенчатым посевом выход своей продукции.

А как перестроилась торговля? Для стыковки с полями из 126 магазинов плодовоовощторга выделили 32 головных. Они осуществляют связи как «на себя», так и для снабжения младших собратов. Каждый день магазин с совхозами уточняют заявки. Что не успели продать сегодня (в крайнем случае — завтра), быстро идет в переработку, на консервные заводы. В городе появились три новых овощных универсама, готовятся к открытию еще три.

Поле служит магазину. А магазин? Магазины, конечно, дому горожанина, его кухне. В отделе экономического анализа АПТО подсчитали, что после наступивших перемен в государственной торговле овощами тбилисец стал покупать в год на 10 килограммов больше овощей и на 12 килограммов больше картофеля. Каждодневно могут и не ощущаться новые десятки граммов витаминов, и ним быстро привыкаешь. Но они есть, эти реальные, дополнительные витамины в рационе питания. И их будет больше. Это уже не вызывает сомнений. Сделано главное: подвижная, жизнеспособная система снабжения города с миллионным населением показала себя с наилучшей стороны. Теперь эта система обрабатывается и движется в глубь республики, налаживая овощные конвейеры в других промышленных центрах и на курортах Грузии.

Ия МЕСХИ

Заместитель директора Тблплодовоовощторга Лия Мамуновна Гурамшвили (справа) и директор овощного магазина Кетеван Жгенти: им отвечать за эту продукцию перед покупателями.

Фото С. Киладзе

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ

Сергей ВЛАСОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

-В

ы извините, пожалуйста, но я очень спешу,— сказал малиновый кенгуренок,— меня ждут на занятиях по классу виолончели. Может быть, кто-нибудь другой вам расскажет о нас. Сняв с вешалки радугу и повязав ее на шею вместо шарфа, он укатил на велосипеде... Еще одна неудача. Полдня среди обитателей этой волшебной страны мы искали того, кто мог бы нам рассказать о ней. Но все были здесь ужасно заняты.

Тут мы услышали какой-то стук. За столом сидел умывальник и одним пальцем сосредоточенно печатал на старенькой машинке.

— Вы не могли бы нам рассказать?... начали было мы.

— Не трогайте его,— бросил пролетающий мимо бородатый бегемот.— Он влюбился в Белоснежку и вот уже третий день сочиняет ей любовное послание.

— Тогда, может быть, вы?.. Бегемот вместо ответа кокетливо послал нам воздушный поцелуй и пустил в нашу сторону голубя, сложенного из бланка для телеграмм. На нем значилось: «Не могу тчк тороплюсь аэропорт зпт встречать дедушку».

Удивляться мы уже перестали. Поняли, что здесь волшебство — естественное, совершенно реальное состояние. Что это мир безграничной выдумки, безудержной фантазии. Фантазии, вписанной первым параграфом в устав чудесной страны, официальное название которой — киностудия «Союзмультфильм».

...Дверь звонко скрипнула, но человек, сидящий перед зеркалом, не обернулся. Нам сначала показалось, что мы попали в парикмахерскую. Вдоль окон стояли столики с зеркалами. Человек сидел перед одним из них, строил себе гримасы и тут же что-то заносил на бумагу. Потом все повторялось.

Из-за его плеча виднелось множество рисунков, рассыпанных по столу, а из-под руки мотыльками выпархивали все новые и новые, мало чем отличавшиеся один от другого.

— Художников — мультипликаторов иногда называют размножителями фаз,— раздалось у нас за спиной. Мы обернулись и увидели седого человека с добрым взглядом.— Это совершенно неверно,— продолжал он.— Художник-мультипликатор — прежде всего актер. Актер в полном смысле слова. И даже больше, чем актер. Ведь он перевопло-

щается в лестницу, спичечный коробок, принцессу, громоотвод, лягушку... И при этом его герой страдает, любит, ненавидит, боится... Но даже зная весь набор мимики и жестов, которые соответствуют разным эмоциям, он должен, как и актер, каждый раз вновь пережить, перечувствовать заданный образ: только тогда можно вдохнуть в героя душу — собственную свою душу, свой талант. А сам актер остается при этом за кадром, так же как и художник. В кадре живут лишь созданные ими образы...

День словно переломился на удачу: теперь мы поняли, что невезение наше кончилось и что с нами говорит тот самый добрый волшебник, которого мы здесь искали.

— Наши фильмы иногда называют мультиками,— сказал он.— Я не люблю это слово. В нем есть что-то пренебрежительное. Ведь что такое десятиминутный мультфильм? Почти год напряженной работы большого коллектива! Около пятнадцати тысяч рисунков... Но об этом мы еще поговорим. А сейчас пройдите по студии, посмотрите, как создаются мультфильмы. Начать можно вот отсюда.— И он отворил дверь, пропустив нас вперед.— Здесь работает режиссер Роман Качанов. С его именем связано появление на экране знаменитого Чебурашки и Крокодила Гены. Того самого, что работал крокодилом в зоопарке, помните? Сейчас Качанов делает фильм «Последний лепесток» по сказке Валентина Катаева «Цветик-семицветик». Заходите, а я пока...

Рядом с нами никого уже не было.

Качанов сидел за столом в окружении художников и ассистентов. В комнате было светло от улыбок...

Р. А. Качанов: О чем наш новый фильм? Как всегда — о добре. Но только о добре не абстрактном, а активном, действенном. Иной раз меня поражает жестокость детей, их безразличие к чужому несчастью. Наш фильм, как и сама сказка Катаева, учит умению жертвовать ради другого, помогая тому, кто попал в беду. По-моему, сегодня для воспитания это проблема номер один. Но на ребенка надо воздействовать эмоционально. Прямолинейность на экране раздражает. В мультипликации нужна «чуждинка». Ну и, конечно, искренность. Вообще искренность в искусстве — главное, а дети ее тем более тонко чувствуют. И они должны прежде всего видеть в мультфильме правду. В сказке, в фантазии, в самом необыкновенном сюжете. Дети не способны увлечься надуманным ходом событий.

Все это касается правды содер-

жания. Но есть еще, если можно так выразиться, правда движения. Человек в жизни делает массу «лишних» движений, совсем не задумываясь над этим. Вы ставите на грифельной доске мелом точку и автоматически поворачиваете мел, чтобы точка была пожирнее. Такого рода живые детали должны быть и в мультфильме, иначе персонаж станет похож на движущийся робот.

В фильме «Машенька и медведь» я провел важный эксперимент. Лица кукол были выполнены без ртов, и вся «нагрузка» пала на жест и мимику. Медведя в фильме сыграл тогда еще молодой, не успевший стать «главным волком страны» Анатолий Папанов. На первых просмотрах ленты никто из наших коллег не заметил, что рот у персонажей отсутствует, и я понял, что главное в мультфильме — жест, движение.

Меня часто спрашивают, какова дальнейшая судьба Чебурашки и его друзей. Мы не спешим с продолжением. Когда снимаешь серию, каждый последующий фильм должен быть лучше пре-

Все перепробовали, но ему ни один не понравился. И вот как-то он заговорил своим обычным голосом, и вдруг все решили: «Вот это настоящий крокодилий голос». Ливанов сначала было обиделся, но спорить не стал, и я ему за это премного благодарен! Я вообще не люблю, если актер, желая рассмешить зрителя, кривляется. Когда Василий Ливанов озвучивал меня, он был неистово серьезен! Поэтому-то я и получился такой смешной...

Последние слова Гена говорил, незаметно пятясь к двери. Будучи хорошо воспитанным, он понял, что не следует отнимать много времени у занятых людей, и, раскланявшись, сказал: «Пойду посмотрю, как Леонов записывается».

— А нам, Гена, можно с вами? — Почему же нельзя? Я покажу все, что могу!

Так мы очутились в студии звукозаписи. Здесь группа молодого режиссера Леонида Носырева работала над фильмом «Не люблю — не слушаю». Записывали авторский текст. Читал Евгений Леонов. Для каждого небольшого отрывочка делали пять-шесть дублей. И всякий раз перед нами возникал совсем другой человек. Это был целый спектакль...

Уже в коридоре Гена удивил

Вот они, обитатели «Страны Мультипликации» * Винни-Пух: «Я — тучка...» * Народный артист РСФСР режиссер Федор Хитрун.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Фазы движения мультфильма «Конек-Горбунук», созданного народным артистом РСФСР И. П. Ивановым-Вано * Снимается кукольный фильм «Как лечить удава» * Кадры из фильмов: «Птичка Тари» (режиссер Г. Сокольский), «Лиса и медведь» (режиссер Н. Котовщикова), «Шнатулка с секретом» (режиссер В. Угаров), «Ну, погоди!» (режиссер В. Котеночкин) * Колорист В. Г. Гусева.

дыдущего. И к тому же с Чебурашкой мне все уже ясно: я знаю, как он должен поступить в любой ситуации. Иной раз покажется, что картина с постоянным героем — это все равно что одна и та же книга...

Из коридора донеслась знакомая мелодия; она приближалась, потом потихоньку отворилась дверь, и в комнате появился Крокодил Гена, напевая: «Я играю на гармошке у прохожих на виду...»

— Жаловаться на судьбу пришел,— сказал вдруг Гена.

— Уже в который раз,— улыбаясь, заметила Елена Пророкова, художник.

— Когда меня снова снимать будете? Сколько я еще могу простаивать! Разве я хуже других? Эдак я из образа выйду.— И Гена обиженно отвернулся.

— Кто научил вас так отлично говорить? — спросили мы у Гены, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей.

— О, это целая история,— приободрился он.— Озвучивал меня актер Василий Ливанов. Он приготовил множество различных вариантов моего голоса: и квакающий, и кричающий, и фальцетом...

нас, сказав, что работа над фильмом только началась, и что в отличие от игрового кино, где озвучивание — это завершающий этап, в мультфильме сначала записывают музыку, текст, а потом уже под них подгоняют движения и мимику героев.

Гена оказался замечательным экскурсоводом. О мультипликации он знал много и во время нашего путешествия по студии без умолку нас просвещал:

— А вы знаете, что первым мультипликатором был Леонардо да Винчи? Когда он работал над изобретением летательного аппарата, он изучал движение и строение птичьего крыла. Его зарисовки различных положений птицы во время полета — это, по существу, уже и есть мультипликация...

— А вы знаете, кто меня сделал? Олег Пантелеймонович Масаннов, один из лучших мастеров студии. Он делает куклы всю свою жизнь! Его артисты снялись более чем в ста фильмах. И Чебурашку тоже он делал...

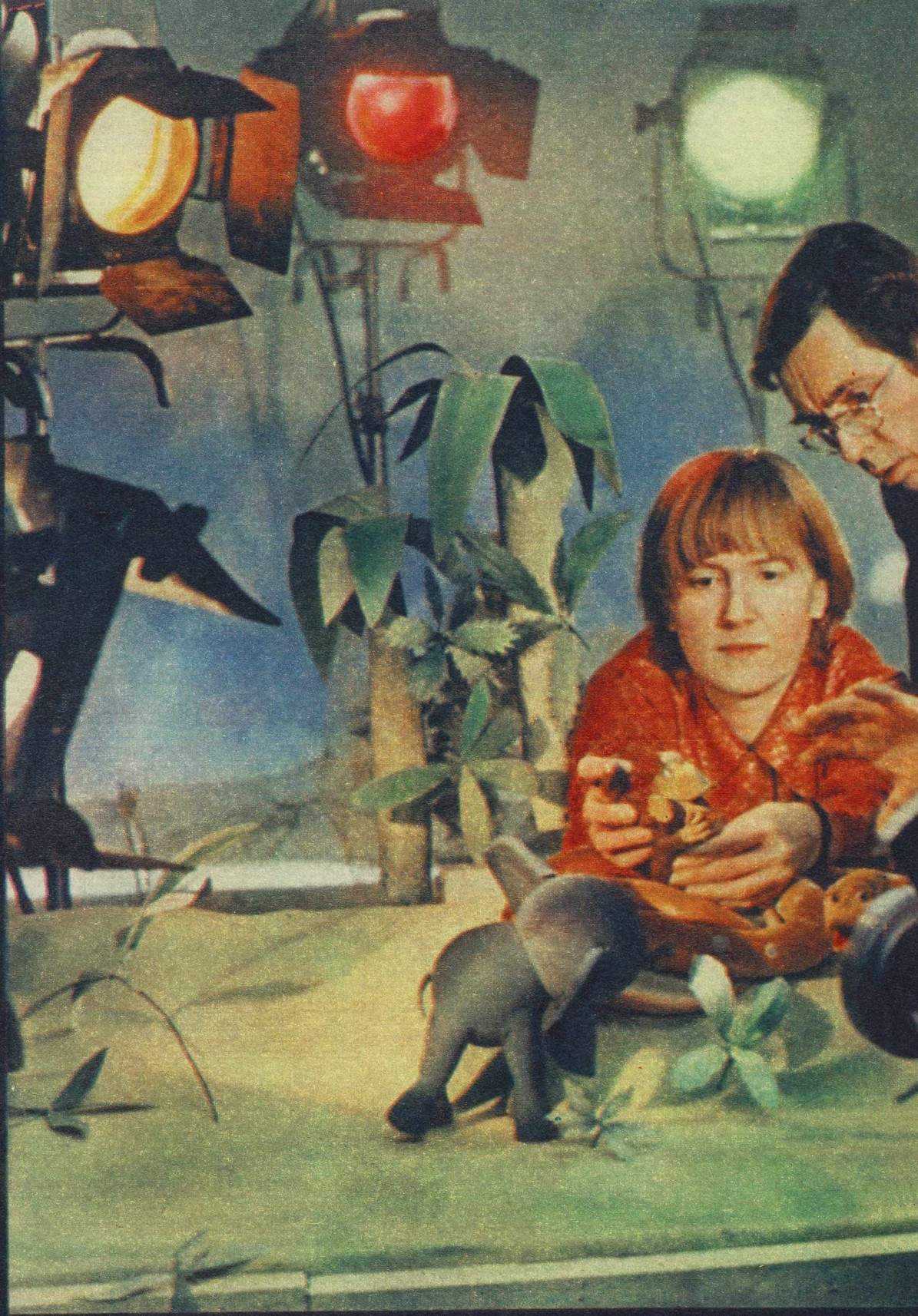
— А вы знаете, что когда Сергея Эйзенштейна спросили, кто самый лучший актер американского кино, он ответил: диснеевский Микки Маус!..

ЭТО ПРАВДА

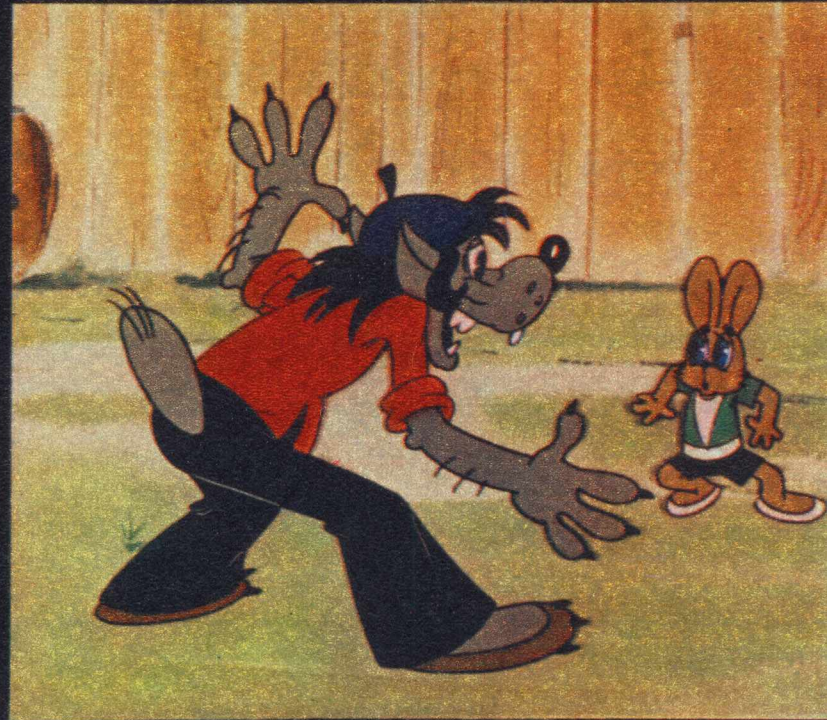
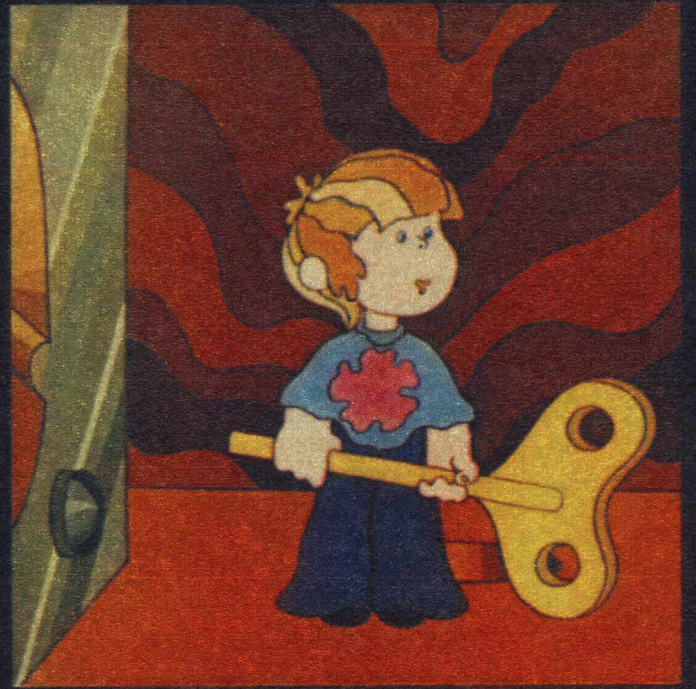

— А вы знаете, что международная общественность давно признала советские мультфильмы для детей лучшими мультфильмами в мире...

Под аккомпанемент Гениных «А вы знаете...» мы бродили по нескончаемой веренице залов, мастеровских, павильонов... И все больше крепло убеждение, что мир мультипликации чем-то похож на «человечий» мир, хотя и живет по своим, только ему присущим законам.

Не однажды доводилось слышать, что мультипликацию называют одним из жанров кино. Но здесь мы поняли, что это совершенно особый, самостоятельный вид искусства. В общем, это искусство, которое может изобразить то, чего никогда не бывает на свете, но что тем не менее — правда.

— А теперь, — сказал Гена, — я провожу вас к режиссеру Федору Савельевичу Хитруку. Почти все его фильмы удостоены премий на международных кинофестивалях. В прошлом году за картинки «Фильм, фильм, фильм...», «Остров», «Дарю тебе звезду» и трилогию о Винни-Пухе он стал лауреатом Государственной премии СССР.

Гена привел нас в кабинет, где за столом сидел седой человек. Мы узнали в нем нашего доброго волшебника.

— Ну вот, — сказал он так, будто давно уже ждал нас. — Теперь вы познакомились со студией и у вас, конечно, появились вопросы?

— А мне можно послушать? — спросил Гена. Получив согласие, он пристроился на подоконнике.

— Федор Савельевич, расскажите сначала о себе. Как вы стали мультипликатором?

— Извините. Гена, пересядь лучше на стул, как бы тебе там не надудло... Признаюсь, что мультипликатором не собирался стать ни в детстве, ни в юности: хотел быть художником, актером, писателем, музыкантом — кем угодно, только не мультипликатором. Но так вышло, что я им все-таки стал. Правда, не без влияния фильмов Диснея. Я понял, что это как раз то, о чем мечтал. Здесь нужно быть одновременно и художником, и актером, и музыкантом, и драматургом... На студию «Союзмультфильм» пришел в 1937 году, свой первый режиссерский фильм, «История одного преступления», сделал только через двадцать пять лет после этого. А сначала был ассистентом мультипликатора, потом художником. Сыграл около двухсот ролей. Был и зайцем, и чайником, и гномом, и волшебником. Кем только не был...

— Что, по-вашему, характерно для современной мультипликации?

— Мне кажется, она стоит на пороге нового этапа. Мультипликация мудреет. Если раньше она была чисто зрелищной, то теперь все чаще обращается к разуму. Прошло то время, когда на нее смотрели как на искусство рисованных пустячков. Одушевление мысли, создание ее рисованного портрета — вот что становится главной задачей современной мультипликации. По емкости мысли она равна поэзии. Как и поэзия, она способна прокладывать кратчайшее расстояние от мысли к образу. Подобно стихотворению, мультфильм должен выражать мысль и эмоции в предельно точной и образной форме. Он должен заставить зрителя по-новому взглянуть на мир.

Преувеличение, гипербола, гротеск — это основы мультипликации. Но в том-то и заключается сила эмоционального воздействия, что через преувеличение, гиперболу, через отказ от правдоподобия передается дыхание эпохи, подлинная жизнь со всей глубиной человеческих отношений, утверждается авторитет доброты, красота мира...

Мы говорим сейчас о мультфильме классическом — рисованном и кукольном. А ведь есть еще бескамерная мультипликация, когда рисуют прямо на пленке. Компьютерная, где все превращения осуществляются с помощью ЭВМ. Есть мультипликация, использующая готовые объекты. И, наконец, ожившая живопись.

— Какие фильмы молодых режиссеров, на ваш взгляд, наиболее удачны?

— «И мама меня простит» Анатолия Петрова, «Ежик в тумане» Юрия Норштейна и «Стрелок» эстонского режиссера Рейна Раамата. Это — настоящее искусство. У каждого свое решение, которому чужда готовая нравственная формула. Они заставляют ребенка додумывать. Думать...

— Каким представляется вам будущее мультипликации?

— Трудно загадывать. Это на редкость неожиданное искусство. Может быть, самое неожиданное из всех! В то же время это искусство демократическое. Оно доступно самому широкому зрителю и не требует перевода на другие языки. Думается, в будущем мультипликация станет идеальным посредником между народами, своеобразным киноэсперанто. Но для этого ей надо стать искусством страстного социального звучания. Уже сейчас резко увеличивается спрос на фильмы, которые ставят нравственные, философские проблемы.

Пожалуй, будущее за мультфильмами многосерийными. Это доказывает небывалая за всю нашу историю популярность фильма «Ну, погоди!». Хотелось бы видеть сегодня его героев в ситуациях с более глубоким содержанием. Ибо возрастает ответственность художника перед зрителем, для которых мультфильм — еще одна форма познания мира.

А Гена пора было спать: глаза его слипались. Но он, как истинно деликатный крокодил, старался это скрыть. Поняв, что наш разговор окончен, Гена предложил: — Я провожу вас.

Спускаясь по лестнице, мы увидели крысу Лариску, которая сидела на чаше весов и поглощала один за другим разноцветные тюбики. На другой чаше лежала двухтонная гиря.

Заметив наше удивление, Гена пояснил:

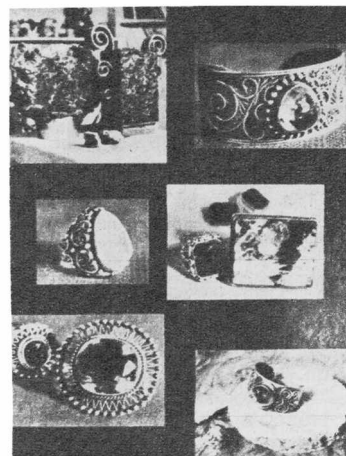
— Она решила съесть всю краску на студии, чтобы никого нельзя было нарисовать, а то нам и так здесь тесно! Лариска обещала, что будет грызть краски, пока не перевесит гирю. Но ведь это не выход: кое-кому надо вспомнить свое давнишнее обещание построить для нас новое здание!..

С грустью расставались мы с удивительной страной чудес. А когда очутились у самого порога, Гена сказал:

— Дальше мне идти нельзя. Когда станете писать о нашей киностудии, не забудьте сказать, что это крупнейшая в Европе студия мультфильмов и что недавно она отметила свое сорокалетие...

ПОЭТ ЗАГАДОЧНОГО КАМНЯ

В. РАЗУМНЫЙ,
профессор

Михаил Пришвин писал в повести «Жень-шень»: «Не там вся родина, ...где ты просто родился, а там, где ты к месту своего рождения прибавил еще что-нибудь от себя». Эти преисполненные большого патристического смысла слова невольно вспоминаешь каждый раз, когда встречаешься с продуктами творческого труда, безгранично многообразного, — от великих технических свершений до произведений художников-умельцев, украшающих наш быт.

Прибавить свой вклад в богатства мира — это не только создать новое, доселе неизвестное, но и открыть красоту и совершенство природы, все те дремлющие в ней эстетические силы, увидеть которые может лишь талантливый мастер. Кажется, что может быть прекрасного, выразительного в покоем на булыжник камне? Но мудрый глаз художника мысленным взором срывает серую, тусклую оболочку, точная рука делает распил — и перед нами самородным светом вспыхивают поразительные, нежнейшие узоры такой сгармонизированности, которая доступна только природе.

Во многих музеях мира экспонированы предметы камнерезного искусства, от гигантских ваз до мельчайших ювелирных украшений. Не будет преувеличением сказать, что в эту бесценную сокровищницу особым великим вкладом сделали русские умельцы — народные мастера, воспеваемые Бажовым. В послевоенный период их традиции начали восстанавливать и продолжать на новой технической основе советские художники. С работами одного из них, Сергея Михайловича Буданова, мне довелосьзнакомиться на многих выставках, следить по ним за эволюцией мастера, за ростом и успехами его многочисленных учеников.

...И вот я снова в его мастерской, напоминающей пещеру какого-то волшебника гор. На стеллажах — срезы самых разных камней, привлекающие к себе каким-то неизвестным эстетическим магнетизмом. Смотришь на дробную, ситцевую поверхность лазурита, на холодные, почти арктические глубины кварца, на загадочные и манящие волны линий агата — и не можешь оторваться от этой своеобразной живописи природы. А рядом — изделия мастера, где поверхность камня приобретает форму декоративной вещи, сливается с нею в единый пластический образ: лоток из агата, ваза «Аметист» — из того уже упомянутого, схожего с булыжником камня, даже с сохранением его первозданной поверхности, и, наконец, ваза «Уральский самоцвет», созданная на основе всемирно известного принципа русской мозаики, давшей миру подлинные поэмы из малахита. Кстати, Сергей Михайлович внес весомый вклад в восстановление сложнейшей техники наборной малахитовой мозаики, в раскрытие ее многочисленных тайн.

Оторвемся от манящей волшебной прелести бесчисленных камней и перейдем в другой угол мастерской, где в хаосе глыб, заготовленных во время многочисленных странствий по стране, и причудливых обрезков металла, среди каких-то подобий бормашин и кузнечных прессов (кстати, собранных самим художником) колдует мастер, поразительно напоминающий углубленного в поиски философского камня средневекового алхимика. Присмотримся к его таинственным манипуляциям повнимательнее, и некоторые, хотя и весьма общие принципы творчества художника-камнереза станут нам доступнее.

Начало начал не заготовка, уже прошедшая первичную обработку и как бы подсказывающая дальнейшее ее использование, а необработанная глыба, которую Буданов способен разглядывать часами. В итоге — единственный, оптимальный разрез, именно тот, который принесет ожидаемое — эстетическую фактуру поверхности. Всегда? Конечно же, нет, иначе не грозились бы рядом целые отвалы, к раскопкам в которых он еще обратится не раз для нового поиска.

Мастер что-то шепчет, словно разговаривает с камнем, а точнее, уговаривает его, как капризного ребенка, затем начинает «распеленывать», уверенно и спорно. Смотрите, какие разные ассоциации способна вызывать эта поверхность после полировки: здесь и неизвестный пейзаж, и бурное море, и поразительная коловорот линий, поэтических в своей первозданной прелести.

Закончен ли творческий процесс? И да, и нет! Быть может, срез так полюбит мастеру, что займет место на полке как новое и самостоятельное произведение искусства. Но в нем чутье художника может провидеть и начало новой формы — вещи, ее органическое воплощение и зерно будущего художественного образа. Ведь камень, считает С. Буданов, не украшение предмета, — напротив, в камнерезном искусстве произведение вырастает из образной логики материала, как Афродита из морской пены. Художник скрывает свой замысел, подавая свою работу, как создание самой природы — по тем же законам, что сталактит или кристалл. Тем самым художник еще и еще раз учит нас восторгаться природой, ее совершенством. Вот почему мастер-камнерез одновременно эстетический воспитатель, дающий нам не только творение искусства, но и новый мир тончайших душевных переживаний.

Кадр из фильма «И мама меня простит» (режиссер А. Петров). * Кинооператор М. З. Дрян работает на студии с 1930 года. * Техник Татьяна Харитонова * Идет звукозапись, перед микрофоном Евгений Леонов * Кадр из фильма «Наследство волшебника Бахрама» (режиссер Р. Качанов).

Гелана ТОНИНА

РАССКАЗ

Рисунки И. СУЩЕНКО

редить душу-то». Но, видно, уж выпала такая ночь. Мысли его сами собой потянулись к Лизе. И припомнил он первую встречу с ней.

...Стоял конец июля. Закатное солнце полыхало в стеклах деревенских окон. Глядя себе под ноги и думая о чем-то своем, Василий подходил к дому и вдруг, словно споткнувшись о невидимую преграду, приостановился, поднял голову. На крыльце соседской избы сидела незнакомая женщина, чистила грибы. На фоне стены, посеревшей от времени, четко вырисовывался ее профиль, чуть склоненный и по-девичьи нежный. Сердце Василия сжалось от чего-то непонятного, но радостного. Потом всякий раз, когда после долгой зимы встречал он Лизу, с ним неизменно повторялось то же: сердце мучительно и сладко сжималось. А тогда он удивился, взглянул на женщину раз, другой и, встретившись с ней взглядом, заторопился домой. В избе он нет-нет да и подходил к окошку и, таясь за занавеской, поглядывал на женщину. В легком наклоне головы, в плавных и скупых движениях рук — во всем ее облике он сразу отметил что-то такое, чего бы ни за что не сумел выразить словами, но это что-то, совсем нездешнее, хотя и полное простоты и достоинства, заставляло его снова и снова подходить к окну.

«Серегина женка, что ли? — подумал Грач. — Ну да, тетка Зина рассказывала, что письмо от него было, женился, мол, теперь дачников двое будет. Везет этим городским, — подумал Грач о Сереге, но тут же урезонил себя: — Ну да что там, он и сам мужик справный да и грамотный очень»

тись — этим, к слову сказать, не один Колобок в деревне грешит, — а водились за ним дела куда посерьезнее. То вдруг кабаниной приторгует, да ему же, Василию, еще и предложит, а трюсыные петли на кабана нет-нет да и повстречаешь в лесу. Не раз и не два Василий говаривал Колобку о петлях, даже страшил, да только тот сначала непонимающий вид сделает, потом отнекиваться станет. Поюлит, поюлит, выждет время и опять за свое. А то грешил еще Василий на Колобка, что лосиха, от которой Хромка растет, тоже дело его, колобковых, рук. И Петр тогда ему рассказывал, что как раз дня за два до того, как принести Василию из леса своего Хромку, всю ночь в избе Колобковых горел свет. А потом долго еще в сених у Колобка возле кладовки припахивало свежениной.

Одним словом, сторонился Василий Колобка. А потому, заметив в тот июльский день Николу во дворе, поспешил пройти мимо. Да тут же и услышал:

— Что это ты, Грач, нос-то задралши?

Василий недовольно обернулся.

— Курево есть? — с нагловатой и вместе с тем жалкой улыбкой спросил Колобок. — Зайди. Как глянется тебе лодка-то?

— Да хороша, нечего сказать, — сердясь на себя за то, что прошел во двор, ответил Василий и, похлопав лодку по свежееотесанному боку, добавил: — Ладная.

Присели на чурбаны, закурили.

— Правда, что ль, будто от самого министра тебе благодарность вышла? — помолчав, спросил Колобок.

НА РАССВЕТЕ

А только не спалось ему в эту ночь. Беспокойство, мучительное и неясное предчувствие чего-то неправого, неловко ворочаясь, подступало к сердцу.

Рядом, тихо посапывая, спала Клавдия. «Небось, и теперь хмурится», — неприязненно подумал Василий о жене. Подумал так и устыдился. «Давно ли... А давно, лет девять тому будет... Ну дак было же! Я помню...» И он вспомнил, как жалел свою Клашу, как любил присесть перед ней спящей и подолгу смотреть на ее чистое, тогда еще полудетское лицо и как радостно, как смешливо делалось ему, когда хмурилась она во сне белобрысые бровки... И Василию жаль стало той их жизни — ясной и распахнутой.

Клавдия вдруг негромко застонала, заворочалась беспокойно и вновь затихла.

— Достается ей, — вздохнул Василий.

Несмотря, вразнобой, но будто приравливаясь к единому ритму, застучали по крыше дождевые капли. Василий закрыл глаза. Шум дождя нарастал, набирая силу, но вдруг захлебнулся, стал глуше и спокойнее, а потом и вовсе перешел в мерный и шуршащий звук. Звук этот незаметно растворился в ночи, стал привычным, и Василий не замечал его больше.

А сон не приходил.

— Весна-то как пошла, скорым ходом. Май на носу. А там пора и коров выгонять. Только мне чего?! Отгонялся...

Еще недавно, будучи пастухом, он ждал этого дня. Шел через всю деревню, по главной улице. Хлопали двери, скрипели ворота, озобоженные и какие-то праздничные бабы выходили на улицу, останавливались у ворот. То и дело слышалось: «Здорово, Грач, в добрый час», «Дай-то бог, Васюшка!».

Грачу при воспоминании об этом сделалось хорошо на душе. И пожалел он, что не ему гнать коров. Любил он свое пастушеское дело: чего только не передумавешь за день, а какая радость вокруг — да все новая — и глазу и сердцу. Василий заворочался. «Ладно бе-

Грач отвернулся от окна, сел на лавку, потянулся к крынке с молоком, но раздумав, опустил на колени широкие ладони. Смутная досада, похожая на обиду, зацепив его, не отпущала. Он нахмурился, вновь покосился в окно.

— Ишь, выставила, — задержался он взглядом на смуглых, лишь до колен прикрытых подолом ног женщины. И неожиданно для себя почувствовал, что краснеет.

Любовь застала его врасплох. Он сопротивлялся ей, боролся с нею, обманывал себя, прикидывался равнодушным, незрячим, бесчувственным, а она все затягивала его в свой заколдованный круг, и он, измученный неравной борьбой, восхищенный этой любовью, раскрыл ей всю свою душу, принял как драгоценный дар и затаил в себе. Только утаишь ли ее, любовь?!

...И еще вспомнил Грач, как, вернувшись с железной дороги домой, наскоро переоделся и отправился на реку искупаться. Проходя мимо двора Колобковых, заметил самого «Колобка», кургузенького, но весьма расторопного мужичонку, возившегося возле закопченного ведра со смолой. Неподдалеку нежно желтела своими округлыми, свежеевыступантными боками перевернутая лодка. Видно, ее и собирался Колобок смолить.

Недолюбливал Василий Колобка.

«Казалось бы, — думал о нем Грач, — и работающий: от работы не отлынивает, и мастер отменный — вон какую лодчонку сработал. Прото, какой он хозяин, и говорить нечего: порядок и достаток так и прут с его двора, да только вот все что-то юлит, заискивает перед всеми, в глаза людям лишний раз не глянет».

Поговаривали, будто жуликоват Колобок, но за руку его никто не ловил.

Сам Василий знал: любил Колобок прихватить, что плохо лежит: ведро, весло ли, другая какая малость, — все к себе тащит. А еще и браконьерит, подлец, — не раз замечал за Колобком Василием. Да не то чтоб там щуку весной оглушить или с бреднем ночью прой-

— Ну.

— И премия?

— Ну.

— Так обмыть, стало быть, надо.

— А тогда же со своими и обмыли.

— Со своими. А мы уже и не свои? Да ладно, ладно, ты чего? Я ведь так... Вот и пастухом ты был справным. А с премиями-то не очень было. Небось, на дороге тебе лучше глянется?

Василий промолчал.

— А как пас! Мимо хлебов стадо проведешь — так хоть бы один колосок помяли. Будто коров и близко не было.

— Чево-то ты меня нахваливать вздумал? — поморщился Грач, но вдруг резко повернул к нему голову и, глядя на него в упор, спросил: — Лосиха твоих рук дело? Да ты не бойся, дело-то прошлое.

— Да что ты, Васюшка, — опешил Колобок. — Как можно? — И взгляд его стал неуловимым.

— Как можно?! А как можно у трактористов трос кланчить да потом петли из него в лесу расставлять? Это можно? Подожди, Николай, доберусь я до тебя.

— Васятка, — начал было Колобок, но Клавдин голос прервал его:

— О чем это вы здесь?

Рядом с Клавдией остановились Лиза и Сергей.

— С речки, что ль? — стараясь не глядеть на Лизу, спросил Грач.

— Ох, и вода сегодня — дивная, — улыбнулась она.

— Иначе как парным молоком и не назовешь, — подтвердил Сергей. — Я уж и забыл, когда было такое лето.

— Да уж, лето дивное, — неприязненно усмехнулся Василий. — Еще с недельку такого дива, и погорит все. Ну, а отдыхать, конечно, можно.

— Да, не мешало бы хорошего дождичка, — смутился Сергей. — Пора землю промочить.

— Дождик — это хорошо-о, — сглаживая неловкость паузы, с улыбкой протянула Лиза. И

без всякого перехода кивнула на лодку:— Это вы сами?

— А то как же? Да вы проходите. Холодно-го кваску вынесу.— Колобок кинулся в дом.

— Ну, мне-то не до квасу,— неуверенно проговорила Клавдия,— еще для телят подкормить надо.

— А много их у тебя?— поинтересовался Сергей.

— Да хватает,— засмеялась она.— А ты что, подморгнуть хочешь?

— Ну, если еще не разучился косу в руках держать...

— Тяжелая у телятниц работа,— зачем-то вдруг сказал Василий, обращаясь к Лизе.— Как детей малых выхаживают.

— Да, да, конечно,— согласилась та.— Мне Клаша рассказывала.

Узкой ладонью Лиза погладила лодку:

— Вася, а ты так сможешь?

— Нет, не смогу,— грубовато отрезал он.

— Кваском вот побалуйте, Лизавета Георгиевна,— протянул запотевшую кружку подоспевший Колобок.

— Хорош! Даже зубы заломило — такой холодный,— улыбнулась Лиза.— Спасибо!

Сергей протянул руку к крынке, собираясь передать ее Клавдии.

— Нет-нет, я еще,— засмеялась Лиза и, запрокинув голову, вновь стала пить.

Василий, не отрываясь, смотрел на ее долгую, волнуемую при каждом глотке шею и вдруг ужаснулся своему, казалось, непреодолимому желанию припасть губами к этой шее.

«Наваждение какое-то,— подумал.— Совсем уж спятил!»

— А правда,— протягивая крынку Клавдии, спросила вдруг его Лиза,— что ты лосенка выхаживал?

— Ну, а то как же,— за мужа ответила Клавдия.

— Было дело,— нехотя отозвался Грач. Он помолчал. Недобро покосился на Колобка:— Гад вот один матку загубил, ну, а я неподалеку от того места лосенка нашел. Ослаб он сов-

сем, дышал еле, да и нога у него передняя порчена была. Хромкой я его и прозвал.

— Еле выходили,— встала Клавдия.

— Еще удивляюсь,— строго глянул на жену Василий,— как уцелел-то... Поначалу молоком отпаивали. С соски... Ладный вырос. Хромоты как и не бывало. Ну, а Хромкой так до сих пор и зовем.

— Ты что же, его встречаешь?— удивилась Лиза.

— Нет-нет, а выйдет ко мне на березовую просеку, что к Дубенке подходит. Поздороваемся, значит, да и разодемся всяк по своим делам.

— Лосиху-то из местных кто загубил?— спросила Лиза.

— Доберусь я до этого местного,— в сердцах пообещал Грач.

— Ой уж,— насмешливо покачала головой Клавдия, но вдруг светлые бровки ее наморщились, и некоторое время она с явным недоумением разглядывала незнакомое ей выражение лица мужа. Василий во все глаза, не таясь, смотрел на Лизу.

— Ах ты, ягодка моя,— с недобрый спокойствием произнесла Клавдия и вдруг заспешила:— Пойду я.

— Постой, Клава, и мы с тобой,— поднялась Лиза. Встал и Василий, подошел к Колобку прикурить. Колобок, не пряча ухмылки, не отрываясь, смотрел вслед ушедшим.

— А что, Грач,— прищелкнул он языком,— дачница-то баба у-ух! Вот бы такую...

Грач дернулся и с силой швырнул под ноги Колобку папиросу. Во взгляде его было столько ненависти и открытой угрозы, что Колобок опешил:

— Да ты что нонече, совсем сдурел! Да сам, небось...

— Оставь!— с трудом разжимая ставшие вдруг непослушными губы, выдавил из себя Грач, не чувствуя, как сами собой сжимаются его кулаки.

— Да что ты из себя пайнюку корчишь?— обозлился Колобок.— Да подвернись тебе случай...

Удар пришелся ему в правую скулу. От неожиданности Колобок взвыл, пошатнулся и

плюхнулся прямо в посудину с остывающей смолой. Вслед Василию он заматюкался так зло и так тяжко, что Грач сплюнул с омерзением...

Василий снова заворочался, растревоженный воспоминаниями. Да... Вот ведь какая штука тогда приключилась. С того дня и затаилась Клавдия. Видно, сразу поняла что к чему. Вот и молчит теперь, вот и морщит брови. Все думает, думает... И дерзнуть стала поуверенней. Ах, господи, кабы были у нас дети! Может, и обошлось бы все? Да кто его знает, обошлось бы?

Грач прикрыл глаза и ясно представил себе Лизу, сидящую у окна в его горнице. Блестящая прядь волос сползла ей на глаза, и она, смешно и по-детски выпятив губы, то и дело сдувала ее, улыбаясь, и слизывала с губ прозрачные капельки меда, и щурила глаза:

— Васенька, у тебя лучший мед в мире!

За ситцем занавесок начинало светлеть. Пока еще самую малость. Но с этим брезжущим светом, как казалось Грачу, что-то тревожное просачивалось в комнату. А Грач все вспоминал и вспоминал свои редкие встречи с Лизой.

...День был у него выходным. Клава уехала с Лизой косить траву телятам. Грач с утра занялся починкой сарая. Менял подгнившие доски, латал крышу. Закончил к полудню, осмотрел свою работу издали и, довольный, уселся на крыльце, закурил. Вышел к нему из своей избы Сергей, сел рядом с книгой в руках.

— Чего пишут-то?— кивнул Василий на книгу.

— Да так,— не сразу ответил Сергей.— Про Россию-матушку.

— Эх...— задумчиво проговорил Грач.— Жаль, учился я мало. После войны старшим в семье оказался. Надо было работать. А потом уж поздно показалось...

— Жаль.

— А что, Серега,— как-то все не к слову было,— Лиза у тебя тоже ученая?

— Ну, какая уж там ученая,— засмеялся Сергей.— Медсестрой работает, ну и в медицинский собирается.

— Стало быть, ученая... Ей пойдет врачом-то.

— Думаешь? А наши, кстати, еще не приезжали?

— Да нет, не видал.

— Надо бы и мне с ними отправиться. А то и надышаться не успеешь: отпуск пролетит — не заметишь. Места здесь редкие. Верить, потом весь год ими брежу...

— Что ж, места у нас хорошие. Я, признаться, потому и на работу лесом хожу, а ведь так оно дальше будет. Люблю места наши. В любое время года свою красоту имеют. Недаром здесь у нас неподалеку — слышал, небось? — «Спутник» строят. Лагерь международный. Может, со всего мира молодежь к нам поедет. Что ж, если понятие какое о нашей красоте имеют, пусть живут, любят. Нам не жалко. Дорогу мы сейчас к этому «Спутнику» проводить будем. Бархатную.

— Это как же — бархатную?

— А по восемьсот метров рельсы класть будем да деревянные шпалы заменим на бетонные. Никакой трясин! Пускай едут, пускай красоте нашей радуются... А только бы я не всех пускал. Разрешение на то давал бы особое. Хороший ты человек — пожалуй к нам, а нет — извини.

— Что так строг?

— А плохому, ему все равно — красота ли, нет ли... Да ты лучше стишок послушай, — сказал вдруг Грач и будто сам удивился своему предложению. Но все же как-то неестественно откашлялся и, весь напряжась, не спеша, прочел:

Луна латунная восходит.
В лесу енок шершавый бродит.
Ягушка на кряку сидит
И вдаль задумчиво глядит.

— Сам?

— Ну! Дальше слушай...

— Ваа-ся-аа! — Из толпы лошадиных копыт и немилосердного тархтения телеги вырвался отчаянно-пронзительный крик Клавдии.

Оба вскочили разом. Ни секунды не раздумывая, Василий бросился навстречу несущейся лошади и, на бегу ухватив одной рукой за узду, другой — за оглоблю, повис на них:

— Тп-ру-ууу!

Лошадь закосила ошалелым глазом, шараясь вместе с ним в сторону, пробежала еще несколько шагов и стала.

— Ой-ой! Ой, гад, ой, вра-аг! — запричитала, размазывая по лицу слезы, Клавдия. — Это он же, он, толстомордый этот, кучерявый...

— Кто? — возбужденно заорал Грач, глядя на застывшее в испуге, бледное лицо Лизы, на ее побелевшие, замертво вцепившиеся в телегу пальцы. — Да расскажи ты путем, все как есть, — уже тише приказал он Клавдии...

...Сидя в телеге на только что скошенной, пахучей траве, Клавдия и Елизавета возвращались с покоса. Лошадь шла ровным, неторопливым шагом. Тихо поскрипывала телега. Над

лугами с весело пестреющими цветами стоял ровный пчелиный гул. Неожиданно где-то совсем рядом ружейный выстрел вспорол воздух.

— Что это? — забеспокоилась Лиза.

— Да видать, кто-то из охотников утку бьет. Раздался еще один выстрел. Спустя минуту — другой. Лошадь вдруг прянула ушами и, следуя повороту дороги, вышла к бревенчатому мосту Дубенки. На самом горбу его, против солнца, чернели две фигуры — высокая, громоздкая и низенькая, тщедушная. Клавдия сразу узнала приезжего из Москвы охотника и Колобка. Колобок с громкой руганью отгонял бросающуюся на него с остервенением собаку, суетливо доставал из плетеной корзины очередного кутенка, подбрасывал его над водой, а охотник с пьяным хохотом расстреливал их на лету.

— Ах вы, бесстыжие рожи, отродье вы поганое! — взвизгивая, закричала на них Клавдия. — И как только глаза ваши бесстыжие на свет смотрят?! Залили их винищем-то! Да чтобы руки ваши поганые отсохли! — гневно выкрикивала она.

— Господи, да возможно ли, возможно ли это?! — еле сдерживая слезы, тихо повторяла Лиза. Потом вдруг приподнялась на телеге и отчаянно, не узнавая своего голоса, крикнула:

— Да опомнитесь вы! Слышите! Немедленно прекратите!

— А ну-ка, дамочки-бабочки, валите отсюда, пока живы, — прервав хохот, пригрозил охотник и вновь захохотал.

— Да ты еще и угрожаешь, толстомордая рожа? — возмутилась Клавдия.

Продолжая хохотать, заезжий охотник не спеша повернулся к ним всем своим мощным корпусом, крепко расставил ноги, вскинул ружье и, не целясь, выстрелил. Женщины вскрикнули, вжались в траву на телеге, лошадь всхрапнула, метнулась на край моста, опала, отшатнулась и вдруг, дернувшись всем телом, бешено понесла.

— Держись, Лизавета! — испуганно крикнула Клавдия, безуспешно пытаясь поймать вожжи. Вслед им бабахнул новый выстрел...

«Чуял я, что ты за гусь», — выслушав сбивчивый рассказ жены, подумал о приезде Грача.

Несколько дней назад заходил тот к Василию. На вид ему лет под тридцать. Молча прошагал прямо к столу, он сел на лавку и только здесь, глянув на Василия, кинул небрежно:

— Привет.

— Здравствуйте, — откликнулся Грач, дивясь на бесцеремонность незнакомца.

— Как жисть молодая?

Грач промолчал.

— Да вот, Колобов к тебе направил. Поражаться, поохотиться я приехал. А Колобов говорит, что ты места отменные знаешь. Он бы и сам, конечно, но, — неприятно хохотнул пришелец, — сам знаешь, какой на него стих нашел, душа у человека горит. Вот он ее и зали-

вает. А я баловства на охоте не люблю, — важно добавил он. — Так сводишь меня?.. Да ты не бойсь, за мной не пропадет.

— Никаких я таких мест не знаю, — раздражаясь от наглости гостя, проворчал Грач.

— Что ж так? — прищурился тот. — Негостеприимно. Ну, да тебе видней.

На том и расстались. При редких встречах будто и не замечали друг друга.

— Надо что-то делать, Василий, — заволновался Сергей. — Нельзя же это дело так оставить!

— Погоди, Серега, не торопись. Перво-наперво ружье мы должны у него отнять. А уж потом пусть в районе им займутся. Пойдем к магазину. Небось, туда явится. Деться ему некуда.

...Когда Грач и Сергей вошли в магазин, охотник был уже там. Навалившись грузным телом на прилавок, похотывал с продавщицей.

— Похотелось у меня, гад, — стремительно шагнул к нему Грач, ловко сорвал с его плеча ружье и передал Сергею.

— Да ты что? — побагровев, кинулся на Василия мужик.

— Позже узнаешь! — Василий крепко схватил его за воротник куртки и так потряс, что и без того нетвердые ноги охотника подкосились, и он тяжело осел на пол. Грач, не дав ему опомниться, рывком поставил его на ноги и, не удержавшись, с остервенением ударил.

— Помни, гад, как в людей целиться.

— Ах ты, сука! Ты так, ты так... — сипел чужак, одной рукой держась за прилавок, другой лихорадочно шаря за голенищем.

— Но-о-ж! — взвизгнула продавщица.

— Ах, гад! — Грач налетел на охотника и так сжал его запястье, что тот с искаженным от боли лицом как-то странно всхрапнул. Нож выпал на пол. Сергей подхватил его.

— Да что вы в самом деле, — сразу сникнув, жалко залепетал охотник. — Ну все, все! Что вам еще от меня надо?

— А вот сейчас и посмотрим, что ты за птица, — вытащил у него из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумажку Сергей.

— Так... Абазов, Семен Васильевич. Ну, Абазов, удивил! Подумать только, таким, как ты, еще и охотничьи путевки на месяц выписывают. Ай да охотник! Загляденые. Ты уж извини, задержать придется путевочку.

— Не имеете права!

— В районе разберутся и с тобой и с путевкой. А ну, тетка Анна, посмотри, чего он там напромышлял?

Женщина развязала вещевой мешок Абазова и, ойкнув, всплеснула руками:

— Да вы гляньте-ка, что в мешке у него!

— Ой, бабы! — подхватила другая женщина. — Ах ты, бесстыжая рожа! Глянь-ка, Нюрушка, никак это твои куры-то?

— А мы-то, Васюшка, уж решили тут про себя, что это хорь к нам повадился. Всех кур наших перетаскал.

— Вот тебе и хорь! Ишь толстобрюхая скотина!

Абазов молчал. Василий взял у баб мешок и одним сильным рывком вытряхнул его содержимое. Кроме двух кур, перочинного ножа и каких-то тряпок, посыпавшихся на пол патроны с черными лакированными гильзами. Василий поднял один из них.

— Импортные патронами, значит, кур стреляешь, — усмехнулся он. — Ну и охотничек!

Бабы захохотали. Василий взял у Сергея ружье, охотничий нож, поднял с пола перочинный.

— Пошли, Серега.

Наутро чуть свет явился к Грачу делегация. Протрезвевший Абазов, напуганный неожиданным оборотом своего пребывания в деревне, все-таки уговорил двух сердобольных пойти вместе с ним на поклон к Василию. Одна из них, вчера еще возмущавшаяся им — ишь, надумал чего, паразит этакий! — тетка Анна, другая — продавщица Валентина, еще молодая, вдовствующая баба.

— Васюшка, да прости ты его, ирода, Христа ради, — начала тетка Анна.

— Не в себе был человек, вот и набезобразил, — встала Валентина. — Ты-то, Клавдия, понимаешь, небось. С пьяным-то мужиком, — с

хитринкой прищурилась она, — вся-а-а-кое случается.

— Всякое, да не все, — оборвал ее Василий. — А ты-то чего за него просить пришла? Чем околдовал? Непохоже это на тебя, Валентина. Непохоже. Да и вообще, — напустился он на обеих, — в вас, что ль, стреляли?! Нет. Так, может, сын он ваш? Муж? Брат? Может, ваш старый, хороший товарищ? Тогда, может быть, просто незаслуженно — так, за здорово живешь — человек обижен? Может, он и не в живых людей, а так, по изгороди моей стрелял?! — Да не кипятись ты, браток...

— Браток, стало быть? От не знал, — с издевкой перебил Абазова Грач.

На отеком и обмякшем лице Абазова, сером и неопрятно обросшем, забегали суетливые глазки, прося помощи то у тетки Анны, то у продавщицы. Потом просительно и заискивающе остановились на Клавдии.

— Простите меня... пожалуйста. Перебрал я вчера... Вы уж простите...

Клавдия ничего не ответила, отвернувшись по-рыбьи и начала яростно орудовать в печи ухватом.

— И вы, Василий, простите меня. Обещаю, такого со мной никогда не повторится, — глядя куда-то в сторону, выдавил из себя Абазов.

— Да верни ты ему, Васюшка, и документ и ружжо. Образулся парень. Посочувствуй! Винится сильно.

— Помолчи ты, тетка Анна. И ты, Валентина, лучше помалкивай! — прикрикнул он и на без того молчавшую продавщицу. — Знаю ведь, чем околдовал тебя. Давно, что ль, не пила на дармовщинку?

— Ладно тебе, — закусила губу Валентина.

— Все! Некогда мне, слышите?! На работу пора.

— Послушайте, Василий, — подался к нему Абазов, — и вы, Клавдия, — вновь заискивающе начал он. — Не хотел я, само это случилось. Я вот и Елизавете Георгиевне сейчас это объясняю... Прощения у нее просил.

— Простила? — насторожился Грач.

— Кабы простила, — откликнулась тетка Анна. — А то и разговаривать не захотела.

— И то верно. Говорить не о чем, — облегченно выдохнул Василий.

Тут Клавдия бросила на мужа насупленный взгляд, решительно прошла к двери и, выразительно хлопнув ею, вышла. Просители не уходили. Переминались с ноги на ногу, переглядывались, делали друг другу какие-то знаки, молчали, но не уходили. Василий, стараясь не обращать на них никакого внимания, собирался на смену. Минут через пять дверь распахнулась, и в горницу вошли Клавдия с Лизой. Лиза укоризненно смотрела на тетку Анну.

— Как же так, Анна Семеновна? Вчера возмущались вместе со всеми, а сегодня...

— Да что, Лизушка, парень сам себе уж не рад.

— Вы уж простите меня, простите бога ради, — тихо сказал Абазов.

— А-а? — притворно удивилась Лиза. — И бога вспомнили... Она поморщилась, и даже плечи ее передернулись невольно. Потом взглянула на Клавдию, и лицо ее потускнело. — Да ну его совсем, Василий, отдай ты ему все, — сказала вдруг и выбежала из избы.

...Не любил обо всем этом вспоминать Грач, но, видно, бессонницу не переломил. Да и встретил он вчера этого Абазова. Не постеснялся ведь, опять приехал. Видно, к Колобову путь держал.

— Да пошел он. — Василий одним махом спустил ноги с постели, сел, прислушиваясь к дыханию Клавдии. Нет, не разбудил, спит. Ну и ладно, ну и пусть себе — всего-то каких-нибудь полчаса до будильника и осталось.

Он быстро оделся, прихватил с собой брезентовую сумку и тихонько вышел на крыльцо. Сырой после ночного дождя воздух будто окатил его свежестью. По-утреннему росно отливала густой зеленью трава. Небольшими озерцами еще только самую малость голубело в редких разрывах небо. По всей деревне, голосисто и непрерывно, перекликались поочередно петухи. Грач зачем-то запрокинул голову, прикрикнул, прислушиваясь к петушиной перекличке, глаза и ласково усмехнулся чему-то.

Сразу же за деревней возле небольшого перелеска паслись стреноженные лошади. Грач долго глядел на их склоненные, заросшие кос-

матыми гривами шеи, на спутанные хвосты, на исхудавшие за зиму — все ребра пересчитать можно — бока, и в глазах его появилась боль и затаенная нежность.

— Ничего, теперь уж скоро. Нагуляетесь досыта. — Грач зашагал быстрее, стараясь не смотреть на них, но на повороте не выдержал и еще раз через плечо оглянулся.

— Горемычные вы мои, — с хрипотцой вырвалось у него. И тут его будто прорвало. — Надо же, — в который раз возмутился он, — коровам сена по двадцать килограмм — оно, конечно, на здоровье, так и нужно, но коням-то? А коням по десять. По десять, и каждый день — хомут! — Василий тихонько, но яростно выругался. — А было и того меньше — восемь. Восемь килограмм! Перед конями стыдно было домой идти. Идешь, а сам думаешь: ой, милые вы мои, милые, вот и до избы дойти не успею — съедите все. — Василий досадливо покачал головой: — А чего кому доказал?! Только напылил тогда да кладовщика ни за что обругал. Из пастухов ушел? Уйти-то ушел, а доказать ничего не доказал, — рассуждал он сам с собой. — А! Да ну ладно!..

Далеко за полями из-за горизонта показалось солнце. Василий приостановился, глядя в его еще неяркий — одни полутон — восход, и зашагал дальше. Вскоре он свернул на лесную дорогу, что вела к Дубенке. Широкая тропа по-над ней приводила его почти к самой станции. Василий не спешил. Шел, вслушиваясь в пение птиц, отмечая невольно все новые приметы весны.

— Вон как запестрела бубенчиками медуница.

Василий нагнулся, хотел было сорвать цветок, но раздумал. Разноцветные бубенчики медуницы вздрогнули и снова замерли. «Ах ты, боже мой, — подумал он. — Ножка-то одна, а бубенцы на ней разные: одни уж распустились, полиловели, другие еще только собираются раскрыться — розовеют робко. Ишь, вон как вытес над ними шмели и пчелы».

Незаметно подошел Василий к Дубенке. Постепенно берег набирал высоту, переходил, нависая над рекой, в глубокий обрыв и тянулся так до самой станции. Большая вода, затопив прибрежные кусты, подобралась к самому лесу. Ветер неторопливо гнал с реки невысокие волны. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тучи, падал на воду, дробясь и сверкая, и Василию казалось, что заиграла, зарезвилась на реке большая стайка стремительных рыбок. Василий улыбнулся. От цветущего куста вербы вдруг отчетливо потянуло свежестью разрезанного арбуза. И что-то неясное, какая-то сладкая мука шевельнулась в груди. И еще долго оставалось легкое ощущение томительной и светлой грусти. И захотелось Василию

продлить это ощущение, задержать в себе, сохранить в памяти.

Грач запрокинул голову, зажмурился на миг от яркого света и замер. Высоко над головой нестройным косяком, молча и будто устало летели журавли. Жаркая волна необъяснимой радости захлестнула Василия, перехватила горло.

«Вернулись, — подумал он и долго-долго смотрел им вслед. До тех пор, пока далеко над лесом они не растаяли вовсе. — Теперь и Лиза скоро приедет... Скоро!» — уверил он себя и, чувствуя необыкновенный, радостный прилив сил, зашагал вдоль берега.

Река посверкивала сквозь деревья, по воде шла рябь, похожая на голубеющую чешую огромной рыбы. Неожиданно за деревьями мелькнуло что-то темное. Кто-то шел по лесу.

— Туристы или рыбаки? — всматриваясь на ходу, Василий чуть было не ступил в глубокую лужу. Бледно-зеленый, будто молоком разбавленный цвет осиновых стволов поразил его: — Вот ведь на ветках и листьев не видеть, а стволы проснулись, ожили. А березка-то! — Василий сделал к ней несколько шагов. Вдоль всего узкого ствола ее лопнула и завернулась тонкая береста, обнажая густо-розовый, в белых рябинках ствол. Где-то рядом, под обрывом, в густых зарослях ивняка резко и монотонно закрэкал коростель. Василий обернулся на это крэкание, послушал немного и зашагал дальше. Справа и слева от него то и дело девственно голубела клочковатыми островками ветреница.

«Может, и с Хромкой свидимся», — подходя к березовой просеке, подумал Грач, и от мысли этой совсем хорошо сделалось ему. Выйдя на просеку, он остановился, всматриваясь в даль. Просека была пуста. А с реки вдруг внезапно донесли до него всплеск воды и глухие удары. Грач оглянулся, но ничего не увидел и пошел по просеке к обрыву. Подходя, лишь на миг замер он в столбняке. В окружении двух лодок, теряя последние силы, Хромка с трудом тянул к уже близкому берегу. Абазова и Колобка Грач признал сразу. С двух сторон держали они Хромку за отростки рогов, а Абазов один за другим рассчитливо — чем ближе к берегу, тем сильнее — наносил ему обухом удары по загривку.

Волна черной ненависти и отчаянья болью захлестнула сердце Василия, отдалась в висках.

— Гады! — не помня себя, крикнул он и, подбежав к краю обрыва, не задумываясь, прыгнул вниз. Он упал, вскочил, кинулся навстречу Хромке, но тут, преградив ему путь, что-то сильное толкнуло Василия в грудь, и почти одновременно с толчком этим услышал он ружейный выстрел.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Михаил Кузькин. Озарение. Приокское книжное издательство. Тула, 1977, 222 стр.

В новый поэтический сборник Михаила Кузькина вошли стихи, написанные за последние пять лет. В них видится стремление зрелого, умудренного опытом человека осмыслить пережитое, отыскать корни своей судьбы в глубине веков.

Книга открывается разделом «Возвращение» — своеобразным путешествием в прошлое. Эта ретроспектива тем более интересна, что сам поэт родом из древних, ставших знаменитыми в наше время мест в предгорьях Саян, где сейчас развернулись грандиозные стройки. Привлекает в стихах М. Кузькина забота о родной природе, сохранение которой становится все большей проблемой. Строки поэта органично вливаются в голоса людей, озабоченных нынешним состоянием зеленого мира. Книгу «Озарение» составили также стихи о гражданской и Великой Отечественной войнах, о любви и дружбе, о женской доле... Трудные будни народа красной нитью проходят через произведения М. Кузькина. Он рисует выразительные характеры наших современников — пастухов, звероловов, старателей, проходчиков.

Он, мой читатель, не читал меня.

Причалив плот пониже деревушки, у тихо шелестящего огня

в котле мешают постные галушки.

Изрядно руки за день отмотал.

Какие тут стихи? Стихов он, кроме

чапушек в стенгазете, не читал.

Он ест. И скупое думает о доме.

Найти путь к сердцу такого человека — счастье для художника.

Михаилу Кузькину помогли в этом годы работы лесорубом, плотогоном, табунщиком, годы офицерской службы. Они не прошли бесследно, они сформировали мировоззрение поэта, определили направление его творчества.

Книга завершается разделом «Осиновый терем», стихами о калужском крае, где в последнее время живет автор, крае, которому отдал он свое сердце: «Спасибо вам, калужские леса, облитые славянской печалью, за то, что вы вошли в мои глаза зеленою струящею далью».

Николай НИКИШИН

адреса
великих
свершений

«В СССР построено развитое социалистическое общество... Это — общество, в котором созданы могущественные производительные силы...»

Из проекта новой Конституции СССР.

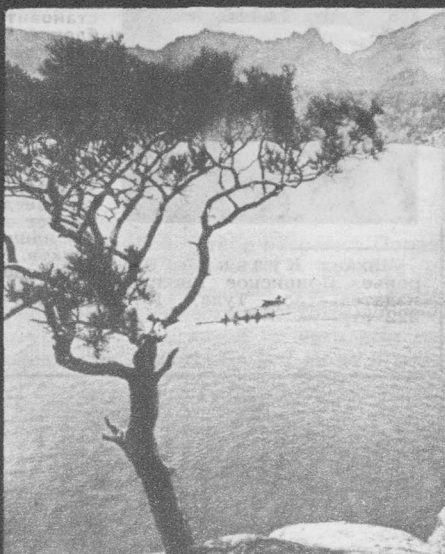
БОГАТЫ

Ю. ЛУШИН
Фото автора

кибастуз, — объявил шофер, и я увидел впереди темную стену породы, перегородившую горизонт. Машина не останавливалась, и я подумал, что мы так и влетим в эту стену на полном ходу, но нет, в какой-то момент вновь открылся горизонт, вновь широко распахнулась от края и до края казахская степь. Асфальт впереди заблестел лужами, которые при нашем приближении... бесследно исчезали. Мираж... Караторгай — черный степной жаворонок пел

Озеро Жасыбай. Тут отдыхают угольщики.

Директор
разреза
«Богатырь»
В. В. Каландаришвили.

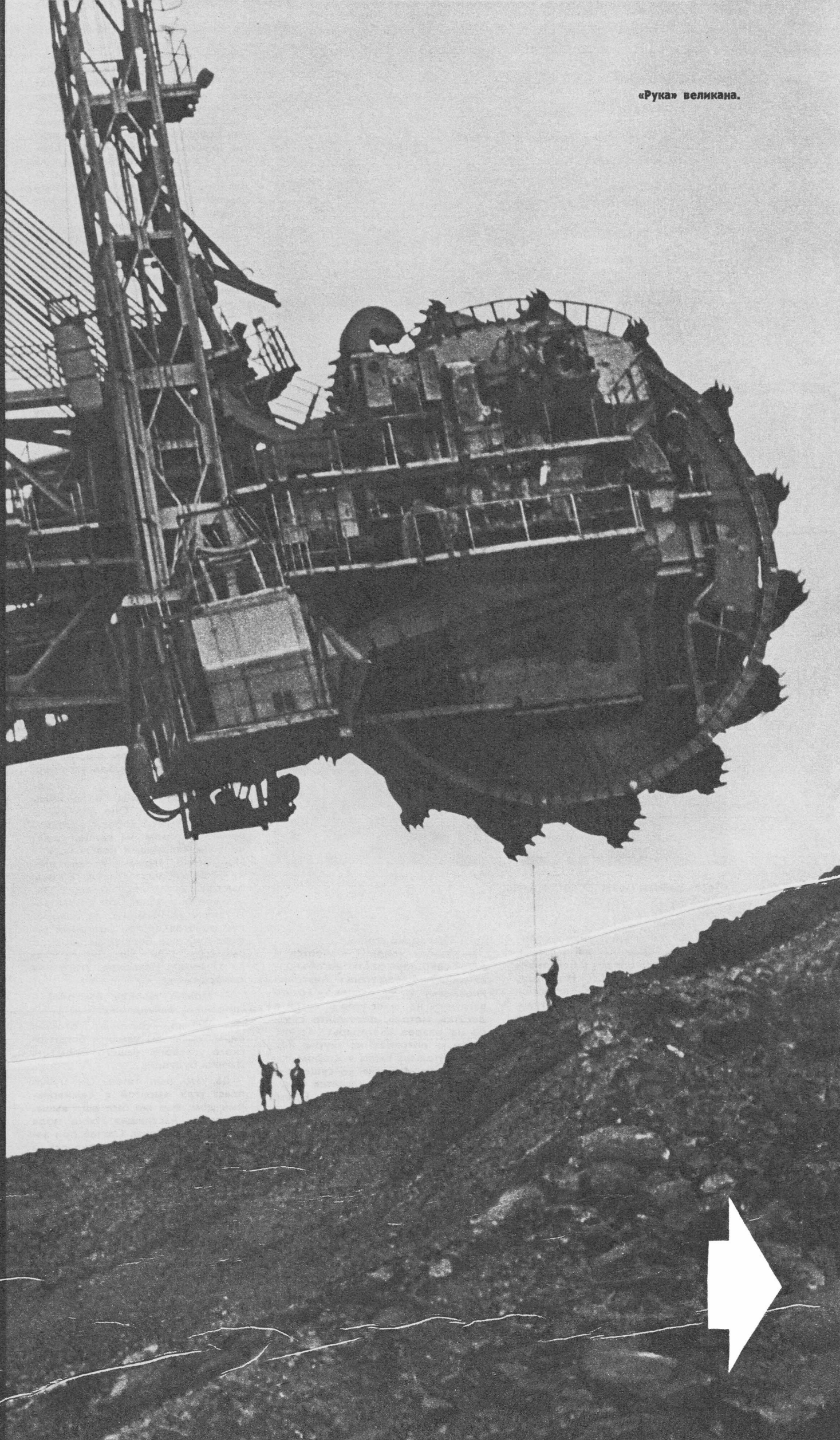

РЬ

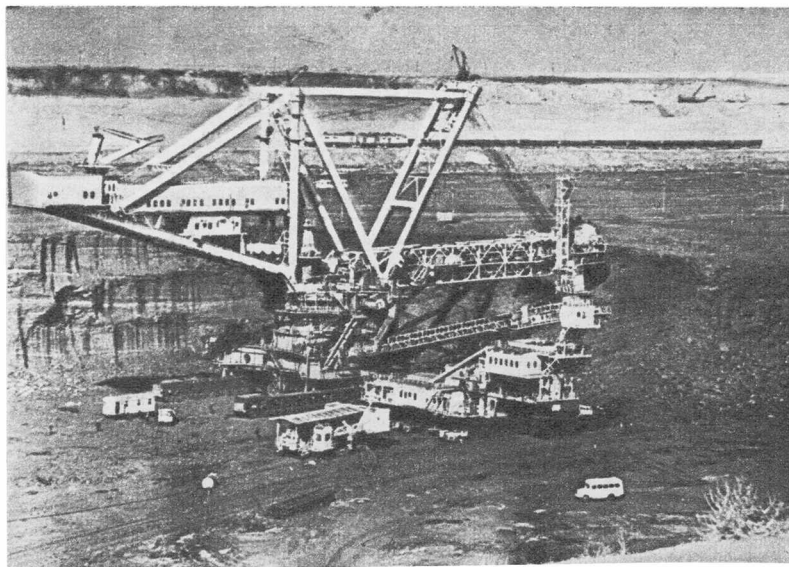

Маркшейдер Нелли Мозер — лощман угольного моря.

«Рука» великана.

Крупнейший роторный угледобывающий комплекс ЭРШРД-1.

После работы можно и потанцевать.

свою бесконечную песню, и солнце жгло из бесконечной вышины, и бесшабашно шагали в бесконечность степи опоры ЛЭП. И шофер, показав на эти опоры, снова обронил все то же слово: «Экибастуз!» Так же он говорил при виде длинного состава с углем, или дымящих вдалеке труб Ермаковской ГРЭС, или канала с иртышской водой, или контуров какой-то стройки. Все — Экибастуз. И когда я, приметив в мареве белокаменные глыбы домов, спросил в шутку: «Экибастуз?» — он ответил серьезно: «Да, это город Экибастуз. Приехали!»

...Я брожу по улицам города и упорно смотрю в землю. Еще в Павлодаре мне много говорили о том, что здешняя земля не земля, а сплошной уголь, что начнет тут человек погреб копать, а выкопает небольшую шахту. Вот и хожу, а угля пока не вижу. Вижу потрескавшуюся глину, вижу упорство людей, заставивших на этой глине расти аллеи деревьев, вижу асфальт улиц и многоэтажные современные дома.

— Но где же уголь?

— Завтра увидите, — смеется в ответ секретарь парткома объединения «Экибастузуголь» Анатолий Яковлевич Кудрявцев. — Хотите взглянуть на пласт угля высотой в десятки метров, поезжайте с утра на разрез «Богатырь». Кстати, слухи о погребках не шутка. Так действительно было в старом городе, которого уже не существует, снесли. Что же касается будущего, то оно грандиозно. Будет создан Экибастузский топливно-энергетический комплекс. Ведь что такое наш уголь, запасы которого поистине колоссальны? Это потенциальная энергия. Причем наиболее экономично использовать его тут же, на месте добычи, а не везти за тридевять земель. Поэтому здесь будут построены пять тепловых электростанций мощностью по четыре миллиона киловатт каждая.

— Это же примерно пять Братских ГЭС! — невольно воскликнул я.

— Совершенно верно. Одна из станций уже строится и должна в

конце пятилетки дать первый ток. Эти ГРЭС помогут эффективно решить проблему энергетики в бурно растущих промышленных областях Казахстана. А половина энергии пойдет в центр страны, в район Тамбова, где волеется в Единую энергетическую систему СССР. Электрическая река потечет под напряжением в полтора миллиона вольт. Таких ЛЭП в мире еще не строилось...

— Трудно вам придется.

— Трудно, — согласился Кудрявцев. — Мы должны будем добывать сто пятьдесят — сто семьдесят миллионов тонн угля в год вместо пятидесяти теперешних.

— Сумеете?

— А вы поезжайте-ка на «Богатырь», — снова предложил он, — там поймете. Это разрез будущего...

Мы въезжали в рукотворное ущелье, вырубленное в пласте угля, и на пороге его нас встречал плакат: «Помни! Каждую минуту разрез «Богатырь» выдает нагора 60 т угля и 50 м³ вскрыши. Береги рабочую минуту!»

Я прочитал написанное и подумал, что этому плакату, пожалуй, жить недолго, потому что разрез постоянно наращивает мощность. Ровесник девятой пятилетки, он в первый год своего существования выдал пять миллионов тонн угля. Нынче здесь добудут уже 30 миллионов, а к концу 10-й пятилетки — 50 миллионов тонн в год. И это, как объяснил директор разреза Вячеслав Валерьевич Каландаришвили, не предел. Вот уж поистине богатырь.

Мы ехали по углю, и тонкая угольная пыль висела в воздухе. Черные отвесные стены разреза, изборожденные глубокими морщинами, обнажили пласты древней жизни. В какой век я попал? Что здесь тогда было? Море? Буйные леса? Царство животных? Почему именно в этом месте безбрежной степи природа устроила свою кладовую?

У черной стены ворочалось стальное чудовище. Оно приближалось к пласту свой хобот с вращающимся ротором на конце, оснащенным стальными ковшом, и с виду легко, играючи резало стену — только шорох шел. Вагоны быстро заполнялись углем. Я засек время и узнал, что состав загрузился за 16 минут. За поворотом работал другой роторный экскаватор, еще больше первого по размерам. Он загрузил состав за 12 минут. Наверное, это у них рекордсмен.

— Можно ли еще быстрее? — спросил я Каландаришвили.

— Можно, — спокойно ответил он. — Сейчас вы увидите богатырского углекопа нашего времени. За ним будущее.

Да, это был титан. Он рубил пласт угля высотой с семизэтажный дом, сам же был еще выше. Мощная, настоящая река угля хлестала в вагоны. Состав при загрузке даже не останавливался, а продолжал медленно двигаться, на ходу заполняясь углем. Я стоял молча, забыв про часы. Я казал себе таким маленьким рядом с великаном. Кажется, в тот момент мне и не пришла бы в голову мысль, что великана создали люди. Словно бы он шагнул сюда из какого-то иного, неведомо-фантастического мира.

— Десять минут, — недовольно сказал Каландаришвили, возвращая меня в реальность. — Десять

минут грузили, а можно и быстрее.

Я посмотрел на него с удивлением. Он не шутил.

— Откуда взялся этот гигант? — спросил я.

— Из Новокраматорска. Там его сделали и, между прочим, специально для нашего разреза. Это роторный угледобывающий комплекс ЭРШРД-1 производительностью пять тысяч тонн угля в час. Но при испытаниях он уже давал восемь тысяч.

— Почему именно для вас проектировали такую машину?

— По многим причинам. На «Богатыре» чрезвычайно благоприятные горно-геологические условия. Во-первых, пологое падение пластов. Во-вторых, сами пласты необычайно мощные — до восьмидесяти метров. В-третьих, уголь сухой, воду отвели с помощью дренажных шахт. В таких условиях, конечно, есть где и богатырским машинам развернуться. К тому же наш разрез — это своеобразная научно-исследовательская лаборатория. С нами сотрудничают более десятка различных институтов, у нас создается автоматическая система управления. Нам присылают на испытание новую технику. В Экибастузе, например, испытывался первый роторный экскаватор отечественного производства — совсем крохотный был. А теперь, смотрите, — вот какой! Кстати, сейчас начинаем монтировать второй роторный комплекс, а также две машины поменьше, донецкого завода...

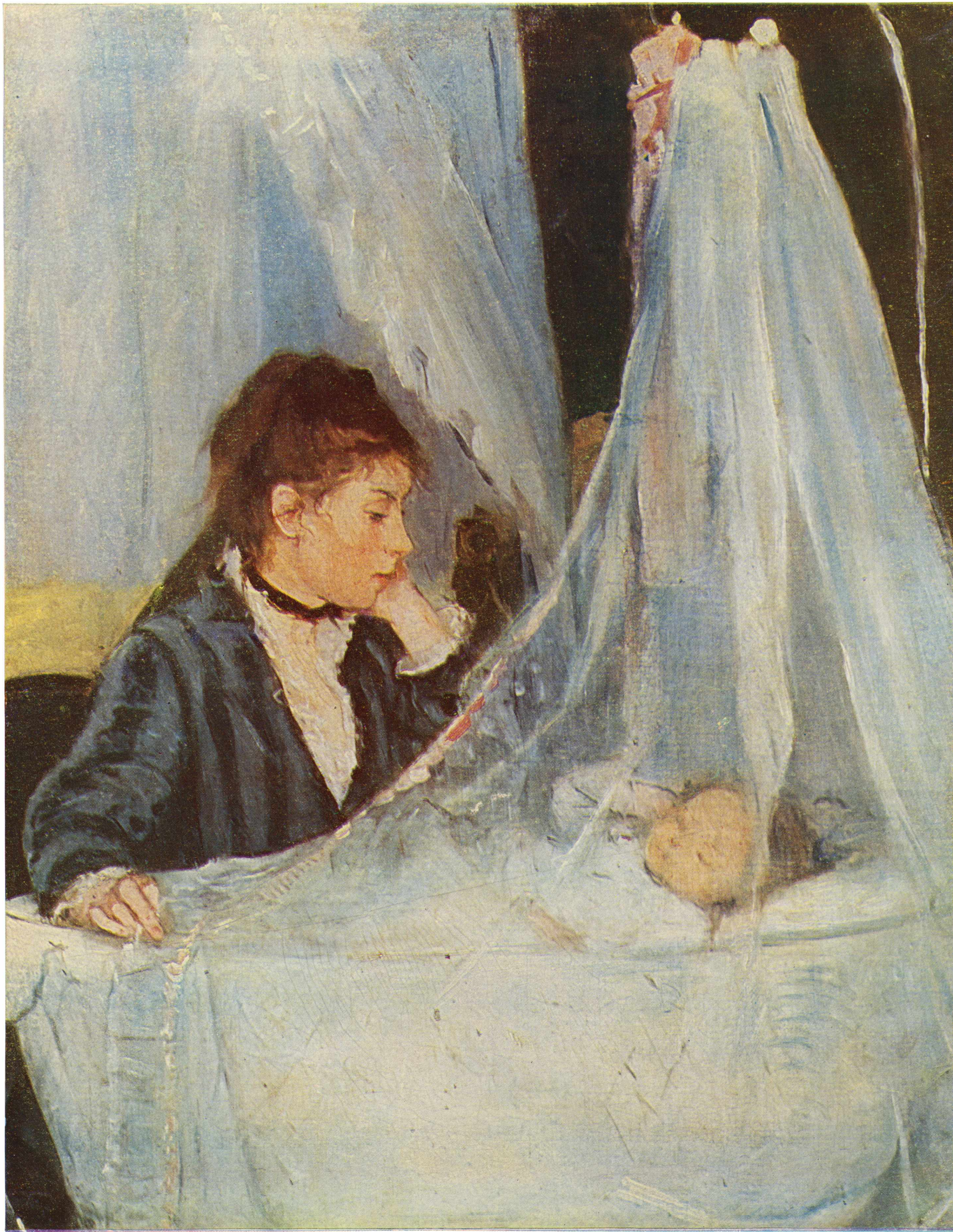
«Богатырь» — самый мощный угольный разрез в нашей стране. С учетом его опыта будут создаваться и другие гигантские угольные разрезы. Рядом с нами возникнут в ближайшее время два разреза с годовой производительностью по тридцать миллионов угля в год. На соседнем, Майкубенском месторождении, — еще один такой же.

— Вы уже добрались до доньшка?

— Ну, что вы! Пока проектная глубина разреза рассчитана на двести метров. Но уголь лежит и глубже. Его копать и копать многие десятки лет. А это у нас умение. Возьмите, например, бригаду Анатолия Ивановича Витта, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета Казахской ССР, или бригаду Сергея Ивановича Зубко, или Владимира Яковлевича Игнатенко. Это ведь тоже богатыри, горы сворачивают в буквальном смысле...

...Я возвращался по той же дороге, что и разрезала степь надвое. Теперь я знал, что большая стена, закрывшая горизонт, — это отвалы пустой породы угольных разрезов. Я видел контуры стройки и знал, что там возникает первая Экибастузская ГРЭС. Я видел состав с углем и знал теперь, что он нагружен за считанные минуты. Я смотрел на опоры ЛЭП, шавшие по степи, и знал, что в их проводах течет энергия, рожденная этим углем. И при виде всего этого я вслед за водителем восклицал — Экибастуз! А шофер молча смотрел на дорогу и тихо улыбался. Все так же заливался над степью караторгай. Слушаешь его и думаешь о том, что вот ведь и космос мы покоряем, и атом оседлали, и к термоядерной реакции подбираемся, и плазмотроны создали, а без старого, доброго, надежного уголька все же не обойтись. И хорошо, что его у нас много!

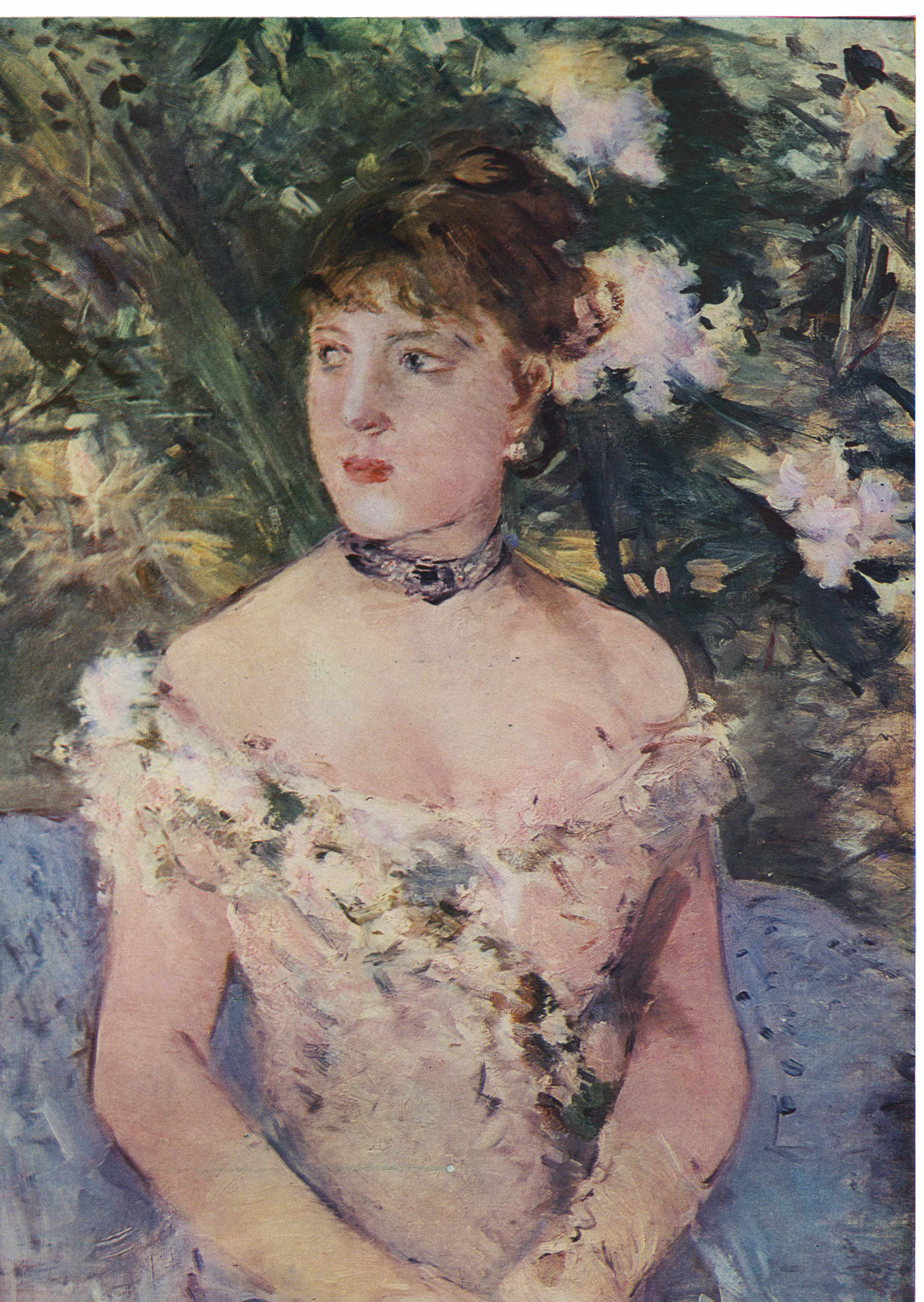

Берта Моризо. 1841—1895. КОЛЫБЕЛЬ. 1873.

Лувр. Париж.

Берта Моризо. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА В БАЛЬНОМ ПЛАТЬЕ. Ок. 1879—1880.

Лувр. Париж.

АВТОР «ЗАПИСОК ШЛИССЕЛЬБУРЖЦА»

Как-то наш внук Алеша рассматривал старые фотографии. — Кто этот человек в очках и с бородкой? — спросил он.

— Большой друг твоей бабушки, Михаил Васильевич Новорусский.

У этой фотографии интересная история. Михаил Васильевич Новорусский был сыном бедного церковного причетника, родился и жил в селе Новая Русса, Новгородской губернии. За особое усердие и способности он был принят в Петербургскую высшую духовную академию, которую окончил весной 1886 г.

Однако он не сделался священником, а стал революционером-народником. Новорусский подружился с Александром Ильичем Ульяновым, старшим братом Владимира Ильича Ленина. Они состояли в одной группе террористов-народников.

Как-то Михаил Васильевич зашел к прапрадедушке нашего внука, Алексею Федоровичу Тихонравову, но тот сказал, что не может с ним долго сидеть, что у него часа два тому назад родилась дочь. Новорусский посоветовал назвать ее Анастасией, что значит «воскресшая», так как дело происходило в воскресенье, и сказал, что хотел бы быть ее крестным отцом.

Вскоре, в марте 1887 года, он был арестован вместе с Александром Ульяновым. Александра Ульянова казнили, а Новорусский был пожизненно заключен в Шлиссельбургскую крепость. Его освободила только революция 1905 года.

1 февраля 1906 года Новорусский пришел к Алексею Федоровичу. «А ты, дорогой узник, с каторги — на бал! — сказал ему тот, когда они обнялись. — Сегодня я выдаю замуж ту самую девочку, которая родилась перед твоим арестом. Помнишь?» «Конечно, помню, хотя прошло почти девятнадцать лет.

А кто жених?» «Анастасия выходит замуж за студента-путейца — Евгения Васильевича Крамского». «Крамской? А не родня ли он известному художнику?» «Двоюродный его племянник...» «Подожди, Алексей, разреши, я подарю новобрачным хотя бы свою фотографию, другого подарка у меня нет».

И он написал на обороте: «Вступающим в жизнь новобрачным дарю этот живой об-

разчик постоянства и верности».

После Октябрьской революции Михаил Васильевич написал «Записки шлиссельбургца» — о жизни заключенных, их занятиях, душевных переживаниях, о самой страшной царской тюрьме. Книга вышла первым изданием в 1920 году и вторым, под редакцией Н. А. Морозова, в 1933 году.

Работал он директором сельскохозяйственного музея в Ленинграде. Умер в сентябре 1925 года.

В. Н. ПОДДУБНЫЙ,

лауреат Государственной премии СССР

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ БЕСШУМНОГО РЕВОЛЬВЕРА

Первые сведения, рассказывающие об изобретателе бесшумного револьвера, народо-вольце Сергее Александровиче Корсаке, найдены недавно в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

В альбоме в кожаном переплете, куда по желанию царя Александра III заносились имена арестованных, сосланных и казненных политических «преступников», против фамилии С. А. Корсак значится: «Член одесского преступного кружка, обнаруженного в 1887 году. Занимался изобретением снаряда, стреляющего без шума и огня».

Эти строки стали отправной точкой поиска, который привел в Ленинградский Центральный государственный исторический архив СССР. Объемистое следственное дело об одесском революционном кружке проливает свет на историю одного из интереснейших изобретений, родившихся в борьбе с самодержавием.

Во время обысков и арестов в Одессе осенью 1887 года у В. Ф. Галкина — тогда народо-вольца, а впоследствии члена партии большевиков, участника II съезда РСДРП, известного под псевдонимом В. Ф. Горин, — был обнаружен адрес С. А. Корсака, чертежника из города Николаева. Результаты обыска на квартире молодого чертежника превзошли, думается, границы

полицейской фантазии: здесь, как сказано в первом донесении одесских жандармов в Петербург, был найден чертеж револьвера, «выбрасывающего без всякого шума свинцовые пули, наполненные ядом».

Изобретатель стремился, чтобы револьвер легко можно было носить при себе, причем он должен был поражать цель на расстоянии 30—40 шагов «без света, звука и дыма». На чертеже рукой Корсака была сделана надпись по-латыни, поясняющая, что револьвер предназначен «всем тиранам». Одесские революционеры, поручившие С. А. Корсаку изготовление необычного оружия, предполагали организовать покушение на Александра III во время его ожидавшегося прибытия в Николаев осенью 1887 года. Однако еще в 1886 году в кружок проник провокатор, который и выдал полиции большинство его членов.

Что же привело сына известного в середине прошлого века литературного сотрудника газеты «Петербургские ведомости» к участию в революционном движении, какова его дальнейшая судьба? С. А. Корсак родился в 1864 году; рано потеряв отца, он смог закончить лишь 5 классов симферопольской гимназии, в 17 лет начал трудовую жизнь. Был рабочим в Севастопольском адмиралтействе, где, по словам Корсака на следствии, «лично имел возможность убедиться в неприглядном положении рабочего класса».

Умер С. А. Корсак в 1895 году. Здоровье его было подорвано тюрьмой и ссылкой.

И. АЛЪТМАН,

студент Историко-архивного института.

НА ЛОДКАХ В МОСКВУ

Этому снимку 42 года. На нем — участники лодочного похода Уфа — Москва, башкирские комсомольцы, друзья моей юности.

Страна жила подвигом челюскинцев, газеты сообщали о героических делах строителей Магнитки и Днепрогэса.

Мы, молодые ребята-допризывники, только что отлично закончившие военную подготовку, тоже решили испытать свои силы. Так возникла идея лодочного похода Уфа — Москва. Команда лучших допризывников из шести человек должна стартовать из Уфы 30 мая и прибыть в Москву 1 августа с рапортом наркомму обороны СССР тов. К. Е. Ворошилову о готовности Башкирской республики к очередному призыву в ряды РККА. Таким образом, нам давалось 60 дней на прохождение 2542 километров.

Начались тренировки под руководством лучшего инструктора спортивного общества «Динамо» Петра Сташина. Из восемнадцати энтузиастов к концу занятий осталось только шесть, то есть столько, сколько нужно было для похода.

Наступил торжественный день. В присутствии тысяч людей мы взяли старт на водной станции «Динамо». Все было очень торжественно: и митинг, и добрые пожелания; победно гремел духовой оркестр...

За время похода много трудностей пришлось пережить: штормы, сильные ливни, бессонные ночи.

Вниз по течению — по Белой и Каме — мы плыли круглые сутки, останавливаясь только поесть. Ночью обычно четверо спали прямо на лодке, а двое несли вахту — один за веслами, другой на корме.

Когда плыли против течения, после заката солнца приходилось останавливаться на ночлег. Утром лагерь снова оживал. Работали дружно, с рвением. С вечера планировали пройти против течения 40 километров, а проходили 45 и более. На короткий отдых останавливались в Казани, Чебоксарах, Горьком, в Рязани.

В пути мы узнали, что 18 июля в Москве открывается Всесоюзная спартакиада и решили финишировать раньше, чтобы приурочить наш поход к этой дате. Дело было в Коломне, и мы послали запрос в Уфу. Разрешение пришло только 15 июля, а до Москвы осталось 180 километров. Времени было в обрез. Поэтому по Москве-реке мы плыли круглосуточно, притом под проливным дождем. Последний шлюз перед Москвой прошли в час ночи 18 июля. Когда рассвело, умылись, переоделись в парадные костюмы. В 5 часов

Слева направо: Анвер Бикчентаев, Резяп Хайруллин, Алексей Старцев, Ханиф Мустафин, Анатолий Кожаров, Мухаммед Сафиуллин.

вечера финишировали у водной станции «Динамо» — напротив Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького.

Из общего километража прошли на веслах 1811 километров, под парусами — 338 километров, при помощи бечевы — 393 километра. Бечевой шли на перекатах Волги и Оки, при сильных встречных ветрах.

За каждым нашим шагом следила родная республика. Наверное, ответственность перед ней помогла одолеть все трудности, возникавшие в пути.

В дальнейшем судьба нашей шестерки сложилась так: все без исключения отслужили срочную службу в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота, затем все участвовали в защите Родины в годы Великой Отечественной войны. Мухаммед Сафиуллин, Алексей Старцев и Анатолий Кожаров пали на поле битвы. Анвер Бикчентаев — ныне известный писатель, Ханиф Мустафин — доктор технических наук, профессор, живет в Краснодаре. Автор этих строк — журналист, сейчас персональный пенсионер.

Резяп ХАЙРУЛЛИН, командир проплыва.

Уфа.

ПОРА ПЛОДО

С особенной теплотой встретили кировчане своего знатного земляка **Б. П. Чиркова**, уроженца города Нолинска. Он приехал повидать родные места, встретился с учащимися школы, которую сам окончил полвека назад.

Фото М. Савина

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР,
Герой
Социалистического Труда,
председатель
Центрального Совета ВТО
по работе театров на селе

— Борис Петрович, как вы оцениваете итоги конференции по проблеме работы театров Нечерноземья на селе, проведенной недавно в Кирове Всероссийским театральным обществом совместно с Министерством культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры?

— Несмотря на то, что на конференцию не смогли прибыть —

по самым разным, но серьезным причинам — некоторые приглашенные на нее работники искусства и культуры, она — да вы и сами это видели — была и достаточно представительной, многолюдной, и чрезвычайно серьезной по своему содержанию. Если совсем коротко охарактеризовать

обширные доклады, весомые и разносторонние, которые сделали секретарь Кировского обкома КПСС Ю. Г. Карачаров, первый заместитель министра культуры РСФСР Е. В. Зайцев, секретарь ЦК профсоюза работников культуры Л. Я. Алексеева, а также многие выступления участников конференции, то их главный и основной смысл сводится к высокой государственной и партийной заботе о дальнейшем развитии культурной жизни городов и сел Нечерноземья. Для решения этой важнейшей задачи во всем ее огромном значении сделано на сегодня очень много, но останавливаться не позволит нам сама действительность дня, ее динамизм, вызванный событиями всенародной важности и особенно обсуждением проекта Конституции, затронувшим все слои общества.

— Можно ли считать, что жители села сегодня становятся такими же полноправными зрителями, как и горожане?

— Каждый театр имеет свои итоги, свои собственные, особые результаты. И тут ни в коем случае не может быть никакой нивелировки, даже в подсчете сыгранных на селе спектаклей, не говоря уж об их качестве! Ведь конференция, подводя итоги проделанной театрами работы — действительно колоссальной по своим масштабам, — все равно потребовала не считать задачу решенной. Жители сел и деревень Нечерноземья должны повседневно чувствовать все увеличивающееся внимание к ним со стороны деятелей искусства и работников

гастроли

ГЛАВНАЯ ТЕМА— СОВРЕМЕННОСТЬ

Сцена из спектакля «Калиновая роща». Фото И. Галанюка

— Главная наша тема — современность. Независимо от того, что мы ставим, — классические произведения или пьесы современного автора, нас интересуют прежде всего мысли, дающие удовлетворение духовным запросам зрителей, отвечающие высоким требованиям времени, дыханию жизни, — сказал главный режиссер гастролировавшего в Москве Одесского государственного украинского музыкально-драматического театра имени Октябрьской революции, заслуженный деятель искусств УССР Б. В. Мешкис.

Годы создания этого театра — одного из старейших театральных коллективов Украины, по существу, были временем формирования основных принципов социалистического искусства. В гастрольном репертуаре театра произведения, повествующие о событиях исторической значимости, о главных этапах жизни нашей страны... «Кто виноват?» («Бесталанная») И. Тобиловича, «97» Н. Кулиша, «Верность» Н. Зарудного, «Калиновая роща» А. Корнейчука, «Родной дом» И. Шамякина — все эти пьесы, столь непохожие друг на друга, получив сценическое воплощение в театре, оказались объединенными мыслью о судьбе народа.

Задорная, яркая «Калиновая роща» А. Корнейчука сыграна театром в достаточной мере традиционно. Постановщик не стремится к сценическим изыскам, справедливо считая, что драматургия Корнейчука значительна сама по себе.

Один из популярнейших в 20-е годы украинских драматургов, Н. Кулиш, был потом не то чтобы забыт, но его пьесы словно обходили стороной: драматургия Кулиша сложна для постановки. Поэтому, когда театр решил обратиться к

драме «97», высказывались опасения, что сегодняшнему зрителю не поймет мысли и чаяния героев этой пьесы. В ее основу положены достоверные исторические события, происходившие на Винничине в 20-х годах, когда по инициативе Григория Котовского была создана «Бессарабская коммуна». Членами коммуны стали ветераны гражданской войны. Все эти события воплощены в глубочайшем социальном конфликте, разрешающемся благодаря активному участию народных масс... Постановщик спектакля Б. В. Мешкис увидел в пьесе возможность рассказать сегодняшнему зрителю о непреходящих человеческих ценностях — мужестве, стойкости, преданности идее коммунизма.

Символом спектакля стало сверкающее знамя, бьющееся в глубине сцены. Кажется, что это и не знамя вовсе, а совесть человеческая, трепещущая и непокоренная... Интересна и сценография художника М. Иваницкого, музыкальное оформление Ю. Знатокова. Запоминаются герои пьесы, сыгранные народным артистом УССР Ю. Боженом (Копыстка Мусий), заслуженной артисткой УССР С. Шиманской (Параска). Эпизодическая роль деда Юхима в исполнении народного артиста УССР И. Твердохлиба становится одной из центральных.

Пьеса Н. Зарудного «Верность» имеет символический зачин. Кузнец Рай со своими сыновьями начинают трудовой день. Символика ясна: люди сами куют свое счастье. О человеческой верности долгу, революции да и самому себе повествует эта работа коллектива.

Л. СЕМЕНОВА

Н О Ш Е Н И Я

интервью
«огонька»

культуры. И тут поистине нет и не может быть «конца»: это явление развивающееся, нарастающее, с каждым днем обретающее новые силы...

— Однако в вашем докладе, Борис Петрович, были очень интересные, глубоко впечатляющие цифры. Мы не будем их здесь приводить, но важно заметить, что выезды театров на село уже повсеместно стали как бы самой обычной практикой работы, если можно так выразиться, — повседневно-стью.

— Да, пожалуй, достигнуто самое главное: практикой стала именно не исключительность и не эпизодичность выездов театра на село, не случайные встречи с сельским зрителем, а систематическая, живая, вполне планомерная работа. Теперь она предусмотрена всем процессом сценического творчества. Но, конечно же, нельзя закрывать глаза и на то, что сама эта планомерность есть так или иначе дело **необычайное**. Оно возможно только в нашей стране и только в эпоху зрелого социализма... В. И. Ленин мечтал когда-то, что искусство, принадлежащее народу, разбудит в народной душе высочайшее чувство художника, творца. Именно сегодня, сейчас, оно пришло, это замечательное время! Я бы назвал его прекрасной для искусства, как и для народа, порою плодоношения.

Укоренились, выросли глубоко в жизнь трудовых людей, словно в самую почву, самую землю, такие связи с подлинным творчеством, такая мобилизация творчества и любовь к творчеству, которые прежде были доступны

только для самой малой горстки передовых людей России, а вся ее народная толща была полностью оторвана от искусства и культуры безграмотностью и нищетой... Мне странно слышать, скажу откровенно, когда некоторые зрители начинают изумляться: откуда это, мол, вдруг взялся такой неожиданный расцвет всех театров, такое оживление их деятельности, такой всеобщий интерес народа к театру... По-моему, ничего неожиданного, внезапного тут нет.

Внимание партии, постоянная забота о репертуаре театров, об исполнительском искусстве — все это вместе вызвало такой расцвет, и дало такие великолепные плоды... И не только к театральной деятельности это относится; все искусство в целом переживает сейчас небывалый подъем. И он тоже вполне закономерен, ибо предусмотрен и запланирован всеми пятилетками, всем шестидесятилетним сроком существования Советского государства, всей неустанной работой партии и народа в области культуры, что и отражено в проекте новой Конституции СССР.

— Видимо, теперь и шефской работе театров на селе примкнут и многие другие творческие союзы?

— Собственно, эта «смычка» всех без исключения творческих работников, базирующаяся на их общей заботе о росте и развитии культуры села, возникла уже давно. Теперь она осуществляется повсеместно, хотя и с разной степенью интенсивности. Однако постановление ЦК КПСС и Совета

Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» опять-таки требует сейчас от всех нас дальнейшего и всемерного расширения работы в области культуры и искусства.

Тут связь и взаимозависимость всех без исключения творческих союзов просматриваются очень отчетливо. И во многих областях Нечерноземной зоны они осуществляются практически наглядно. В неделях и декадах искусства, творческих фестивалей принимают участие не только артисты театров, но и композиторы, музыканты, писатели, художники, да, пожалуй, не найдешь теперь в городе человека, имеющего отношение к творчеству, который откасался бы от высокой чести — встретиться с хлеборобами, теми людьми, которые не только поят и кормят страну, но помогают нам быть тем, кем мы стали и кто мы есть...

Особенно большую работу проводят театры, организующие свои филиалы на селе, где по строго календарному плану показывают лучшие спектакли. Они также проводят творческие отчеты артистов, лекции о театральном искусстве, зрительские конференции, оказывают помощь сельской самодеятельности.

— В Кирове мы были свидетелями многих ваших сердечных встреч с земляками... Насколько вы считаете эти встречи перспективными для собственной дальнейшей работы в театре и кино?

— А я в душе никогда и не расставался, — ни на один день — со своими вятчанами! Никогда я не

забываю своего родного города Нолынка, где родился и вырос, откуда юношей ушел в большую жизнь. Это именно Нолынка, его трудовые люди, весь его жизненный уклад сделали меня артистом... Мой низкий земной поклон им за это!.. Вне чувства Родины, вне связи с родным народом я, наверное, не мог бы не только создать ни одного сценического образа, но даже и вести вот эту организационную, но тоже не очень-то легкую и в общем-то полную того же творческого содержания работу ВТО.

— Многие из выступавших на конференции деятелей театрального искусства говорили о том, что Центральный совет ВТО, ведающий деятельностью театров на селе, проводит сейчас особенно большую работу. Что вы считаете главным в ней?

— Наша задача — сделать работу театров на селе еще более качественной художественно и четкой организационно. Театры и все отделения Всесоюзного театрального общества — а их у нас 72 — накопили большой положительный опыт. Целью нашей конференции и было его распространение. К тому же в это время в Кировской области состоялся еще и сельский театральный фестиваль, было много радостных встреч с тружениками села.

— Ваш личный пример, Борис Петрович, надо думать, окажется заразительным... Такие добрые, человеческие встречи полны особенно высокого значения. Спасибо вам и за нашу беседу. Позвольте пожелать вам здоровья и новых успехов.

Беседу вели И. КРЯКОВА,
Н. ТОЛЧЕНОВА

О ТУЛЬСКИХ МАСТЕРАХ

С. ЛАЗУРКИН

В Москву на гастроли приезжал Тульский драматический театр; ему исполняется 200 лет. Назову только немногие спектакли из тех, что увидели москвичи: «Характеры», «Тульский секрет», «Отелло», «Прежде, чем пропоет петух»... Все это я смотрел в Туле.

Нельзя не обратить внимание на то, как напряженно, заинтересованно принимает зрительный зал все происходящее на сцене. На спектакле по мотивам сказа «Левша» Н. Лескова я решил подойти в антракте к кому-либо из зрителей и узнать, видели ли они другие работы театра.

Вот что рассказали зрители. Александр Большов, рабочий завода «Прибой»:

— Я не коренной туляк, раньше жил в Риге. Но здесь я уже не первый год работаю на заводе. Театр очень люблю и часто смотрю спектакли, особенно «Тульский секрет». Конечно, мне и другие постановки нравятся, но тут в образе Левши много близкого для души рабочего человека. Хорошо ведь сказано:

Родятся в Туле чудо-мастера!
Работа им любая, что игра...

Наша эта пьеса — о золотых руках мастеров, о рабочем человеке.

Думаю, на нашем заводе тоже надо организовать свой драматический кружок. Когда-то с малого начинал самодеятельный коллектив в Старо-Басове, а теперь слывется по всей области!

О Старо-Басове, которое находится неподалеку от Тулы, я уже знал от Татьяны Александровны Демидовой, заслуженной артистки РСФСР. В деревне, где всего-то была одна улица, нынче построен Дом культуры, тут и играет народный театр, который завоевал большую и добрую славу. Объединяет коллектив более сорока самодеятельных артистов; руководят же ими мастера Тульского городского драматического театра.

А вот что рассказывает Надежда Бурцева, архитектор Тулы, прекрасная знающая жизнь города:

— С театром я встречаюсь очень часто. И не только в зрительном зале, а на производстве тоже, потому что многие артисты театра помогают жить и расти самодеятельным художественным коллективам города. Ну, вот, например, актер Олег Есауленко руководит театральным коллективом Дома культуры железнодорожников. Работает Олег охотно, с большой радостью, к нему приходят самые разные люди: рабочие, студенты, врачи из поликлиники. И особо

радует всех нас в театре, что в драматические кружки люди приходят не от безделья: они действительно преданы искусству, любят театр, часто ходят смотреть игру профессионалов да и на свои собственные репетиции и спектакли приводят друзей, знакомых...

Людмила Егорова, актриса Тульского ТЮЗа, говорит:

— Возможно, мое мнение сугубо профессионально. Но когда я сама бываю зрителем (а я, конечно, смотрю работы нашего драматического театра очень часто), то вижу и чувствую не только тех, кто находится на сцене, а еще и людей, которые сидят вместе со мной в зрительном зале... Все знают, что успех спектакля зависит во многом и от зрителя, а в Туле зрители понимают артиста. Это помогает, дает силы...

А. Белов и О. Корчиков в «Характерах».

Фото М. Строкова

Т

ри года назад в Ленинградской духовной академии появился студент из Голландии по фамилии Ван дер Форт. Внимание сокурсников он привлек тем, что на родине закончил университет по специальности, весьма далекой от церкви: химия. Удивляло и другое: будучи с детства католиком, проучившись пять лет в римско-католическом колледже, он принял православие.

В академии Теодор Форт учился прилежно, вел себя дисциплинированно, если не считать, что чаще, чем другие студенты, отлучался в город. В вину ему это не ставили: не единими молитвами жив студент духовной академии. Надо же и ему, иностранцу, незнакомый город поближе узнать и к жизни другого народа присмотреться. И вообще несколько отвлечься...

Форт избрал тему диссертации: церковные обряды — таинства. Это вызвало расположение наставников: сразу видно, что будущий священнослужитель серьезно готовится к спасению душ человеческих на грешной земле, с алтаря церкви будет нести им слово господне.

Вот в такой ипостаси и предстал в духовной академии Ван дер Форт. И вдруг как гром среди ясного неба: третьекурсник Форт подал прошение отчислить его из состава студентов и благословить на возвращение в Голландию. Что же заставило несостоявшегося кандидата богословия столь поспешно и загадочно покинуть Ленинград? История почти детективная. Мы расскажем о ней, основываясь на собственных признаниях Форта, записанных на магнитофонную пленку — своеобразное «священное писание» голландского богослова, занимавшегося мирскими, но далеко не благовидными делами.

АЛЕКС

Начало апреля — не лучшее время года для туристского вояжа в Стокгольм: деревья хотя и зеленеют, а тепла, столь желанного после ленинградской зимы, еще нет. Но Теодор Форт весной 1976 года для коротких пасхальных каникул избрал почему-то именно этот город. Позже станет известно, что поездка в Швецию была отнюдь не туристским вояжем. Его ждал там дело, не имевшее ничего общего с богословием. Разговор о «деле» состоялся в штаб-квартире «Славянской миссии», обосновавшейся на окраине Стокгольма, в тихом квартале частных особняков. Форт без труда разыскал дом № 37 по улице Вестерлед и представился там полному мужчине с одутловатым, мясистым лицом. На лице этом не дрогнул ни один мускул, когда Теодор назвал голландцем, но оно сразу оживилось при упоминании Ленинграда.

— Алекс Милитс, — с готовностью отозвался хозяин.

Через несколько минут они беседовали как давние друзья. Милитс интересовал круг знакомых Форта в Ленинграде, возможности общения с ними, настроения. Теодор перечислял, а собеседник, кивая головой, коротко бросал: «Кто еще? Еще!» Воспитанник духовной академии мучительно вспоминал близких ему людей, называл имена и профессии, давал беглые характеристики, а Алекс молча мотал головой: «Нет, не подходит». Наконец, он решил, что ему следует более точно обозначить круг интересующих его людей. И он это сделал, недвусмысленно дав понять, что его, Милитса, члена Народно-трудового союза и корреспондента журнала «Посев», абсолютно не интересуют все названные Фортом ленинградские

знакомые голландца, даже если он ведет с ними самые острые, принципиальные богословские диспуты. Ему, Милитсу, надо знать, есть ли у Форта на примете люди, хоть чем-то недовольные Советской властью, обиженные ею или считающие себя обиженными, наказанные ею за что угодно: пусть воровство, пусть антисоветская деятельность. Его, Алекса, интересует, есть ли среди служителей церкви такие. При этом Алекс питает особый интерес к молодежи.

Форт понял, какой «товар» нужен «купцу». И тут же он вспомнил, что бывал в квартире, где собираются молодые люди, считающие себя последователями философов Ясперса, Кьеркегора, Хайдеггера, Шпенглера, что состав этой группы пестрый, что споры там поднимают на самые разные темы: и религиозные, и философские, и сексуальные. В зависимости от того, кто задал тон спору, кто в каком настроении и состоянии явится в эту прокурную, запущенную квартиру. И еще Форт вспомнил, что туда иногда приезжает какой-то псковский священник, и тогда святой отец обрушивает на Советскую власть проклятия и пророчит кары, которых и в Апокалипсисе не найдешь.

Милитс сразу оживился.

— Вот это другой разговор, — одобрительно заметил он. — Таких людей мы готовы поддержать и помочь им. Постарайтесь завязать с ними дружбу, но не считайте, что на этом ваша мирская миссия завершена. Расширьте круг знакомых из числа тех, что недовольны...

Смиранный служитель господа бога, Ван дер Форт, выслушав все эти пожелания Алекса, дал понять, что ждет конкретизации абстрактного понятия «помочь». Чем? Но представитель НТС оказался человеком деловым, осторожным и прижимистым, кто в мешке он покупать не станет. Короче говоря, в этот визит Форт не получил от Алекса и гроша медного. Антисоветской литературы — бери сколько хочешь, и бесплатно. А деньги — только под солидную акцию, под конкретный план действий. Предложенной литературой Форт загрузился не стал, взял лишь каталоги изданий НТС да несколько религиозных брошюр.

О следующей встрече они договорились так: Форт приезжает в Стокгольм, после того как найдет в Ленинграде «доверенное лицо», человека, который готов и способен взяться за выполнение заданий НТС.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГЕНИИ

Вернувшись в Ленинград, Форт стал чаще бывать на собраниях той самой группы молодых людей, о которой рассказывал в Стокгольме. Но теперь Форт уже другими глазами смотрел на все происходящее здесь. Если раньше он прислушивался к спорам, то сейчас больше присматривался к тем, кто спорит. И к тому, что стоит за этой фрондой: оригинальничанье, или самоутверждение в своем кругу, или тщеславное желание блеснуть — вот каковы я! Или это просто закомплексованность, как выражалась одна философствующая дама, обогатившая лексику Форта словечком, которое он так и не нашел ни в одном русском словаре?

Хозяина и хозяйку квартиры, назовем их по этическим соображениям Т. Г. и В. К., вряд ли могли стать теми доверенными лицами, о которых шла речь в Стокгольме. Он закончил филфак, она — философский. У обоих — гипертрофированное, узвленное самолюбие: считают себя незаслуженно непризнанными поэтом и философом. Его стихи, ее философские заумные суждения основательно приправлены религией. Но это камуфляж — какие они верующие? Уж тут-то Форт дока, его на мякине не проведешь, красным словечком не купишь. Стихи К. он, честно говоря, совершенно не понимал. Каждое слово в отдельности вроде бы и понятно, а собранные в строчку и тем более в строфу — бред! Поначалу иностранец полагал, что ему не хватает знания русского языка. Но потом кто-то из сборщицы бунтарей заметил, что дело не в этом. «Стихи К. никто не понимает, — кажется, даже и сам автор». Форт был обескуражен: как же так, молодые люди одной компании, вроде бы друзья, и вдруг — огонь по своим: огонь открыл тот, что обычно без удержу хвалил стихи К.

— Нет, так не поступают порядочные люди, — заметил господин Форт.

И с ним согласились:

— Ругать своих, которых и так никто не печатает, — это нехорошо. Надо ругать других, тех, кого издадут.

Присмотрелся Форт еще к одному непризнанному гению — Г. Трифонову. Явно недовольный Советской властью, он не скрывает это. Стихи его, правда, совсем о другом. На Западе сказали бы о них по-ученому: гомосексуальное направление. Здесь же их окрестили эротическими. «Нет, этот тоже не подойдет, — решил Форт. — Предложу ему серьезное дело — проболтается при первой же очередной пьянке».

О, он был тут весьма проницателен, сын божий. Форту дано было вскоре убедиться — как хорошо, что он не стал искать с Трифоновым более близких контактов. Того осудили за вовлечение несовершеннолетнего З. в пьянство, кражу личного имущества, хулиганство и еще по одной статье Уголовного кодекса, имеющей прямое отношение к гомосексуальным стишкам.

И все же Форт не терял надежды встретить нужного человека, которому можно было бы довериться. И он нашел его.

...Е. Мурашов не писал стихов. Это сразу же пришлось по душе Форту: ах, уж эти служители поэтической музыки! И философией не интересовался. Его философские воззрения сводились к нехитрому закону деловых людей: деньги не пахнут. И он умел их делать. Высокий, крепко сбитый, лицо — будто с рекламы ковбойского фильма, кулачищи — боксерские перчатки шей на заказ, — он наводил страх на партнеров одним своим внешним видом.

Прошлое свое Мурашов не скрывал. Даже бравировал им. Несколько раз исключали из школы, с грехом пополам окончил девять классов. В двадцать лет — первая судимость: за угон автомашины. Отбывая наказание, сел на скамью подсудимых еще раз: расследование преступления показало, что тогда, угнав машину, он принял участие в ограблении и разбойном нападении. Потом Мурашова срочно освободили и направили на стройку. Столь гуманное решение он оценил по-своему — снова взялся за преступные дела и снова сел на скамью подсудимых.

В колонии Мурашов познакомился и близко сошелся с неким Макаренко, носившим ранее фамилию Хершковица и Голигорского, — это был прожженный дельца и проходимец, осужденный за какие-то махинации, подделку картин и продажу их под видом оригиналов. Однако его не устраивало реноме спекулянта, дельца, махинатора, и в кругу друзей, знакомых он еще в пору, когда находился под следствием, стал рваться в тогу «борца» за свободу личности, выдавая себя за человека, преследуемого советским законом «по политическим мотивам». Правда, свободу Макаренко понимал весьма своеобразно — как свободу быть свободным от обязанностей перед обществом, от ответственности за свои темные делишки.

По совету некоторых друзей из-за рубежа эти свои демагогические разглагольствования он изложил на бумаге, основательно приправив их клеветой на социалистический строй, советский образ жизни. И — так он рассчитывал — получил паблсити тех самых «радиоголосов» Запада, которые ждут не дождутся любого повода, чтобы подхватить и разнести по белу свету мутные волны «правды» о нарушениях прав человека, свободы личности в СССР и в других социалистических странах.

Судебный процесс над спекулянтом и авантюристом Макаренко был удостоен особого внимания радиостанций «Рим» и «Би-би-си», которые ничтоже сумняшеся возвели заурядное уголовное преступление в ранг внутренней оппозиции советской интеллигенции, а Макаренко представили жертвой социалистического строя, безвинно страдающей за свое творческое предпринимательство.

Макаренко очень гордился тем вниманием, что было оказано его творениям радиостанциями «Рим» и «Би-би-си». Встретившись в местах заключения с Мурашовым, он взял над ним отеческую опеку, внушая, что главное в жизни — уметь преподнести себя, утвердиться любой ценой, что миром правят биологические законы борьбы за существование. Макаренко стал духовным наставником «не-

ВТОРАЯ ИПОСТАСЬ

смышлениша» Мурашова и как специалист по части клеветы на социалистический строй, советский образ жизни, он поучал его, что этот товар тоже можно выгодно продать, связавшись с людьми, которые представляют Запад и готовы «нам» помочь.

А у покинувшего места заключения Мурашова иные заботы — ему бы ленинградскую прописку. Все остальное приложится.

Даже дальновидный делец Макаренко не ожидал от него такой прыти: едва закурчавилась голова после последней стрижки в колонии, как Мурашов нагрянул в Ленинград и женился на дочери... Макаренко. Вопрос с пропиской был решен.

О наставлениях своего «учителя» Мурашов не забыл. Только вот удобного случая не было. И вдруг такая неожиданная удача: Фоорт!

Знакомство людей, в общем-то искавших, хотя и не знавших друг друга, состоялось. Но лишь несколько месяцев спустя Фоорт решится на откровенный разговор с Мурашовым. Почва для посева сорняков, основательно подготовленная всей прошлой жизнью Мурашова, была еще и еще раз «обработана» осторожным и хитрым Фоортом во время встреч с его новым «ленинградским другом». Предложение сотрудничать ничуть не удивило Мурашова. Он уже догадывался, какие «духовные пастыри» были у Фоорта.

Теперь можно связываться с Алексом Милитсом. Повод для поездки тот же, что и в прошлый раз: пасхальные каникулы. Пришлось предать забвению веления церкви — не теми заботами должен жить истый христианин в дни воскресения Христа, но что подлаешь: прежде всего дело, а молитвы потом...

Алекс Милитс ждал Фоорта с нетерпением. Беседа состоялась там же, где и год назад, — в штаб-квартире «Славянской миссии». Милитс тут же стал названивать по телефону. Фоорт понял — звонит людям, живущим и за пределами Швеции. Алекс говорил несколько нервно, коротко, торопливо — явно экономил деньги на оплату телефонных переговоров, — с шведского переходил на немецкий и даже русский. И все об одном и том же: прибыл Фоорт!

УГОЛОВНИК С КИНОКАМЕРОЙ

Причины столь повышенного интереса к его персоне студенту духовной академии стали ясны позднее, когда Фоорту объяснили: сейчас, перед совещанием в Белграде, дорог каждый день, пропаганду о тоталитарном режиме в СССР, о несоблюдении там достигнутых в Хельсинки договоренностей нужно вести по нарастающей и по всем возможным каналам — пресса, телевидение, радио. И еще объяснили, что особенно ценен материал «оттуда», изложенный и прокомментированный людьми, о которых можно сказать, что они все это видели своими глазами, слышали своими ушами. Буквальный и ему подобные — это уже шлак пропаганды, заигранные пластинки. Требуется что-то новенькое и, конечно же, сенсационное, чтобы в дни работы Белградского совещания рвануло, как бомба. Радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» готовятся создать в Лондоне оперативный пресс-центр, который будет поставлять им материалы о «нарушении прав человека» в восточных странах. Но у НТС нет ничего, чтобы предложить телевидению. И вот сидит перед Алексом и его хозяевами человек «оттуда».

— Вы способны заполнить этот вакуум? — спрашивают у него.

Он утвердительно кивнул головой и стал рассказывать о знакомстве с Мурашовым, о своей идее использовать его в качестве автора и оператора фильма. Какого? О нарушении прав человека в СССР!

Замысел одобрили. Набросали сценарный план. В основе — преследование советскими законами верующих.

— Какие у вас соображения, Фоорт?

— Мурашов хорошо знает жизнь в исправительно-трудовых колониях. Можно развернуть такую тему: преступления в СССР — порождение бездуховности советского общества.

Фоорт тут же стал распространяться о религиозно-философских диспутах, охарактеризовал его участников.

— Подойдет?

— Мелковато, — поморщился Алекс. — Да и нетелевизионный это материал. Давайте лучше непризнанных художников. Все же творческая интеллигенция, можно как-то обобщить...

Вручая Фоорту кинокамеру, 2 магнитофона, 5 кассет, киноплёнку, Алекс недоверчиво спросил:

— А не пропьете их этот ваш Мурашов?

Фоорт вспомнил, сколько денег он уже потратил на «ленинградского друга» в ресторанах, но это уже расходы «фирмы»; вслух он решительно сказал:

— Не пропьет. Вы установили такой жесткий срок работы над фильмом, что ни одной свободной минуты не будет.

Через два дня Фоорт письменно известил Милитса: аппаратура вручена, к съемкам фильма приступили. Вскоре он получил от Алекса пакет с деньгами: три тысячи рублей. Это на съемку фильма. Алекс остался верен себе: деньги он прислал только после того, как получил сообщение о начале работы над фильмом.

Мурашов не подвел его — работал как автомат. Съездил в Москву, записал на пленку разговор с безымянным священником Дмитрием Дудко. Правда, ничего новенького тот не сказал — перепевы опубликованного в западной прессе, да и в советской о нем писали. Старик явно жаждал славы, но тут он, кажется, хватил лишнего, когда заявил, что в своих проповедях всегда подчеркивал: всякая власть от бога. Это, пожалуй, придется вырезать из пленки. Есть у Фоорта еще одно сомнение: кто на Западе поверит в искренность, объективность заявлений Дудко, если он там разренламириван как борец с советским строем. Правда, Мурашов заснял всю беседу — это все же смотрится. И звуковой фон впечатлительный — колокольный звон, церковный хор. В общем, на безрыбье и рак рыба.

Нашел Мурашов и непризнанных художников-авангардистов. Эти стоят перед микрофоном и дружно вопят: «У нас нет времени для творческой деятельности, деньги приходится зарабатывать оформительской работой!» Не звучит, конечно, но зато можно хорошо прокомментировать!

Но больше всего «кинооператор» тревожит за третью часть фильма. Мурашов два раза выезжал туда, где находится исправительно-трудовая колония. Беда! С заснятого кинокамерой забора колонии при самой пылкой фантазии, будь ты даже бароном Мюнхаузеном, разоблачительного материала не получишь. Мурашов нервничал, но что подлаешь? Надо «спасать» фильм. И тогда он решил снимать все, что потом можно будет как-то «подверстать» к кинорассказу о том, как бездуховная жизнь советского общества порождает преступления. Он снимал задиристых ребят в подъезде; пьяного у пивного ларька; гипсовую фигуру физкультурника с отбитой рукой в заброшенном углу парка; мусорные баки во дворах... Пригодится!

Повышенный интерес Мурашова к задворкам не остался незамеченным. Как-то раз шофер такси, возивший Мурашова в район исправительно-трудовой колонии, недовольно обронил: «Что, оттуда?» Мурашов восторженно воскликнул: «Неужели догадался?»

«Довелось как-то сидеть», — буркнул он.

Шофер рассмеялся: «Да я не про колонию. Я подумал, что ты из тех западных туристов, которые ищут у нас, что подурнее пахнет».

Да, туго ему пришлось, «кинооператору». Из укромного местечка возле исправительно-трудовой колонии он стрекотал кинокамерой. Ребята засекли и стали просить: «Дядя, зафотографируй нас!» Мурашов чертыхнулся. Но ребята не отставали, шли следом. Тогда неожиданно для себя он побежал. Потом в наешине долго ёжился от неприятного ощущения липнувшей к спине рубашки. Вспомнил: точно так же мокла рубашка, когда он угонял машину...

Вскоре состоялся просмотр снятого кино-материала. Фоорт явно недоволен третьей

Объяснение.

Я, Теодор ван дер Форт, полностью осознаю противоправность моих действий, выразившихся в установлении связи с Милитсом, Алексом как корреспондентами "Посла" и в даре, согласия на подготовку фильма и звукозаписи, направленной на дискредитацию власти СССР в части выполнения Хельсинкских соглашений, и предположений для использования в период подготовки и проведения Белградского совещания.

Для реализации этого мною было передано г-ну Мурашову Е. П. кинокамеру, 2 магнитофона и 5 кассет, киноплёнку, а также 3 тысячи рублей, полученные от Милитса.

Знаю, что крайне совершил мною преступление, я своим действиями нанес ударный ущерб интересам Русской Православной Церкви, правящим властям и благочестию во главе с митрополитом в Ленинградской духовной академии.

Прошу не принимать меня к уголовной ответственности и разрешить досрочно выехать из СССР в Голландию.

Шванс

СССР, г. Ленинград.
26 мая 1977 года

Я, заранее благодарю советскую сторону за принятое решение моего вопроса. С своей стороны обещаю, находясь в Голландии, и далее поддерживать решения моего вопроса, не предпринимать никаких действий, которые могли бы нанести ущерб советской стороне.

Шванс

26 мая 1977 г.

Теодор Форт, проучившийся три года в духовной академии, сравнительно хорошо владел русским языком. Это объяснение написано им собственноручно.

частью. Он намекнул Мурашову, что три тысячи, полученные им, — это лишь аванс, деньги на мелкие расходы. Основная оплата впереди, и размер ее полностью зависит от того, что и как он снимет. И тут же прокомментировал свое заявление:

— Если будешь снимать так, как снял колонию, то вознаграждения не жди. Ни копейки не получишь, — добавил он, и его лицо покрылось красными пятнами.

— Да иди-ка ты... — взорвался Мурашов.

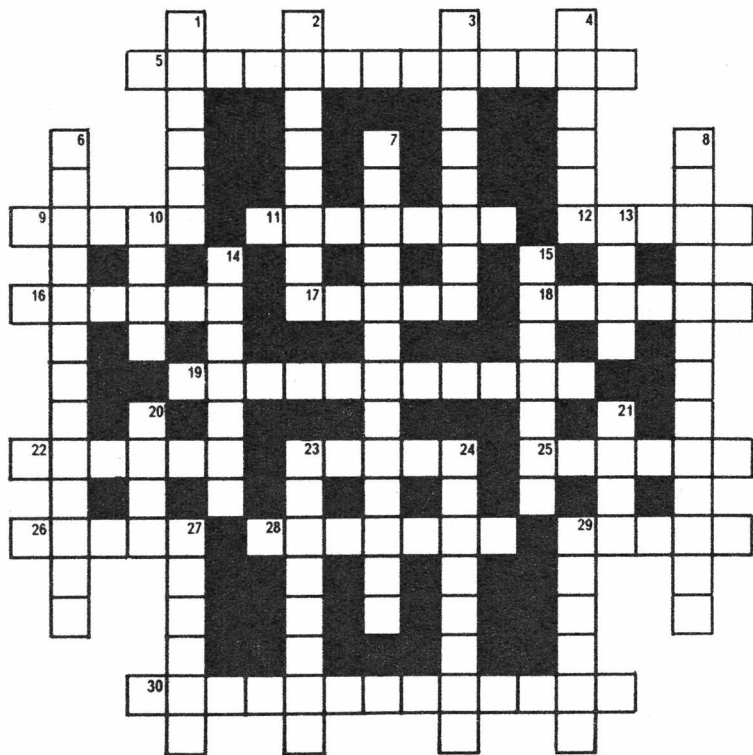
Сдали нервы. Он понял: дальше дело так у них не пойдет. Это была первая размолвка. Но именно она вселила страх в душу Мурашова. Весь день он не нашел в себе сил выехать для съемок очередного намеченного ими объекта.

...23 мая 1977 года Е. И. Мурашов пришел в соответствующие органы и добровольно признался в свершенном. Но сразу уточним: это было лишь полупризнание. Всю правду он не решился поведать. Она выяснилась позже.

Ну, а финал этой истории уже известен. Голландский подданный Теодор ван дер Форт полностью признал противоправность своих действий, его отчислили из Ленинградской духовной академии, и он досрочно покинул нашу страну.

ТЕОДОРА ФОРТА

По горизонтали: 5. Высшее учебное заведение. 9. Столица Марокко. 11. Ювелирное изделие. 12. Промысловая рыба. 16. Художественный стиль средневековой культуры. 17. Курорт в Крыму. 18. Сосуд для хранения содержимого в постоянной температуре. 19. Город в Ленинградской области. 22. Приток Енисея. 23. Геометрическое тело. 25. Шахматная фигура. 26. Древнегреческий драматург. 28. Денежная единица Венесуэлы. 29. Хвойные леса северного умеренного пояса. 30. Русский мореплаватель.

По вертикали: 1. Размер страницы книги, журнала. 2. Учреждение связи. 3. Американский писатель и публицист. 4. Герой комедии П. Бомарше. 6. Официальная положительная оценка чьего-либо труда. 7. Пьеса А. Н. Островского. 8. Наука об организмах минувших геологических периодов. 10. Сольное вокальное произведение с сопровождением оркестра. 13. Часть Мирового океана. 14. Совокупность всех снастей судна. 15. Деталь часов. 20. Зимняя повозка. 21. Строительная конструкция. 23. Сатирический иллюстрированный журнал. 24. Рабочий металлургической промышленности. 27. Крупное морское пассажирское судно, самолет. 29. Двухместный велосипед.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Готовальня. 6. Варта. 7. Гетры. 12. Алгебра. 13. Носорог. 14. Церера. 16. «Кавказ». 18. Сарган. 19. Днепропетровск. 22. Брюква. 23. Кромка. 26. Шеврон. 29. Шалапин. 30. Санитар. 31. Пегас. 32. Ртуть. 33. Галантерея.

По вертикали: 1. Монреаль. 2. «Хованщина». 3. Глаголица. 4. Инстинкт. 6. Флюбер. 9. Перпендикуляр. 10. Боровиковский. 11. Фонтан. 15. Анета. 16. Курок. 17. Журна. 18. Сиваш. 20. Фрегат. 21. Вокзал. 24. Раневская. 25. Конвертер. 27. Виноград. 28. Бестужев.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рамбуйе. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстен перед началом переговоров. Фото Э. Песова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы художника С. М. Буланова: вазы из малахита «Уральский самородок» и «Салют» * кольцо «Лунный камень» * набор «Лучистый» * браслет «Русь» * брошь и кольцо «Северное сияние» * лоток из агата, брошь и кольцо из серебра с аметистом.

(См. в номере материал В. Разумного «Поэт загадочного камня».)
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международного — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 13/VI — 1977 г. А 00374. Подп. к печ. 28/VI — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1494. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 702.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Лев ФИЛАТОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Сейчас только и слышно со всех сторон: «Спорт молодеет! Спорт молодеет!» И доказательств тому великое множество, и прибывают они с каждым днем. На наших глазах взрослых людей из плавания теснят подростки, женскую гимнастику в пору уже переименовать в гимнастику детскую, все более юными становятся фигуристы, а совсем недавно в такой «солодной» дисциплине, как скоростной бег на коньках, восемнадцатилетний американец Эрик Хейден, выиграв сначала звание чемпиона мира среди взрослых, тут же, словно не набегался, отправился на чемпионат юниоров и стал первым и там. Обращает на себя внимание и то, что чемпионаты для юниоров, как всеобщие, так и международные, становятся все более весомыми в общественном мнении. И как всегда, когда мы сталкиваемся с чем-то новым, отклики на этот напор несовершенных чемпионов противоречивые, неустоявшиеся. Одни люди принимают это явление как должное, как черту нашего времени, других тревожит неминуемое раннее повзросление детей-мастеров, как и их преждевременный выход в «старички», третьи не могут примириться с тем, что нарушен издавна привычный облик многих интересных соревнований, где теперь вместо взрослых, эталонно развитых, красивых атлетов, заставлявших собой восхищаться, преуспевают безмятежно бесстрашные дети, вызывающие в залах взрыв удивления и умиления.

Времени предстоит рассудить спорящих и, надо полагать, внести какие-то поправки во вкусы и привычки ценителей спорта.

Испытывает на себе эти новые веяния и футбол. В самом деле: недавно и континентальному первенству для команд 18-летних прибавился чемпионат Европы для 21-летних (в прошлом году оба эти турнира выиграли советские

сборные), а в Тунисе разыгрывается чемпионат мира для 19-летних. Прибавьте к этому ставшие традиционными международные турниры юниоров в Каннах, Ницце, Монако, Сан-Ремо, Тулоне, наш, весенний, в Средней Азии, множество турниров всесоюзных — «Кубок Юности», «Кубок Надежды», чемпионаты клубов специализированных школ, и окажется, что юные футболисты заняты по горло, не меньше, чем взрослые. Когда прошлой осенью я пожурил центрфорварда нашей юношеской сборной киевлянина Олега Тарана, человека одаренного, за недостаточную активность, он мне только и сказал: «Знаете, у меня сегодня был девятый шестой матч в сезоне...». Да, невольно задумаешься, ведь центрфорварду этому всего семнадцать!

Впрочем, я не думаю, что дело может дойти до того, что Кубок мира, которым награждают команду — чемпиона мира, достанется когда-нибудь одиннадцати игрокам юношеского возраста. Во всяком случае, в обозримом будущем. Как бы ни выглядели они вверх, как бы тщательно ни разучивали футбольные приемы, игра эта придумана в расчете на взрослых, и все в ней — затрата сил, суровые единоборства, необходимая и позволительная резкость, терпение и выдержка, проницательность и расчет, воля и характер — отмерено по нормам находящегося в расцвете сил мужчины. Это, разумеется, не исключает вкраплений в команду способных юношей, ведь рано начинали и Пеле, и Крuiфф, и Стрельцов, и Блохин. Но вспомним, что даже и эти «звезды» на первых порах пользовались поддержкой, опекуном старших по возрасту мастеров, были если не на побегушках, то, во всяком случае, выполняли задачи локального свойства, и должно было пройти несколько сезонов, прежде чем они стали определять игру своих команд.

Но в таком случае, чем же вызван повсеместный бум с юношеским футболом, если в этой игре, в отличие от, скажем, плавания, дети не выходят на первый план?

Однажды, после какого-то чувствительного поражения сборной, я получил от читателя письмо следующего содержания: «Ну, а теперь, как водится, и вы, журналисты, и руководители поведете разговоры о юношеском футболе и заметите это поражение...» Ироничный читатель прав в том, что много лет у нас велись скорее умозрительные, чем деловые разговоры о юношеском футболе, и набирала силу эти разговоры действительно после заметных поражений.

ТОЧКА

Так учатся играть головой...

...а так ногами.

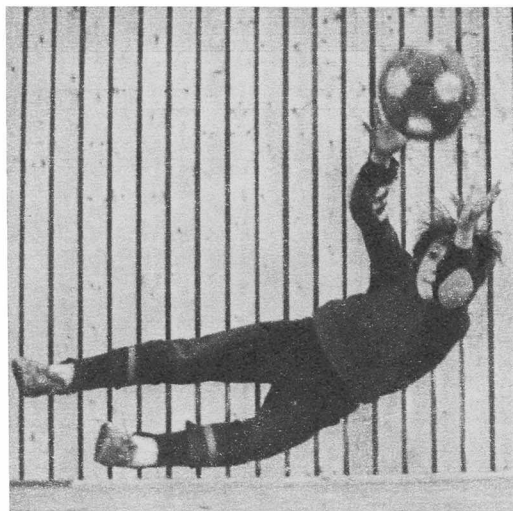

Друзья побеждают.

ОПОРЫ МЯЧА ⚡

Мяч как из пушки.

Занятия по тактике проводит тренер М. Рубин.

Точка опоры мяча.

А не прав ироничный читатель в том, что считает тему юношеского футбола как бы второстепенной, существующей для отвода глаз, для того, чтобы «замять поражения». Точнее сказать, она таковой выглядела, ибо обучение игре у нас в самом деле было поставлено никуда никуда образом. Но не было ни одного человека, мало-мальски сведущего, который бы не понимал, что именно этот раздел футбольной жизни и есть узкое место и что некоторые досадные поражения нашей сборной и клубов вполне достоверно отражают этот пробел.

А тем временем специалисты заметили, что ребята вообще стала меньше играть в футбол. Нет, любовь не угасла, просто, с одной стороны, мальчишки-горожане все чаще остаются без зеленых площадок для игры в условиях бурного городского строительства, а во-вторых, все больше дает себя знать противоречие между часами, требующимися для уроков и для того, чтобы вволю погонять мяч. Если же мы спросим футбольных знаменитостей прошлого, то подавляющее большинство из них сообщит, что и разные хитрые приемы они разучили и выносливость приобрели в детские годы, в нескончаемых матчах во дворах и на пустырях. Строго говоря, значительная часть мастеров — выходцы из так называемого «дикого» футбола. Да и те ребята, которые, будучи отобранными на конкурсах, удостоившись чести быть принятыми в команды при клубах, обучение проходили преимущественно в календарных матчах, где и они и их тренеры вели постоянную борьбу за победу, за очки, за места, согласно которым почему-то и выводились оценки как за успеваемость ученикам, так и за педагогическое мастерство тренеров.

Большой футбол тем временем прогрессировал. Менялась сама игра, она становилась быстрее и атлетичнее, вошли в обиход понятия «интенсификация», «универсализм», «скоростная техника». Поскольку секреты формирования хорошей команды были открыты, силы стали подраиваться как на международной арене, так и в пределах национальных чемпионатов. Клубы в наши дни проводят чуть ли не вдвое больше матчей, чем, скажем, лет двадцать назад. И все это настоятельно требовало, чтобы в футбол приходили молодые люди лучше, и главное, иначе, чем раньше, в духе современных требований, обученные и развитые. В противном случае футболу грозило «обмеление».

Если мы с вами обратимся к футбольным дискуссиям прошлых, не столь уж давних лет, то обязательно встретим воспоминание кого-либо из тренеров ведущих клубов: «Дайте мне игроков, и я сделаю команду, не мое дело обучать азам!» И тут же в ответ назидание с укоризной: «На готовеньком хочешь существовать, чтобы на него дяди работали. Самому надо заботиться о смене!» Эти точки зрения находились в состоянии неустойчивого равновесия, вторая чаще перевешивала. Но ведь ясно, что стремление переложить еще и обучение юных на тренера клубной команды, решающей каждодневные свои ответственные турнирные задачи, не что иное, как перекладывание вины с большой головы на здоровую. И пока шел этот беспредметный спор, ребят как следует футболу не обучали, а команды мастеров пополнялись со скрипом, с натугой игроками, умеющими далеко не все, что обязан уметь мастер.

На протяжении многих лет, как только сходились на поле наши юношеские или молодежные команды с зарубежными, независимо от исхода их встречи, оставалось впечатление, что наши менее

техничны, а если они побеждали, то за счет физических и волевых достоинств. Или вспомним о таком застарелом пробеле в игре наших футболистов, как игра головой. Были и у нас мастера такой игры — Сальников, Крыжевский, Калоев... Но они были наперечет, были самоучками. (Кстати замечу, что класс игры головой проявляется не в том, чтобы монотонно отбивать мяч подальше от своей штрафной площадки, а в том, чтобы дать тонкий пас или забить гол.) Прошлой осенью я побывал на турнире в Монако, где получил возможность сравнить выучку наших юниоров с выучкой их сверстников из семи стран Европы. Могу твердо сказать, что «внизу» наши манипулировали мячом не менее ловко и грамотно, чем остальные, а «вверху» были явно отстающими. Точнее сказать, их просто не обучили этой игре. И думаю, потому, что и учителя их, бывшие мастера, не умели играть головой и не знали, как этому учить.

— Коснемся еще одного так называемого вечного футбольного вопроса — быть или не быть переходу игрока из одной команды в другую. Тут сплетены в клубок подозрения, обиды, ревность одних с торжеством других. Это — солнечное сплетение футбола. Сколько было фельетонов, громких разбирательств, приказов спортивных организаций! Еще можно понять, когда гонятся за игроком дико, винно одаренным, потому что футбольный талант редок, как и любой другой. Но ведь, будем откровенны, в большинстве случаев наши ведущие клубы собирают повсюду и самых обыкновенных, рядовых футболистов. Загляните хотя бы в сегодняшний список игроков «Торпедо», участвовавших в осеннем чемпионате страны, и вы легко обнаружите в нем больше десятка приезжих. И не «звезд». Это говорит о том, что торпедовская школа, оказывается, не в силах готовить для своей команды квалифицированных игроков.

А ведь как, наверное, было бы прекрасно, если бы каждый клуб исподволь, потихонечку растил мальчишек, каждую весну принимал их в ряды своей главной команды, и были бы в ней одни «свои»!

Ну хорошо, скажет читатель, автор нам доказал, что обучение детей и юношей — это прямо-таки та точка опоры, с помощью которой можно добиться решительных перемен к лучшему в футболе. За чем же дело стало?

И тут я вас приглашаю в Ленинград, на улицу Верности, в новенький Дворец футбольной школы «Смена».

Футбольное образование годами упиралось в отсутствие мест для занятий — полей и залов, в нерадивость многих тренеров, в незнание — как учить, в отсутствие программ, таких, которые давным-давно есть по всем предметам в средней школе, и — это особенно существенно — в нехватку времени, отпущенного мальчикам на футбольные занятия. Сама собой родилась характерная сценка, которую можно было подметить едва ли не в любой детско-юношеской школе: на пыльной, неровной поляне возятся с мячом мальчишки, а тренеры в тени играют в шашки. А мы-то ждали оттуда умелых игроков!

Ленинградская «Смена», существовавшая уже несколько лет, именно в этом учебном году стала настоящей школой футбола. Она получила прекрасный Дворец (именно так, с большой буквы его надо писать). Мне приходилось видеть разные сооружения, служащие футболу, во многих странах мира, и я с уверенностью могу заявить, что нигде, ни в Бразилии, ни в ФРГ, ни в Англии, ни во Франции, ничего подобного нет. В этом Дворце два огромных зала для тренировок со всем необходимым учебным оборудова-

нием, кинозал, методические кабинеты, зал для общефизической подготовки, раздевалки, душевые, сауна, маленькая гостиница для приезжих команд, комнаты, где можно готовить уроки.

В «Смене» семьсот учеников и тридцать тренеров, и над программой обучения для школы работает кафедра футбола Ленинградского института физкультуры.

Все это прекрасно. Но как сделать, чтобы ребята могли заниматься футболом столько времени, сколько нужно, и при этом без ущерба для своих обычных школьных занятий? На помощь пришел городской отдел народного образования. В обычных средних школах, расположенных окрест, были созданы классы из ребят, занимающихся в «Смене». На практике это вылилось в то, что мальчишки со всего города (их же отбирали!) приезжают и девяти утра в «Смену», во Дворец, на тренировку, потом с одиннадцати занимаются в своих классах, обедают, делают уроки, под вечер — опять во Дворец на вторую тренировку, после чего отправляются по домам. Вот так и вырабатывается примерный образ жизни мальчика, который всерьез хочет заниматься футболом.

Опыт первого учебного года по этой системе (конечно, еще не окончательный и неисчерпывающий) дал понять, что успеваемость в классах не упала, чего некоторые опасались, а, наоборот, поднялась, что же касается поведения (среди увлекающихся футболом, как всем известно, паинек не так уж много), то оно лимитируется прежде всего занятостью и тем, что ребята дорожат своей принадлежностью к «Смене», чью форму и значок они носят. Заметим, что детский Дворец расположен метрах в двухстах от другого новенького Дворца — манежа, где под крышей и за стеклянными стенами футбольное искусственное поле нормального размера, а высота потолка двадцать метров, где круглый год лето, зелено, светло и тепло. Так что и в лютую стужу ученики смогут проводить взаправдашные матчи.

Сменовский Дворец пока один. И вовсе не обязательно, чтобы всюду отныне было только так. Условия у школы могут быть и попроще. А вот организацию занятий, постановку дела у ленинградцев можно позаимствовать. Я был в «Смене» в те часы, когда там была на экскурсии группа тренеров команд второй лиги. И я заметил, что все они мало того, что со вниманием слушали завуча школы С. Корнилова, но еще и дотошно выясняли так называемые «технические подробности».

Классы для маленьких спортсменов сейчас представляются специалистам лучшим решением вопроса. Без них детский футбол (им охвачено, шутка сказать, двадцать тысяч ребят) непрочен.

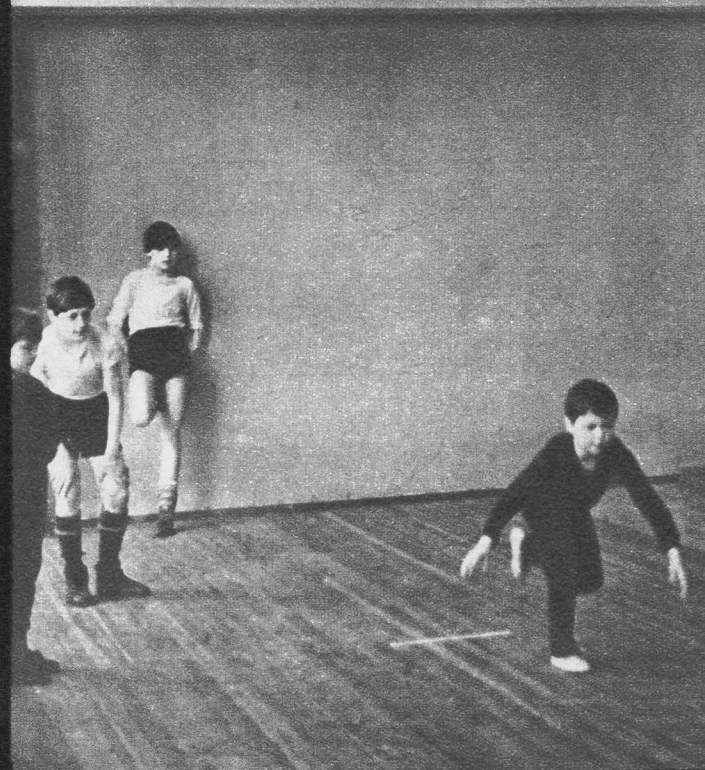
А нужда в юношах, умеющих играть в футбол, поистине острая. У меня как-то был разговор с тренером нашей юношеской сборной С. Мосягиным, и он, представляя мне своих игроков, с трудом дошел до пятнадцати. А надо сказать, что поиск способных ребят идет по всей стране, разведчики и наблюдатели просматривают все мало-мальски приметные детские турниры, включая «Кожаный мяч».

И нужда эта существует всюду, я это понял, когда в дни турнира в Монако беседовал с тренерами из ФРГ, Франции, Венгрии, Испании, Югославии. Спрос на квалифицированных игроков резко подскочил. Время естественного, во многом случайного стихийного отбора, надо полагать, кончается. Футбольное образование становится такой же точной дисциплиной, как образование музыкальное, балетное, вообще как любое специальное образование. И большие матчи и турниры в будущем, думается, будут выигрывать те, кто верно определил точку опоры современного футбола.

Тренировались тренеры.

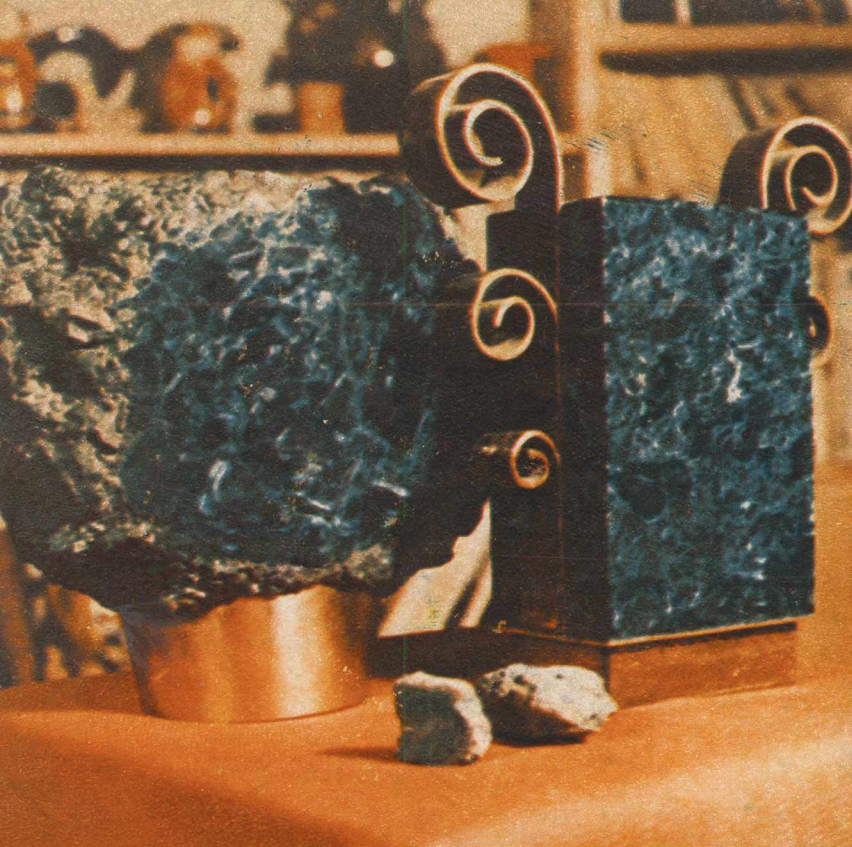

Вступительные экзамены.

Команда тренера Николая Воронцова.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

